

7

2024

ISSN 0132-1625

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

СОЦИС

СоцИсу — 50 лет:
подводим итоги

Почему социальная
жизнь объяснима, но
непредсказуема?

Перспективы социологии
в контексте фрагментации

В поисках авторов!

«Задача социологов –
привносить порядок в хаос»

НАУКА
— 1727 —

Журнал основан
в июне 1974 года

К ЧИТАТЕЛЮ!

- 3 ТОЩЕНКО Ж.Т. Листая страницы истории журнала
7 КЛЮЧАРЕВ Г.А. СоцИсу – 50 лет: социология в поиске новых идей

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 10 ТОЩЕНКО Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни
23 ИВАНОВ Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2.
Теории и методы для дополненной социальной реальности

ИНТЕРВЬЮ

- 37 «Задача социологов – привносить порядок в хаос»
(интервью С.Ю. Демиденко с чл.-корр. РАН М.Ф. Чернышом)

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

- 48 ТЕМНИЦКИЙ А.Л., БЕССОКИРНАЯ Г.П. Изменения в проблемно-предметном поле
социологии труда в контексте вызовов времени
(по публикациям в СоцИсе за 50 лет)
61 ТИТАРЕНКО Л.Г., КАРАПЕТЯН Р.В. Изменяющиеся ценности труда
(по материалам российских и зарубежных публикаций)
73 ТРОФИМОВА И.Н. Политика на страницах «Социологических исследований»:
между идеологией и эпистемой
87 КАРЛОВА Е.Н. Тренды развития военной социологии
в России на основе публикаций в СоцИсе (2014–2023)
98 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е. Проблемы образования на страницах журнала СоцИс
112 СУЩИЙ С.Я. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии:
эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.)
128 БЕЛОВА Ю.Ю., ЗАДОРИН И.В. Становление новых практик заботы о здоровье:
что (не)видит социология
-

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

- 146 ОБРАЗЦОВ И.В., ПОЛОВНЕВ А.В. В поисках баланса: авторский состав журнала «Социологические исследования» (2014–2023)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 159 ПОДВОЙСКИЙ Д.Г. Почему социальная жизнь объяснима, но непредсказуема, или как свобода рождает детерминизм?

ЮБИЛЕЙ

- 170 Иванову В.Н. – 90 лет!

- 171 К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

- 176 CONTENTS

СОЦИС: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2024

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2024

© 2024 г.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

В истории СоцИса было несколько дат, которые мы особо отмечали: в 1994 – 20-летие, в 1999 г. – 25-летие, в 2004 г. – 30-летие журнала, в 2014 г. – 40 лет и 45 лет в 2019 г. Каждый раз мы подводили итоги прошедшего пути и определяли ориентиры на будущее. Эти итоги были в чем-то общими, в чем-то разными, но отражали особенности каждого этапа развития журнала, редакция которого искренне и добросовестно стремилась показать в публикациях потребности, преобладающие в обществе и волнующие людей. В этом году журнал отмечает полувековой юбилей, к которому он подошел в непростых условиях в связи с преобразованиями издательского дела в Российской академии наук. Но несмотря на внешние осложнения (организационные, финансовые, кадровые), журнал отмечает этот этап своей истории как последовательное продолжение того пути, который был намечен 50 лет тому назад. Поэтому, если подводить итоги работы, можно выделить основные направления, на которых было сосредоточено внимание журнала, несмотря на изменения в обществе.

Первая страница – *появление социологических статей в академических журналах*. Здесь заслуга принадлежит нашим коллегам философам, которые «приютили» ростки второго рождения социологии и стали публиковать статьи по социологии в журнале «Вопросы философии». В №6, 1955 г. вышла статья академика В.С. Немчинова (в то время он был академиком-секретарем отделения философии и права АН СССР) «Социология и статистика», в которой он доказывал, что «исторический материализм и есть марксистская социология» (как определенный компромисс с официальной точкой зрения. – Прим. Ж.Т.). Одновременно в статье он ратовал за то, чтобы экономисты и социологи превратились в «социальных инженеров» строительства социализма в СССР.

Первой публикацией, содержащей *эмпирические данные*, стала статья в «Вопросах философии» (№ 8, 1959 г.), подготовленная молодым доцентом Уральского университета Л.Н. Коганом, в которой был обобщен опыт проведения совместно с М.Н. Руткевичем исследования на пяти уральских заводах, посвященных культурно-техническому уровню рабочих этих предприятий. Одновременно в эти же годы (в конце 1950-х – начале 1960-х гг.) на страницах этого журнала стали появляться статьи других ученых – акад. Ю.П. Францева, акад. А.М. Румянцева, Г.М. Андреевой, И.С. Кона, В.В. Колбановского и др.

В 1960-е гг. социологи, проводившие эмпирические исследования, получили возможность довести до сведения научной общественности свои результаты в периодически издаваемых сборниках «Социальные исследования», в «Информационных бюллетенях» Советской социологической ассоциации, которые стали выходить во многом благодаря организаторским усилиям Г.В. Осипова. К этому стоит добавить, что в 1960-е гг. появились и первые монографии, обобщающие усилия ряда коллективов по проведению социологических исследований, что отражено в книге «Вехи российской социологии: 1950–2000-е годы» (М.: Алетейя, 2010)

Таким образом, опыт публикаций первых социологических статей в периодической печати и в ряде изданий привел к необходимости иметь самостоятельный журнал по социологии. Тем более что с 1968 г. существовал Институт конкретных социальных исследований АН СССР, сразу же заявивший о вызревших и апробированных научных результатах. После долгих дискуссий было принято решение о создании самостоятельного журнала.

К огорчению его первого редактора А.Г. Харчева журнал не называли по образцу других обществоведческих журналов «Вопросы социологии», а согласились на некое нейтральное название «Социологические исследования», так как в то время господствовала официальная точка зрения, что социология – это исторический материализм и не надо ее отделять от устоявшегося порядка. Такое название прижилось. Более того, трудно представить жизнь нашего социологического сообщества без СоцИса.

Вторая страница в жизни журнала – *начало самостоятельной академической социологической печати*, которая ведет свою историю с выхода первого номера журнала в июле 1974 г. Эта страница, которую, на наш взгляд, можно исчислять до конца существования Советского Союза, была заполнена анализом волновавших общество социальных проблем на макроуровне, в рамках страны, и на мезо- и микроуровнях, особенно, что и как происходило в производственных организациях, по месту жительства. Эта информация обладала непривычной для того времени новизной, привлекала не только коллег из смежных наук, но и широкой аудитории. К социологам тогда относились сверхдоброжелательно, как к представителям той науки, которая доведет до сведения руководителей страны их желания, стремления, а участие в опросах поможет совершенствовать происходящие в стране процессы.

В этот период, 1970–1980-е гг., стремительно росло число желающих приобщиться к социологии, что выразилось и в потреблении информации, и в создании лабораторий, отделов, секторов и просто групп на предприятиях, в органах власти всех уровней. А так как социологи были самоучками, было развернуто их обучение, к которому подключился и журнал, публикуя статьи по методике и технике социологических исследований.

Особо надо отметить, что в это время на страницах журнала была проведена дискуссия об объекте и предмете социологии, что постепенно привело к признанию права социологии на самостоятельное существование. Это признание было закреплено в официальном документе, в постановлении секретариата ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» (июнь 1988 г.). Именно с этого времени социология окончательно приобрела официальное положение, что выразилось в утверждении нового названия академического института – Институт социологии АН СССР, в образовании социологических факультетов в Москве, Ленинграде и Киеве, создании ВЦИОМ и разрешении формирования социологических служб во многих органах власти, в министерствах и ведомствах. СоцИс перешел на ежемесячный выпуск. А так как в стране происходила перестройка и снятие прежних ограничений, в журнале появились статьи, в которых анализировались проблемы политической и экономической социологии, общественного мнения. Осмысливались процессы деятельности неформальных организаций, состояние общественного сознания, первые попытки перехода к рыночным отношениям, обострившиеся этнонациональные отношения и др. Журнал оперативно реагировал на происходящие изменения. Хотя публикуемые материалы не всегда отличались высоким качеством, но обладали острой полемичностью и дискуссионностью.

Следующая страница – *поиск и уточнение смысла социологического знания в новых изменившихся условиях* – это 90-е годы. В начале 1990-х на долю тогдашнего главного редактора А.В. Дмитриева выпала тяжелая доля определиться с местом и ролью журнала, который – как вся наука и ее журналы – переживали тяжелые времена, в том числе в финансовом отношении. Так как журнал – это определенная концентрация достигнутого в соответствующем сообществе, то требовалось время, чтоб осмыслить происходящее, оценить его, убедиться в достоверности полученных данных и учесть множество противоречивых действий, осуществлявшихся в новом российском обществе. Естественно, что появились новые темы – социальная адаптация, описание и анализ новых явлений в социально-экономической сфере: предпринимательство, бизнес-структуры, реакция людей на возникшую безработицу и жилищный передел; в социально-политической сфере – бюрократия, предвыборные опросы, митинги, забастовки; в сфере культуры – предложения и размышления о перестройке образования, культуры, науки. Журнал печатал

статьи, фиксирующие и анализирующие такие специфические явления, как челноки, которые компенсировали разрушенное централизованное снабжение населения товарами и продуктами. Не обошлось без анализа таких острых проблем, как рэкет, конфликты на межэтнической почве. Это было пестрое полотно тем, которые отражали текущие проблемы страны.

Журнал должен выполнять не только регистрирующую, но и организующую роль, в конце 1990-х гг. открылась следующая страница в жизни журнала – *поиск новых идей, отражающих состояние и тенденции развития общества в новых социально-экономических условиях*. На мою долю как главного редактора (с 1995 г.) выпала обязанность определиться не только в отношении текущих проблем, но и с будущим участием в развитии социологической науки. На этом этапе, в конце 1990 – начале 2000-х гг., координирующая и рекомендательная роль руководства журнала выразилась в том, что, во-первых, была перестроена схема рубрик, в которой четко отражалась структура самой социологии как совокупности проблем в экономике, политике, социальной и культурной сферах с разделением их на основные и специальные концепции. Это осуществлялось для того, чтобы социологическое знание выглядело как упорядоченная структура направлений исследований.

Во-вторых, журнал взял курс на постоянную заботу о теории, методологии и методике исследований, специально учредив соответствующие рубрики. Более того, с 1999 г. журнал стал проводить ежегодные Харчевские чтения (в память о первом редакторе), которые обсуждали только теоретические и методологические проблемы, начиная с таких исходных тем, как объект и предмет социологии, структура и уровни социологического знания, понятийный аппарат социологии и др., что нашло отражение в публикациях А.Г. Здравомыслова, А.И. Кравченко, М.Н. Руткевича, Н.Е. Покровского, В.А. Ядова и др.

С 2010 г. к этой проблематике подключились и усилия Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике», основные доклады которого публиковались в журнале. Принципиальным условием тематики этих заседаний стало обсуждение новаторских и пионерных теоретических и методологических проблем, что во многом способствовало появлению отечественных теорий и концепций, свидетельствуя, по меткому замечанию Р.В. Рывкиной, преодолению в работах российских социологов «примыкательства к западным теориям». Эти поиски в дальнейшем воплотились в издании коллективной монографии «Новые идеи в социологии» (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013).

В-третьих, журнал осуществлял поиск и способствовал институализации новых направлений, таких как историческая социология (Н.В. Романовский), социология международных отношений, превращению рубрики «социология медицины» в социологию здоровья. В процессе публикаций по социальной структуре общества родились две новые рубрики – социология профессий (при усилиях научного редактора И.П. Поповой) и социология детства (С.Н. Майорова-Щеглова). Приобрела вполне определенное и самостоятельное значение гендерная социология (Г.Г. Силласте).

В-четвертых, особое внимание уделялось работе с молодежью. В рубрике «Первые шаги» (и в других), помещались материалы молодых авторов, которые избрали социологию своей профессией и хотели поделиться результатами своих исследований. Можно с уверенностью сказать, что практически все известные в настоящее время социологи осуществили апробацию своих идей на страницах СоцИса (Ю.А. Зубок, Г.Е. Зборовский, Н.Е. Тихонова, М.Ф. Черныш и др.).

В-пятых, журнал стремился обратить внимание на опыт не только зарубежных коллег, но и на наследие русских социологов XIX – начала XX вв., а также на еще далеко не осмысленное творчество социологов советской России 1920-е гг. Хотя для этого многое сделали А.О. Бороноев, И.А. Голосенко, Е.И. Кукушкина и В.В. Сапов и др., но социология этих лет остается еще малоизученным полем, которое ждет своих исследователей.

В-шестых, журнал не забывал об учебных делах и преподавании социологии. Регулярно предоставлялись (и предоставляются) страницы тем, кто делится своими наблюдениями, размышлениями и находками в работе со студентами. Журнал активно участвовал

в обсуждении проблем преподавания социологии, для чего была учреждена рубрика «Кафедра. Консультации», в которой освещался опыт как социологических факультетов, так и вузов, где социология была включена в перечень обязательных социальных дисциплин. Публиковались статьи, помогающие преподавателям в подготовке лекций.

В-седьмых, в 2000-е гг. были осуществлены попытки анализа и объяснения зарождающихся процессов и явлений, связанных с изменением экономических, социальных и политических отношений (Н.И. Лапин, А.Г. Здравомыслов, В.К. Левашов, В.В. Радаев и др.). Нормой стало обсуждение актуальных животрепещущих проблем. В этом подходе отразилась такая черта социологической науки, как ее постоянный отклик на проблемы общества.

В-восьмых, журнал заботился о связях с мировой социологической мыслью, регулярно публикуя статьи коллег, которые были предметом обсуждения в мировом сообществе. Так появились публикации П. Штомпки, М. Виверки, А. Турена, З. Баумана и др. социологов из многих стран мира, в том числе Азии и Африки. К этому примыкают статьи коллег из бывших союзных республик, которые знакомили с тематикой и достижениями социологов своих стран.

Наконец, принципиальной установкой журнала была и есть ориентация на дискуссионный характер публикаций, представление страниц различным точкам зрения, – журнал отказался быть «знатоком истины в последней инстанции». Мы представляли слово взаимоисключающим точкам зрения, считая, что читатели и время расставят все точки над и. Для этого служили не только традиционные рубрики, но и «Дискуссия. Полемика», «Особое мнение», «Социологическая публицистика».

В журнале во все периоды были и есть свои трудности. Ведь публикации делают не сотрудники журнала, но они старались и стараются отражать все многообразие позиций, точек зрения, которые есть в нашей науке. Поэтому журнал стремился если не изжить, то ослабить влияние таких издержек и пороков, как описательность (подобие моментальных фото), забвение отечественного опыта, слепое заимствование, лжепроблемы.

Сейчас происходят принципиально качественные изменения в мире. Мир будет иным. Предстоит критически оценить пройденные пути, наметить и сосредоточить усилия на осмыслении этого нового становящегося мироустройства. Реальный опыт показал, что идеология и практика либерализма не состоялись. Более того, ими нанесен значительный ущерб стране. Не было не только расцвета, даже удовлетворительного развития не получилось. В жертву принесены интересы россиян, в результате чего страна была в режиме стагнации и даже рецессии. Все это имело серьезные социальные последствия. В результате мы получили общество травмы. Отметим, что после многих лет отвержения опыта Советского Союза сама жизнь потребовала возвращения к некоторым идеям и практике решения неотложных проблем на предшествующем пути развития. В этой ситуации неотложной потребностью становится поиск новых идей. Для социологии, на мой взгляд, это означает осмыслить происходящие и грядущие изменения в социальном положении людей под влиянием четвертой промышленной революции, шестого технологического уклада, коренных сдвигов в социальной структуре, потрясений («оптимизация») в образовании, здравоохранении, культуре. Несомненно, происходят неоднозначные процессы в общественном сознании, духовном мире. Остаются открытыми, но еще неосмысленными ниши в отечественной жизни – прокси-войны, постправда, такие явления, как пароксизм и кентаризм, искусственный интеллект, шеринг-экономика и гиг-экономика. Иначе говоря, требуется поиск ответа на многие животрепещущие вопросы о том, как строить взаимоотношения человека и общества.

В настоящее время, на наш взгляд, открылась новая страница в жизни журнала, как и в жизни всего российского общества. Происходят глубинные изменения в современном мироустройстве, вызванные беспрецедентным вмешательством США и ее спутников в жизнь России, что требует более глубокого осмысления сдвигов в становящемся многополярном мире, и грядущей коренной трансформации экономической, политической, социальной и культурной жизни страны. Естественно, будут происходить неоднозначные

изменения в общественном сознании и поведении людей, в их реакции на осуществление технологической, информационной и коммуникационной революции.

Так что впереди много работы. Думайте, держайте, осмысляйте новую реальность, предлагайте свой анализ, свои объяснения и свои рекомендации для решения избранных вами проблем и ищите истину на трудном научном поле.

Ж.Т. ТОЩЕНКО,

председатель Международного редакционного совета

DOI: 10.31857/S0132162524070016

© 2024 г.

СОЦИСУ – 50 ЛЕТ: СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКЕ НОВЫХ ИДЕЙ

В приветственном слове Ж.Т. Тощенко справедливо отмечает, что мир стремительно меняется. Изучение этих процессов дает богатейший материал для социолога. Ученый не может ограничиться для объяснения происходящего конфуцианским афоризмом, что «конец света» для бабочки становится для гусеницы началом следующей жизни. Его интересуют динамика и стадийность процесса, закономерности и предсказания сценариев развития. К примеру, в 1994 г. в номере СоцИса к его 20-летию в приветствии тогдашнего главного редактора А.В. Дмитриева звучала настороженность в отношении новых для того времени товарно-денежных отношений, поощрения духа предпринимательства во всех сферах деятельности. Сегодня эти элементы социально-экономической жизни вошли в повседневность и составляют предмет изучения экономических социологов. Примерно такая же ситуация складывается и сейчас. Мировой порядок стремительно трансформируется под воздействием самых разных факторов – геополитических, идеологических, социально-экономических. Приходится учитывать влияние на повседневность искусственной социальности, не говоря уже о природных естественно-эволюционных факторах.

Для более глубокого понимания особенностей того, как социология трансформируется одновременно с предметом изучения, стоит обратить внимание на ее инструментализацию как науки, испытывающей эпистемологическое влияние определенных общественных и политических групп. И здесь стоит отметить естественное стремление и задачу на предстоящее время – развивать теоретическую социологию, которая обеспечивает именно научный, а не прикладной, ситуативный статус.

Если говорить о деятельности журнала в первые десятилетия его существования, то по воспоминаниям современников, первому главному редактору А.Г. Харчеву приходилось нелегко. Значительная часть статей, особенно по дискуссионным и теоретическим вопросам, согласовывалась «наверху». Ежемесячно ему приходилось отстаивать право на публикацию рукописей в высоких кабинетах, доказывая актуальность и ценность того или иного материала. В таких случаях Харчев использовал редакторский прием: вместе с «проблемным» материалом в рубрике размещалась статья с противоположной точкой зрения. В результате читатели знакомились с текстами, начиналась дискуссия. Следуя этой традиции, мы стараемся подавать «дискуссионные» материалы в соответствующих рубриках, которые могут отражать различные точки зрения.

За полвека СоцИС оказал большое влияние на подготовку преподавательских и научных кадров. В вузах и университетах возникли более сотни, если учитывать ведомственные учебные заведения, кафедр социологии; число выпускников ежегодно составило несколько тысяч специалистов, которые овладели навыками проведения полевых исследований. Они уверенно чувствуют себя в таких сферах деятельности, как маркетинг, политехнологии, проведение

опросов общественного мнения. Из их же числа формируется молодой преподавательский состав кафедр, который, к сожалению, далеко не всегда надолго задерживается в вузах. И это – также реальность времени, которая может иметь немалые последствия для нашей науки. Позволю привести выдержку из письма от перспективного научного сотрудника из региона, которая уже около года как сменила рабочее место в университетской исследовательской лаборатории на влиятельную аппаратную должность. Она пишет: «Из-за конфликта сотрудников с руководством закрыли мое подразделение, и я была вынуждена уйти... Сейчас работаю в <...> региона руководителем <...>. И теперь есть отличная возможность проверить всю нашу социологическую теорию на практике. Уникальный опыт ежедневного включенного наблюдения, фокус-групп и интервью! Оказалось, что очень много из того, что анализировала в своих научных трудах, сейчас видится совсем иначе. В реальной жизни наука и госуправление очень далеки друг от друга. И если раньше я винила в этом власть, которая не использует такой важный социологический ресурс, то теперь вижу, что не все так однозначно. Иждивенческая позиция научных кадров, статья ради статьи, конечно – это отталкивает. Теория – это хорошо, но должна же быть и практическая ценность». Имеет ли «практическая ценность» отношение к эпистемологии, не знаю, но важно не забывать и об инструментальной ценности социологии.

Значимым событием в процессе инструментализации стало возникновение в начале 1990-х гг., а затем вхождение в состав Российской академии наук первого современного негосударственного социологического учреждения – Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП). За десять лет деятельности институт (директор, впоследствии научный руководитель – академик РАН М.К. Горшков) провел десятки исследований, получивших широкое признание в стране и за рубежом. В образованном при активном участии ученых РНИСиНП в 2005 г. Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН (ФНИСЦ РАН), куда вошел и Институт социологии РАН, сегодня эффективно трудятся несколько сотен ведущих специалистов-социологов.

Размышляя об эпистемическом (ценностном, инструментальном) векторе развития отечественной социологии (к примеру, назовем дискуссии о *национальной самобытности российской социологии*), стоит вспомнить о роли субъекта-ученого, которая часто недооценивается и не поощряется. На наш взгляд, исследователь, который работает с российской эмпирикой, скорее определит предпочтительное направление, чем это изначально предлагается в государственном задании. Кстати, госзадание с учетом предварительных согласований и утверждений остается актуальным в течение 4–5 лет. За это время многое меняется. Сокращается спектр возможных научных направлений, в том числе по линии международного сотрудничества. Ситуация была описана Латуром – эпистемология социальных наук должна быть обязательно связана с правом наблюдателя-исследователя определять тип сущностей, с которыми он собирается иметь дело. Собственно, такая особенность нынешнего времени – вполне в тональности *позитивистской традиции* (организации) научной деятельности. Основные категории социологии – объективность, всеобщность, необходимость, непрерывность, линейность (по возможности), единообразие (стандартизация), достоверность и истинность, наиболее возможная верифицируемость, отрицание релятивизма (вероятностного знания и интерпретации фактов) и многообразия – остаются без изменений многие годы, если не десятилетия. Отсюда следует признание объективной потребности научного, надыдеологического, внеполитического и неконъюнктурного статуса социологии. Именно это направление, очевидно, будет стимулировать внечеловеческий, надсубъектный подход к социально-гуманитарному знанию. Только в этом направлении, по моему мнению, можно избежать произвольности и релятивизма интерпретаций происходящих во внешнем мире изменений.

Задача расширения эпистемологических ориентиров отечественной социологии (в том числе национальной самобытности в международном контексте) может решаться за счет выявления и использования новых форм трансцендентальности (надсубъектности). Возможно, таких как искусственная и биологическая социальности. Подобно тому, как в свое время трансцендентальная философия Канта трудами его последователей способствовала возникновению феноменологической социологии Гуссерля и Шюца, в наше время можно ожидать сущностного

переопределения социальных отношений и действий, которое, в свою очередь, радикально трансформирует понимание происходящих в мире перемен и наше отношение к ним.

Конечно, к эпистемическому повороту современной российской социологии следует добавить текстовую, языковую составляющую, которая связана напрямую с нарративом, дискурсом, процессом инструментализации, а если использовать специальный термин – *операционализации* понятий. *Языковая игра* – один из ключевых моментов современной социологической науки – становится трансцендентной практикой социального познания.

Данное обстоятельство особенно значимо для развития традиции научных текстов, которые составляют основу научных журналов, периодики и многочисленных публикаций. В последние несколько лет Российская академия наук предпринимает значительные усилия для сохранения государственной поддержки академических журналов. Сохранение автономного коммуникационного пространства социологов (неважно, в бумажном, цифровом, гипертекстовом или ином виде) – условие развития нашей науки. В этом направлении, как показывает новейшая (последних пяти – семи лет) история СоцИса, еще много работы и препятствий. В частности, стоит упомянуть немалые сложности в процессе перехода на цифровой формат, устойчивое сокращение числа подписчиков (в том числе зарубежных), непростые производственно-технологические отношения с издателем и финансово-договорные с учредителем, утрату позиций в международных базах WoS и Scopus.

Со своей стороны, мы делаем максимально возможное, чтобы отвечать на эти вызовы, сохранять многолетние традиции, которые обеспечивают качество нашей продукции – повышаем роль внешней экспертизы и «слепого» рецензирования, регулярно встречаемся с авторами и читателями в различных частях страны, проводим конкурсы на лучшие работы. Особенно хотелось бы отметить коллектив редакции и в первую очередь научных редакторов, каждый из которых профессионально и доброжелательно работает с текстами и самими авторами в процессе подготовки материалов к публикации. К незыблемым традициям мы относим также очный формат заседаний Редколлегии и редакционных планерок. Здесь нам удастся сохранять ауру живого человеческого общения, которая вряд ли доступна при цифровом или дистанционном форматах.

* * *

Дорогие авторы и читатели, эксперты и рецензенты, члены Редколлегии и Редакционного совета – все, кто много лет сотрудничает с нами!

От души поздравляю вас с полувековым юбилеем журнала «Социологические исследования»!

Надеюсь, вы сможете реализовать смелые и амбициозные научные задачи, о которых мы не раз говорили. Вклад каждого ученого в этот процесс различен, у всех своя миссия и цель, но прорывные научные открытия (особенно в социологии) редко совершаются в одиночку. Поэтому особое значение имеет поддержка коллег, научного коллектива или школы. Главное в нашем деле – честность, принципиальность и трудолюбие, и, конечно, стремление познавать новое – базовые эпистемологические ценности, которые многие столетия аутентичны служению Науке!

Г.А. КЛЮЧАРЕВ,
главный редактор

DOI: 10.31857/S0132162524070021

© 2024 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ЖИЗНЕННЫЙ МИР КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. В статье раскрыты новые грани недавно возродившегося социологического понятия «жизненный мир». Дана краткая характеристика истории его появления в научных исследованиях и его олицетворение в реальной практической деятельности людей. Раскрывается, как апробировались его отдельные характеристики и показатели, уточнялись в процессе теоретических и эмпирических поисков. Рассматриваются наиболее успешные работы по его описанию и анализу. Показывается, какую роль выполняет это понятие для обогащения нашего представления о жизни людей во всех возможных ее комбинациях. Называя уже имеющиеся в социологии трактовки жизненного мира, автор предлагает один из возможных вариантов его анализа, когда рассматривается жизненный мир человека: а) как гражданина, б) как жителя определенного пространственного образования (город, поселок, село), в) члена производственной организации и г) как участника отношений в микросреде, в структуре межличностных отношений. В заключение обобщаются особенности использования понятия «жизненный мир» в контексте теоретической концепции социологии жизни.

Ключевые слова: жизненный мир • социология жизни • типы и виды жизненного мира • общественное сознание • поведение • социальная среда

DOI: 10.31857/S0132162524070035

Теория возникает как ответ на потребности познания естественно-природных и общественных процессов и событий. История каждого научного понятия свидетельствует, что вначале зарождаются, формируются и развиваются его отдельные фрагменты, затем уточняется и закрепляется представление о нем, объясняя его сущность и содержание.

Этот подход был реализован автором при исследовании понятия *жизненный мир* (далее – ЖМ) по нескольким направлениям: (1) осуществлена попытка определить место ЖМ в структуре социологического знания применительно к концепции социологии жизни (см. подробнее: [Тощенко, 2000]), затем его эмпирическая интерпретация после серии всероссийских исследований [Тощенко, 2016а]; (2) рассмотрена история возникновения понятия ЖМ, начиная с его обоснования. Напомню, что впервые это понятие предложил Э. Гуссерль, определив его как человеческое измерение действительного мира, его основа («почва и горизонт»), осознание жизненного опыта, учет исторически сложившихся жизненных форм существования людей. Его последователь А. Шюц утверждал, что этот мир является воплощением *жизнепрактических* (подчеркнуто авт. – Прим. Ж.Т.) смыслов, обладающих непосредственной очевидностью, и сочетанием форм взаимосогласованного

человеческого опыта (подробнее см.: [Тощенко, 2015a]); (3) были выявлены показатели ЖМ в основных сферах общественной жизни – экономической, политической, социальной и духовно-культурной (подробнее см.: [Тощенко, 2016a]). Наконец, в монографии «Социология жизни» осуществлено обобщение проведенного анализа ЖМ, рассмотрены его смыслы, противоречия, которые сопровождают жизненный путь людей на современном этапе развития общества (подробнее см.: [Тощенко, 2016b]). Автор далек от мысли, что все стороны и аспекты этого научного понятия раскрыты, объяснены и описаны, показана его эвристическая значимость. В этой статье осуществлен поиск идей по раскрытию новых граней этого феномена.

Опыт классификации современных интерпретаций жизненного мира. Так как в названных выше публикациях проанализирован исторический опыт непосредственного и опосредованного изучения ЖМ, то на современном этапе развития научной мысли, на наш взгляд, можно выявить несколько направлений анализа, чтобы разобраться в его сущности и особенностях функционирования. Прежде всего, мы назовем *современные теоретические работы*.

К ним, по нашему мнению, следует отнести творчество Ю. Хабермаса, чья социальная теория основана на коммуникации, в соответствии с чем ЖМ трактуется как состоящий из социально и культурно закреплённых языковых значений. Это живое царство неформального, культурно обоснованного взаимопонимания и взаимного приспособления [Хабермас, 2022]. Необходимо выделить труды З. Баумана, особенно его работы, посвященные всестороннему анализу всех аспектов постоянно изменяющейся жизни людей (см.: [Бауман, 2008]), а также исследования повседневной жизни П. Штомпки [Sztompka, 2008]. Б. Краус определил ЖМ (*Lebenswelt*) как «субъективное представление человека о реальности, которое он или она формирует в соответствии со своими жизненными обстоятельствами» [Краус, 2015: 4]. Немецкий философ И. Блюменберг с позиций феноменологического метода анализировал ЖМ как особую «жизненную практику», которая может выходить за границы очевидности и включать в себя области парадоксальности, гипотетичности и незавершенности в осмыслении как сознания, так и деятельности [Блюменберг, 1993: 69–93].

Что касается современных российских исследований жизненного мира, то этой проблематикой в основном занимались философы и психологи. Д.А. Леонтьев предложил типологию жизненных миров – традиционалистский, гедонистический и прогрессистский, чтобы, по мнению автора, «привлечь внимание к базовым принципам организации жизненного мира как основе построения взаимоотношений между индивидами, а также между индивидом и социальными структурами» [Леонтьев, 2019: 32]. Соотношению понятий ЖМ в контексте его изменений в процессе развития посвятил исследование В.М. Розин, обратив внимание на его меняющиеся реальности в зависимости от социально-исторических условий [Розин, 2022: 55–66]. Отметим и поиск объяснения содержания ЖМ, предпринятый Ю.М. Резником, который осуществил рассмотрение места и роли этого понятия в социологии жизни и при анализе различных аспектов сознания и поведения людей [Резник, 1995]. На наш взгляд, стоит отметить, что интерес к данному понятию появился и среди молодых исследователей, что позволяет сделать выводы об актуальности и о перспективности использования данного понятия [Попкова, 2021].

В течение длительного времени социологические исследования в мире и в нашей стране шли по линии их проведения в применении к определенным сторонам жизни людей – в сферах экономики, политики, социальной и культурной жизни. Шло накопление информации об этих аспектах публичной и приватной жизни людей, что приближало необходимость выходить за рамки обозначенных теоретических, методологических и методических установок и искать объяснение при помощи информации из смежных областей знания, чтобы отразить жизнь людей во всем ее многообразии.

Приблизили к пониманию ЖМ появившиеся во второй половине XX в. исследования повседневности, образа жизни, теории и практики социального планирования, которые

можно считать неким приближением к охвату всех сторон жизни людей, хотя собственно понятие «жизненный мир» в них могло и не употребляться (подробный их анализ см.: [Тощенко, 2016б]). Из этих попыток назову несколько примеров. На наш взгляд, ЖМ работников нашел отражение в монографии, инициированной заводским социологом В.В. Чичилимовым, в которой описана жизнь работниц Тираспольской швейной фабрики (см.: [Соловьева и др., 1980]). В книге наглядно и убедительно анализировались все без исключения заботы, тревоги и проблемы женского коллектива предприятия – от характеристики трудовых будней до работы детского сада.

Что касается современной России, то отмечу уникальное исследование жизни сельских жителей Угорского района Костромской области Н.Е. Покровским, стремящимся ответить на злободневный вопрос – что собой представляет жизнь современной российской деревни в специфических условиях российского Севера с учетом особенностей данных поселений [Покровский, Нефедова, 2014].

В 2000-е гг. Институт социологии РАН провел ряд исследований по человеческому измерению российского общества, выявляя характерные аспекты жизни людей, их проблемы, текущие и перспективные, изменения в установках и ценностных ориентациях (подробнее см.: [Горшков, 2011]). В отличие от социологических центров, ведущих изучение отдельных сторон жизнеустройства россиян, в серии работ, осуществленных этим институтом в форме мониторинга, показывалось, как менялись те или иные аспекты жизни людей, как усиливались или ослабевали те или иные тенденции в сознании и поведении людей, вскрывались причины этих изменений и прогнозировались возможные сценарии изменений жизни россиян (см., напр.: [Российское общество..., 2022]). В этом и предшествующих изданиях на основе социологического мониторинга дается анализ состояния и динамики российского социума, выявляются суждения и оценки россиян, их социально-психологические состояния, связанные с ключевыми внутренними и международными событиями и процессами, их влияние на массовое сознание и поведенческие практики. Важно и то, что дается анализ состояния доверия в обществе как фактора консолидации/деконсолидации, а также содержания смысловых установок в контексте личных интересов и интересов страны.

В Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН более тридцати лет ведется мониторинговое исследование, охватившее основные сферы жизни россиян, обобщенный ЖМ, тенденции и изменения в его развитии и функционировании, а также проблемные ситуации общественной жизни (см. подробнее: [Как живешь, Россия..., 2024]). Социологи РГГУ проанализировали состояние ЖМ социальной общности – прекариата, опубликовав серию работ о социальном положении россиян во всех сферах общественной жизни – экономической, социальной, политической и духовно-культурной (см.: [От прекарной занятости..., 2022; Жизненный мир работников..., 2024]). Своеобразный и оригинальный проект Б.З. Докторова раскрывает ЖМ нескольких поколений советских/российских социологов; основное внимание уделено их профессиональному становлению (см. подробнее: [Докторов, 2012]).

Показатели жизненного мира. Обобщая накопленный опыт анализа сущности, содержания и структуры ЖМ, на наш взгляд, можно определить его основные показатели, посредством чего возможно получить наиболее полное и достоверное знание об этом феномене.

Первой базовой характеристикой (и, соответственно, показателем) ЖМ является *реально функционирующее общественное (групповое, индивидуальное) сознание во всем его многообразии и многозначности*. В отличие от умозаключений и суждений философов социологическая мысль предполагает операционализацию сознания, определение конкретных индикаторов, по которым можно судить о состоянии, тенденциях и проблемах его. На наш взгляд, это сознание можно измерять при помощи *фиксируемых и количественных и качественных понятий* – *знание, информация, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и другие эмпирические элементы жизненного мира людей*. Такой подход одновременно решает научные и прикладные задачи. С одной стороны, он уточняет

полноту ЖМ, позволяя обогащать представления о нем, с другой – помогает уйти от умозрительных заключений и оперировать реальностями жизни людей, которые живут не в соответствии с государственными или политическими доктринами, не с научными теориями. Они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливо сочетаются ценностные ориентации и установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают социально значимый характер. Люди судят о своем положении не по декларациям, теориям и концепциям, а по реальной ситуации, с которой они сталкиваются в публичной и приватной жизни. Что бы ни говорили о тенденциях и изменениях в ЖМ людей, несомненным фактором является оценка и самооценка «Я» со всеми вытекающими последствиями, которые в конечном счете приводят к необходимости считаться с осознанием каждым человеком своей ценности и самоценности.

Следует учесть, что у людей значительно меняется структура стимулов к жизни, к действию. Внешние стимулы ослабевают. Внутренние растут, свидетельствуя о возрастании роли субъективного фактора, духовного начала в развитии и функционировании современного мира. При этом подчеркну еще раз: сознание развивается автономно, независимо, не всегда согласуясь с социально-экономическими тенденциями; автоматизма во взаимодействиях сознания и бытия нет. Особенно пристальное внимание сознанию во всех его ипостасях уделяют социологи, которые исповедуют человечески ориентированную сущность социологии, по сути антропоцентричную [Волков, 2016; Лапин, 2021].

Второй базовой характеристикой (показателем) жизненного мира людей является *поведение (деятельность)*. Не секрет, что общественное (групповое, индивидуальное) сознание и особенно такие его структурные элементы, как намерения, ориентации, интересы по разным причинам не всегда реализуются в поступках, действиях, в реальных делах. Поэтому для социолога познание и выявление процесса «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс) приводит к тому, что при таком подходе реализуется, с одной стороны, возможность видеть богатство и одновременно проблемы функционирования ЖМ, с другой – прогнозировать вероятность его изменения в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В поведении, как богатом по содержанию явлении, переплетается реализация научно-обоснованных знаний, суждений и умозаключений со стихийным, продиктованным практическим опытом непосредственным восприятием действительности и соответствующие ему действия (подробнее см., напр.: [Наумова, 1988; Саморегуляция и прогнозирование... 2013]).

Иначе говоря, *реальное, практическое поведение – это по своей основной сути функционирующая социальная жизнь в сложном переплетении закономерных связей/отношений и случайных, единичных, иногда противоречивых по социальной сути взглядов, идей и представлений*. В этой связи напомним характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным, как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [Сорокин, 1992: 534].

Однако чтобы не впасть в субъективизм, необходимо принимать во внимание не только сознание и поведение, но и третий показатель ЖМ – *общественную макро-, мезо- и микросреду – социально-экономические, социально-политические и социально-культурные условия, олицетворяющие влияние на сознание и поведение людей*. Их влияние может происходить как непосредственно, так и опосредованно в зависимости от того, в какие общественные процессы человек включен и как он – осознанно и/или стихийно – реагирует на них. Иногда понятие среды ассоциируется с экономической и социальной инфраструктурой, с условиями реализации поведения, деятельности (см., напр.: [Сычева..., 2013; Хриенко 2009: 195–197]).

Названные показатели – сознание, поведение (деятельность), социальная среда – присущи любому классу, социальному слою, страте, социальной общности, социальной группе. Они проявляют себя в любом обществе, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории, но в то же время не исключая их изменения и модернизации [Черныш, 2021].

Такую оценку разделяют и другие исследователи. По мнению Н.И. Лапина, в энциклопедически сжатом изложении концепция социологии жизни и ее базовое понятие ЖМ позволяет преодолеть противоречия «между макро- и микросоциологией, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями» [Лапин, 2016: 160]. Сложность познания ЖМ отмечает Д.Г. Подвойский: «в бурном потоке жизни перемешивается множество течений: жизнь – не только “рацио”, “логос”, но и воля, чувства, вера, энергия, страсть, смятение, порыв, *l'élan vital* <...> не только Афины, но и Иерусалим <...> “становление” и “ставшее”, творчество и рутина в одном флаконе» [Подвойский, 2017: 218].

Такое прочтение идей исследователей и анализ данных эмпирических исследований позволяет дать определение ЖМ: мир Человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования социального потенциала, мир возможностей человека, восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым в обществе преобразованиям [Тощенко, 2015а: 115].

Многообразие ликов жизненного мира. При рассмотрении ЖМ применительно к российской действительности, на наш взгляд, приемлем методологический и методический прием, который рассматривает и объясняет его в зависимости от многообразия субъектности россиян, от их мировосприятия и отношения к окружающей действительности. Для более углубленного представления о ЖМ важным и перспективным оказалось раскрытие его черт и ориентиров на основных уровнях социальной организации: всего общества, административно-территориальной общности, производственной организации и контактной межличностной среды, что позволяет и анализировать сознание и поведение людей при выполнении ими соответствующих социальных ролей – как *гражданина*, как *жителя*, как *работника* и как *участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения*.

Основные ориентиры россиянина как гражданина. Неоспоримо, что люди, живущие в стране, являются ее гражданами. Но что является для них важным в их ЖМ, на что они ориентируются, что предпочитают и в какой степени проявляют осознание и личное понимание своего гражданского положения, своей роли и причастности к жизни государства и общества?

Начнем с анализа идентификации человека со страной. По данным В.А. Тишкова, в настоящее время (2022) на вопрос «Кем вы прежде всего себя считаете?», большинство россиян говорят «прежде всего я гражданин России»¹. Это коррелирует с данными ВЦИОМ, согласно которым ключевым признаком самоидентификации для россиян остается принадлежность к России: 59% опрошенных назвали себя гражданами России, отвечая на вопрос: «Кто я такой?». Эти данные позволяют утверждать, что российская идентичность – чувство сопричастности к стране, является ведущей характеристикой по сравнению с другими, важными для человека идентичностями – по национальности, религии, по месту проживания, когда человек чувствует свою принадлежность к той или иной культуре, к этнической общности, к малой родине: без местного патриотизма, без привязанности к культуре или к этнической группе, трудно воспитывать страновую идентичность.

Эта характеристика ЖМ коррелирует с историческим прошлым страны, без чего не может быть полноценной идентификация себя с современной Россией. Об этом говорят данные опроса населения страны (2011 г., N = 24526): 86% россиян считают необходимым признать достижения СССР и всемирное значение идей, на основе которых он был построен, величие советского народа, спасшего мир от фашизма².

Понимание россиянами процессов в мире формирует их ориентиры на желаемый облик России. Можно сказать, что многие россияне осознают потерю Россией статуса,

¹ См.: https://nauka.tass.ru/nauka/16321051?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 31.07.2024).

² См.: <https://rossaprimavera.ru/article/nash-adres-sovetkiy-soyuz> (дата обращения: 31.07.2024).

которым обладал Советский Союз. Но с этим они не хотят мириться, высказывая пожелания о возрождении былой славы страны. Многие (46,3%) хотели, чтобы Россия сохранила и укрепила статус влиятельной силы в геополитических отношениях в мире [Жизненный мир..., 2024: 435]. Такая установка россиян позволяет утверждать, что в гражданских ориентирах они во всех социальных группах претендуют на сохранение ведущей роли России в мировой политике и однозначно настроены на восстановление прежних позиций страны. Это можно трактовать, с одной стороны, как понимание изменившейся роли и значения нынешнего российского государства по сравнению с Советским Союзом, но, с другой – как желание вернуть эту роль, ощущая себя гражданином великой страны.

Гражданская позиция проявляет себя и в оценке экономической и политической жизни страны, отражая отношение к осуществляемой государством политике. Ответственная и осознанная оценка социально-экономических отношений не исключает критического отношения к реальным процессам в стране. Однако уменьшилось число, считающих, что политическую систему нужно радикальным образом менять (с 34% в 2021 г. до 13% в 2024 г.). Половина населения считает, что недостатков много, но их можно изменить реформами. Увеличивается число россиян, поддерживающих экономические реформы (с 23 до 50%). Выросло число россиян, считающих, что проводимые экономические преобразования отвечают интересам большинства населения нашей страны (с 20 до 44%). Растет уровень доверия президенту РФ (с 50% в 2021 г. до 75% в 2024 г.), Правительству РФ (с 35 до 55%), Совету Федерации (с 27 до 41%), Государственной Думе (с 23 до 37%) и др. институтам, что говорит о консолидации общества. В целом увеличивается уверенность граждан в завтрашнем дне (с 26 до 42%) [Как живешь, Россия..., 2024: 14, 12, 16, 39].

Отметим также, что при оценке ЖМ россияне учитывается, что их гражданские позиции включают в себя гамму мнений, отражают широкое понимание необходимости решать и другие актуальные общественные проблемы не только экономического и политического, но и социального и культурного характера: в 2022 г. 26,7% заявили о неотложности более эффективного решения экологических проблем, 23,4% – о возвращении России к национальным традициям, 14,3% – за сближение с современными развитыми странами и др. [Жизненный мир работников..., 2024: 435]. Иначе говоря, россияне с небольшими вариациями во всех социальных общностях и группах обладают осознанной гражданской позицией с широкими мировоззренческими ориентирами, что позволяет говорить об их высоком интеллектуальном уровне и чувстве гражданской ответственности.

Россиянин как житель. Если оценки человека как гражданина отражают мироощущение на предельно обобщенном уровне, то на уровне территориально-административной общности на первый план выходят другие заботы, касающиеся человека как жителя (города, села, других населенных пунктов) (см. табл. 1).

Анализ данных позволяет сделать вывод, что высокие показатели волнующих проблем по ЖКХ, здравоохранению, образованию, экологии свидетельствуют о *невысоком качестве жизни*. По мнению большинства россиян, забота о здоровье приобрела первостепенное значение среди других инструментальных ценностей, даже по сравнению с оценкой роли и значения решения жилищно-коммунальных проблем, которые в недавнем прошлом лидировали среди других проблем повседневной жизни. Забота о здоровье значительно выросла в период пандемии, заставив таким неожиданным образом обратить на этот факт внимание. Реальные события, подстегнутые пандемией, показывают значимость решения комплекса вопросов о здоровом образе жизни, когда не только коронавирус, но и другие угрозы приобрели актуальность.

Остается важной потребностью и в настоящем времени и в будущем *забота о детях, об их воспитании, их образовании и гарантии их благополучия* – таково мнение почти каждого четвертого россиянина. Однако эта цифра увеличивается в 2–3 раза, если ее соотнести только с теми, кто имеет детей, повседневная и регулярная опека о которых сопровождает родителей постоянно. Примерно такое же мнение высказывают и по поводу *отсутствия условий культурной жизни*: ее состояние не удовлетворяет каждого 8–10-го россиянина.

Таблица 1

Какие проблемы по месту вашего проживания (в городе, районе, селе) в первую очередь вас волнуют? (в % к числу опрошенных)

Проблемы	2014 N = 1750	2018 N = 1200	2022 N = 1200
Плохое решение жилищно-коммунальных проблем	54,7	46,3	37,5
Проблемы здравоохранения	55,7	57,3	48,7
Проблемы обучения детей	28,1	29,7	24
Плохое транспортное сообщение	18,2	15,7	19,8
Отсутствие условий культурной жизни	14,8	13,3	14,9
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	8,3	9,8	9,8
Плохая экология	20,5	27,8	24,1
Криминальная обстановка, преступность	18,7	11,4	8,8
Другое	4,6	7,8	5,3
Затруднились ответить	7,8	8,8	15,1

Примечание. Исследования 2014 г. и 2018 г. проведены по общероссийской выборке, исследование 2022 г. – среди занятого населения.

Источники: здесь и в табл. 2 [Жизненный мир россиян..., 2016; Жизненный мир работников..., 2024].

При опросе тех, кто имеет precarious занятость, большинство демонстрируют отчуждение от участия в культурных мероприятиях.

Конечно, жизнь жителей в расчете на перспективу не ограничивается названными чертами. Все эти заботы россиян как жителей определенной территории и административной единицы, на наш взгляд, убедительно характеризуют черты ЖМ, которые сводятся к требованиям обеспечения комфортной жизненной среды.

Жизненный мир работника. Трудовую деятельность как важнейшую и определяющую часть жизненного мира россияне оценивают с нескольких позиций. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, какие проблемы волнуют человека по месту работы. Они разнообразны, значительны и весомы для определения отношения работника к занятости (см. табл. 2).

Первое, на что следует обратить внимание: для россиян очень важны базовые основы, гарантии построения своей жизни. Это вопросы, связанные с *неясностью в оплате труда*. На наш взгляд, такое состояние показывает глубокую зависимость трудового положения особенно тех граждан нашей страны, кто находится на условных и не оформленных в правовом порядке отношениях с работодателями, что ставит их в состояние неустойчивости и негарантированности статуса, прав и даже ближайшего будущего. Но одновременно и официально оформленные и неофициально устроенные работники едины в убеждении, что *оплата их труда находится на низком уровне*: более 40% и тех и других считают, что их труд заслуживает более высоких оценки и вознаграждения. Суждение о несоответствии вклада в выполнение трудовых обязанностей и официальные оценки усилий по выполнению служебных (профессиональных) обязанностей отражает более широкий пласт общей неудовлетворенности вознаграждением трудовых усилий работников во всех без исключения отраслях экономики и культуры. Тем более эта неудовлетворенность питается информацией о разрыве между доходами олигархов, банкиров, топ-менеджеров и рядовых тружеников: по официальным данным 2020 г. – год пандемии – увеличил доходы крупного капитала на 57%, уровень жизни работающего населения России понизился на 11,2%³.

³ https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiiskie_oligarhi_ne_smogli_rasplatitsya_po_kreditam_na_yahty_i_samolety/

Таблица 2

Какие проблемы в первую очередь вас волнуют по месту работы в вашей организации)?
(в % к числу опрошенных)

Проблемы	2014 N = 1750	2018 N = 1200	2022 N = 1200
Неясность в оплате труда	22,7	–	12,6
Низкая оплата труда	–	50,3	42,3
Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)	6,6	6,3	6,7
Отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания	12,5	13, 2	10,5
Нет нормальных отношений с руководством	7,9	2,9	7,8
Плохое медицинское обслуживание	–	–	4,9
Нет перспективы в работе, профессиональной карьере	15,4	18,7	19,7
Опасение потерять работу	19,7	22,5	24,2
Плохие условия труда	10,9	7,4	10,3
Плохая организация труда	8,5	8,6	10,2
Плохие взаимоотношения в коллективе	4,4	2,9	2,8
Отдаленность работы от дома	13,6	18,4	19,3
Иные проблемы	4,6	2,3	1,3
Затруднились ответить	3,9	1,8	10,4

Примечание. Исследования 2014 г. и 2018 г. проведены по общероссийской выборке, исследование 2022 г. – среди занятого населения.

К данным об оплате труда примыкает оценка социальных льгот, медицинского обслуживания. Эти социальные гарантии – важная сторона ЖМ, которая определяет уровень бедности работников и позволяет уменьшить осознание изолированности от общества, от производственной организации, других социальных групп. Отсутствие социальных льгот усугубляет положение с неясностью и неопределенностью в оплате труда и ставит работников, и особенно тех, кто занят прекарным трудом, в еще большую зависимость от работодателя, что становится причиной неудовлетворенности своими местом и ролью в производственной организации.

Вместе с тем исследования выявили ряд особенностей поведения работников, что, на наш взгляд, составляет важную характеристику их трудового ЖМ. Речь идет о *низкой оценке значимости таких основ трудового процесса, как условия и организация труда*. При стабильной экономической жизни эти показатели трудового процесса занимают одно из ведущих мест. Однако при стагнации, даже рецессии экономики, потери ею стабильности условия и организация труда отошли на задний план: тревогу по их несовершенству и отставанию выразили практически в одинаковой степени все анализируемые группы работников – и имеющие правовые гарантии, и прекарии. Так, уровень неудовлетворенности условиями труда названных групп колеблется в пределах 9–15%, за исключением торговли (там соотношение 10 и 21%), что можно объяснить спецификой такой формы трудовой деятельности. Этот показатель характерен и для работников промышленности (соотношение 10 и 22%), что объясняется более повышенным, осознанным требованием создания благоприятных условий труда, особенно для тех, кто ранее работал в более приемлемой обстановке.

Не менее удивляют и такие данные: каждый третий-четвертый из постоянных работников и прекариев практически одинаково *отрицательно оценивают перспективы профессионального роста, карьеры*. На наш взгляд, это объяснимо тем, что социальные лифты профессионального продвижения «заржавели», – не только на уровне инженерных должностей, но и рабочих мест. Еще одна характеристика ЖМ работников производства связана

с угрозой увольнения. У постоянно работающих по-прежнему высоки опасения потерять работу (в целом по экономике это касается каждого четвертого-пятого – от 20 до 25%).

Итак, данные исследований показывают противоречивость положения работников, которые сталкиваются с различной степенью вовлеченности в общественно-трудовую деятельность, ее ценностью и пониманием возможности влиять на свое положение. Выявляется парадоксальная ситуация, когда при общей сравнительно высокой удовлетворенности своим трудовым положением значительна доля негативных оценок по различным аспектам производственной деятельности. Это можно трактовать как желание и стремление россиян преодолеть нарушения, недостатки, просчеты в производственном процессе и надежду на их устранение.

Работник в условиях межличностных отношений. Еще одна грань приватного ЖМ, которой большинство людей дорожат, – межличностные контакты в условиях микросреды, непосредственного окружения. Анализ данных показывает, что абсолютна такая ценность, как семья (95%). Ее значение подчеркивается по поводу всех основных сфер жизни человека – образования, работы с детьми, досуга, использования социальных льгот. Правда, трудно объяснить другой показатель: в последнее время число распавшихся семей составляет 45–50% к числу заключивших брак. Пандемия обострила этот процесс. Но при всех трансформациях этого социального института семье принадлежит будущее. Без него трудно представить развитие страны.

Исследование показало рост значения социально-психологических факторов в личной жизни людей. Очень высока оценка роли общения (63%), а также такого показателя, как уважение (62%), что может указывать на возросшую оценку своего Я как человека, профессионала, члена общества.

Приватная жизнь протекает при значительном влиянии социального самочувствия. Обобщенной характеристикой как публичной, так и приватной жизни можно считать оценку возможного будущего (см. табл. 3)

Исследования подтверждают, что контактная, непосредственная среда занимает все большее место в жизненном мире людей. Это ведет к тому, что приватная жизнь приобретает более значимую ценность по сравнению с публичной. А это, в свою очередь, ведет к индивидуализации жизни, которая может выходить на общественные проблемы только в случае, если отражают прямую или косвенную заинтересованность в их решении. Растет влияние ближайшего окружения – семьи, родных (от 83,5 до 91%), а также товарищей по работе (от 17,4 до 28,6%) в зависимости от сферы занятости. Одновременно происходит дистанцирование от официальных каналов возможной помощи в трудных

Таблица 3

Оценка изменений в жизни как фактор социального самочувствия precarious (в % от числа опрошенных)

Как изменилась ваша жизнь, жизнь вашей семьи за последние три года?	Транспорт	Торговля	Строительство	Промышленность	Сельское хозяйство	Все отрасли экономики
Улучшилась	16,4	14,6	9,8	9,0	9,4	16,4
Ухудшилась	36,4	39,2	32,3	49,3	40,9	33,0
Осталась прежней (без особых изменений)	43,6	43,0	50,6	38,1	46,5	47,4
Затруднились ответить	2,9	3,6	7,3	3,7	3,1	3,2

Источник: [Жизненный мир работников..., 2024: 429].

жизненных обстоятельствах. Это приводит к тому, что только 15% россиян выразили уверенность в благоприятной перспективе при вдвое больших опасениях: страха перед будущим, чувства беспомощности, невозможности влиять на происходящее, стыда за нынешнее состояние страны (все показатели от 7,7 до 26,3%). Анализ межличностной среды позволяет сделать еще один важный вывод – она становится еще одной из граней социального неравенства, его показателем, демонстрируя кардинальные различия в таких важных сторонах жизни, как охрана здоровья, обеспеченность жильем, возможность приобретения необходимых товаров, организация культурного времяпровождения и отдыха (к примеру, 53% россиян в 2024 г. собираются свой отпуск проводить дома) и другие различия.

Заключение. Во-первых, понятие ЖМ в контексте теоретической концепции социологии жизни позволяет в целостности охватить все стороны жизни в их многообразии, многоаспектности, уходя от перечисления отдельных сторон сознания и поведения людей. Его использование обогащает представление о комплексном характере жизни людей, даже в случае, когда изучаются отдельные ее стороны, сферы, ниши.

Во-вторых, данное понятие предоставляет возможность рассматривать ЖМ как нечто общее, присущее всему населению соответствующего общества, применять этот подход к: а) социально-классовой структуре (класс, общность (страта), группа); б) сознанию и поведению людей в различных сферах – экономической, политической, социальной, духовно-культурной; в) организации жизненного мира по уровням социальной организации: общество, территориально-административные образования, производственные организации и повседневная среда, что позволяет исследовать жизненный мир людей как граждан, жителей, работников и участников межличностных отношений – микро-среды; г) в этнонациональном и конфессиональном разрезе, это выводит исследователя на анализ не только общих, но и особенных черт жизнеустройства; д) к социально-профессиональной структуре в связи с коренными и неоднозначными процессами настоящего времени – четвертой научно-технической революцией и шестым технологическим укладом.

В-третьих, ЖМ любого из предложенных объектов анализа может быть дифференцирован в зависимости от мировоззренческих и поведенческих ориентаций, так как, например, жизнеустройство инженеров как социальной общности представлено большим числом разных социально-профессиональных групп со своей спецификой и особенностями.

В-четвертых, применение понятия ЖМ позволяет точнее, определеннее и предметнее выявить противоречия в развитии и функционировании между различными его сторонами, так как исследования постоянно показывают, что нет линейной зависимости, например, между экономической и политической, даже духовно-культурной жизнью. Такой подход позволяет избавиться от односторонности изучения и объяснения происходящих общественных процессов.

В-пятых, анализ ЖМ как единого целого дает возможность обнаружить экономические, социальные, политические и духовно-культурные проблемы, увидеть существующие и возникающие противоречия, точнее объяснить их причины и на этой основе предложить меры по их предупреждению и/или решению.

В-шестых, полноту представлений о жизненном мире дополняет возможность прогнозировать его развитие и развитие его структурных элементов – сознания, поведения (деятельности) и социальной среды, поднимаясь до обобщающих выводов о судьбе страны, регионов и поселений, производственных (трудовых) организаций, макро-, мезо- и микросреды.

Наконец, исследование ЖМ обогащает концепцию социологии жизни, которая приобретает роль важнейшего варианта теоретического осмысления существующей действительности, способствуя обоснованию научных и прикладных выводов об изучаемой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008.
- Блюменберг И. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии // Вопросы философии. № 10. 1993. С. 69–93.
- Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КНОРУС, 2016.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.
- Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х т. Т. 2: Беседы с социологами четырех поколений. М.: ЦСП и М, 2012.
- Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: бюллетень. М.: ФНИСЦ РАН, 2024.
- Лапин Н.И. Комплексное социологическое исследование жизненного мира россиян (о книге «Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.)») // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 160–165.
- Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход М.: Весь Мир, 2021.
- Леонтьев Д.А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17759/chp. 2019150103.
- Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
- От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
- Подвойский Д.Г. Рецензия на книгу Ж.Т. Тощенко «Социология жизни» // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 218–223.
- Попкова Н.А. Жизненный мир как предмет социально-философского исследования // Молодой ученый. 2021. № 43(385). С. 319–322.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.
- Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира: (Введение в социологию жизни). М.: Союз, 1995.
- Розин В.М. Культурно-психологическое истолкование понятий «развитие» и «жизненный мир» // Психология и Психотехника. 2022. № 1. С. 55–66.
- Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Соловьева В., Кашина М., Чичилимов В. Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1980.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992.
- Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016а. № 1. С. 5–17.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследований социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3–12.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016б.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022.
- Хриенко А.П. Социальная среда (макро-, мезо- и микросреда) / Тезаурус социологии. Тем. Словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 195–197.
- Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–13.
- Sztompka P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 23–37.

LIFE WORLD AS A BASIC CONCEPT OF THE SOCIOLOGY OF LIFE

TOSHCHENKO Zh.T.

*Russian State University for the Humanities, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Scientific Director of the Sociological Department of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (socs@isras.ru).*

Acknowledgements. This article was prepared in the framework of the grant of RSF, project no. 23-18-00092.

Abstract. The article reveals new facets of such a recently revived sociological concept as the life world. It briefly describes the history of its emergence in scientific research and its embodiment in real practical activities of people. It reveals also how its individual characteristics and indicators were tested and refined in the process of theoretical and empirical studies. The most successful works describing and analyzing it are discussed, although not all of them used this concept. The author shows what role this concept plays in enriching our understanding of people's lives in all its combinations. Citing the existing interpretations of the life-world in sociology, the author offers a possible variant of its analysis, when the life-world of a person is considered a) as a citizen, b) as a resident of a certain spatial formation (city, town, village), c) as a member of an industrial organization and finally d) as a participant in relations in the micro-environment, i.e. in the structure of interpersonal relations. In conclusion, the features of the use of the concept of life world in the context of the theoretical concept of the sociology of life are summarized.

Keywords: life-world, sociology of life, types and kinds of life-world, social consciousness, behavior, social environment, social contract.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Blumenberg I. (1993) Lifeworld and Technization from the Point of View of Phenomenology. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 10: 69–932. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2021) And Again Modernization: In Search of a Conceptual Scheme. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–13 (In Russ.)
- Doctorov B.Z. (2012) *Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches*. In 3 vol. Vol. 2: Conversations with Sociologists of Four Generations. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- From Precarious Employment to the Precarization of Life*. (2022) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2011) *Russian society as it is (a sociological diagnostics)*. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Habermas J. (2022) *Theory of Communicative Activity: Vol. 1. Rationality of Action and Social Rationalization; Vol. 2. Towards a Critique of Functionalist Reason*. Trans. from Germ. by A.K. Sudakova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- How are you, Russia? Express information*. Stage 54 of sociological monitoring, April 2024: bulletin. (2024) Moscow: FNIS RAN. (In Russ.)
- Khrienko A.P. (2009) Social Environment (Macro-, Meso- and Microenvironment). In: *Thesaurus of Sociology. Topics. Dictionary and Reference Book*. Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2016) A comprehensive sociological study of the lifeworld of Russians (about the book "The Lifeworld of Russians: 25 Years Later (Late 1980s – Mid-2010s)"). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 160–165. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Leontiev D.A. (2019) Man and the Life-World: From Ontology to Phenomenology. *Kulturno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 15. No. 1: 25–34. DOI: 10.17759/chp.2019150103. (In Russ.)
- Naumova N.F. (1988) *Sociological and Psychological Aspects of Purposeful Behavior*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Podvoisky D. (2017) Reviewing the book by Zh.T. Toshchenko "Sociology of Life". *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 218–223. (In Russ.)

- Popkova N.A. (2021) Life-world as a subject of social and philosophical research. *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. No. 43 (385): 319–322. (In Russ.)
- Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. (2014) Ed. by N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Reznik Yu.M. (1995) *Social dimension of the life-world: (Introduction to the sociology of life)*. Moscow: Soyuz. (In Russ.)
- Rozin V.M. (2022) Cultural and psychological interpretation of the concepts of “development” and “life-world”. *Psihologiya i Psihotehnika* [Psychology and Psychotechnics]. No. 1: 55–66. (In Russ.)
- Russian society and the challenges of the time. (2022) Book 7. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: Dispositional concept. (2013) 2nd expanded ed. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Solovieva V., Kashina M., Chichilimov V. (1980) *All about us and our team: Concept, methods and results of diagnostics of the lifestyle of the team of Tiraspol garment workers*. Chisinau: Kartya Moldovenyaskie. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Sztompka P. (2008) Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology. *European Review*. Vol. 16. No. 1: 23–37.
- The Lifeworld of Workers: Sustainability vs Precarity. (2024) Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2000) Sociology of life as a concept of social reality research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) Sociology of life as a theoretical concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 106–116. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016a) Lifeworld and its meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–17. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016b) *Sociology of life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2016) *The Lifeworld of Russians: 25 Years Later (Late 1980s – Mid-2010s)*. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2016) *Images of ideology and humanism in modern Russia*. Moscow: KNORUS. (In Russ.)

Received: 14.03.24. Final version: 20.07.24. Accepted: 31.07.24.

Д.В. ИВАНОВ

ТРЕТЬЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ ВОЛНА В РАЗВИТИИ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ 2. ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ДЛЯ ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (dvi2001@rambler.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются позитивные перспективы развития социологии в сегодняшнем контексте фрагментации научной дисциплины, обусловленной метапарадигмальным кризисом и тенденциями постглобализации. Тенденции дезинтеграции в социологии, вызванные распространением постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику и создать теоретическую альтернативу доминированию «глобального Севера» в производстве знания, а также ростом влияния концепций, противопоставляющих социальную реальность сетей и потоков (М. Кастельс, Б. Латур, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетина) классической социальности структур и действий, исчерпали потенциал развития. В социологии сложились условия для третьей интегративной волны. Актуальными становятся теории, создающие связную конфигурацию четырех типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков. Новый предмет теоретизирования конституируется их взаимосвязями в формах полей структураций, скейпов ассемблейей, коммуникаций, платформ, проектов и ивентов. После идей конца современности и множественных современностей актуальной становится идея дополненной современности, преодолевающая конститутивные для социологии конца прошлого столетия деления на локальное и глобальное, систему и жизненный мир, приватное и публичное, материальное и символическое, реальное и виртуальное и т.д. Взаимопроникновение структур разных типов стимулирует развитие инновационных гибридных методов сбора и анализа данных в направлении их обогащения.

Ключевые слова: развитие социологии • метапарадигмальный кризис • интегративная волна • дополненная современность • постглобализация • поствиртуализация • аутентичность

DOI: 10.31857/S0132162524070045

Актуальная повестка теоретико-методологической интеграции. Метапарадигмальный кризис, вызванный в 2000-х гг. распространением постколониального дискурса, попытками стигматизировать западную классику и создать теоретическую альтернативу доминированию «глобального Севера» в производстве знания [Akiwowo, 1999; McLennan, 2003; Connell, 2007; Go, 2020], а также ростом влияния концепций, противопоставляющих социальную реальность сетей и потоков [Latour, 2005; Urry, 2000; Castells, 1996; Appadurai, 1990; Knorr Cetina, 1997; 2009] классической социальности структур и действий, существенно изменил социологию. Тенденции дезинтеграции и фрагментации привели к появлению в социологии новых и множественных драйверов развития, идущего пока в расходящихся направлениях. Но возникновение таких драйверов создает условия для новой интеграции. Нужно объединить эвристические потенциалы противопоставляемых концепций и подходов.

Первая в истории социологии интегративная волна 1920–1950-х гг. породила «большие» теории П. Сорокина, Т. Парсонса, Франкфуртской школы, связавшие разнородные идеи классиков в модели общества как системы [Sorokin, 1937; Parsons, 1951; Adorno, Horkheimer, 1947]. Вторая интегративная волна воплотилась в связавших макро- и микросоциологические подходы теориях Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё [Habermas, 1981; Giddens, 1984; Bourdieu, 1987] и в метатеоретизировании Дж. Ритцера, П. Штомпки, Дж. Александера [Ritzer, 1975; 1990; Sztompka, 1979; Alexander, 1982]. В 2020-х гг. есть все возможности для нового интегративного метатеоретизирования. Нужно применить логику, характерную для прошлых интегративных теорий, к актуальному концептуальному материалу.

В статье развивается подход, использующий в качестве объединяющего понятия метафору *дополненной реальности* (*augmented reality*), апробированную в анализе различных социальных процессов [Иванов, 2020]. Предлагаемая здесь теоретико-методологическая интеграция нацелена на то, чтобы связать:

- 1) представления о привычных и новых формах социальности (институтах, интеракциях, сетях, потоках) в единой концепции дополненной социальной реальности;
- 2) традиционные и инновационные модели социальных изменений и развития в единой концепции дополненной современности;
- 3) методологические подходы, ориентированные на разные типы данных – количественные, качественные, большие, смешанные и т.д., в единой концепции дополненных/обогащенных данных.

Дополненная социальная реальность на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков. После модного в последние 20–30 лет противопоставления сетей и потоков привычным институтам и интеракциям [Latour, 2005; Urry, 2000; Castells, 1996; Appadurai, 1990; Knorr Cetina, 1997; 2009] приходит время теорий, продолжающих логику интегративных моделей габитуса и структуризации [Bourdieu, 1987; Giddens, 1984]. Предметом постбурдьевистских и постгидденсовских теорий должны стать формы взаимообусловленности и взаимопроникновения четырех типов социальности, не только макроструктур и микроагентностей. Нужны теоретические модели, создающие связность сложившейся конфигурации четырех разных типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков.

Конфигурация предметного поля теоретической социологии накануне третьей интегративной волны выглядит так: есть четыре главных типа структур, образующих четыре разных типа социальности – тотальную социальность институтов, частную и ситуативную социальность интеракций, относительную социальность сетей, альтерсоциальность потоков. Институты традиционно предстают как идеально социальные структуры. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (люди, их действия, их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счет постоянных и единых для всех норм. Интеракции являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность. Их координация гарантируется не универсальной нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (просчитывают) действия и атрибутику друг друга, создавая частную социальность здесь и сейчас.

Социальность сетей можно назвать относительной, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а осуществляемая в ходе коммуникации селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона исключаемых, обусловленность доступа в сеть идентичностью, коммуникативность как гарантия социальности являются характерными чертами любых сетевых структур. Потоки, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности – пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т.п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением через пространственные, институциональные и групповые границы – генерированием

трендов, ивентов, проектов и т.д. Социальность в потоках обеспечивается не повторяемостью паттернов или устойчивостью связей, а совместной мобильностью. Движения и изменения создают альтернативную социальность.

От второй интегративной волны социология унаследовала теории, связавшие первый и второй типы социальности – институты и интеракции. Интегративные парадигмы, созданные с конца 1970-х гг. Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, М. Арчер, П. Бурдьё [Habermas, 1981; Giddens, 1984; Archer, 1988; Bourdieu, 1987], были нацелены на установление взаимообусловленности и связности структур и действий, то есть на объединение тотальной социальности институциональных, нормативных порядков и частной, ситуативной социальности порядков интеракций. Совмещение структурного и агентного взглядов на социальную реальность сформировало оптику, в которой институты и интеракции видятся одинаково: как *поля структуриаций* – объективно существующие комплексы intersубъективно конструируемых отношений. При всех терминологических различиях между концепциями коммуникативного действия, структуриации, морфогенезиса, габитуса, все они предлагают модели того, как взаимно (вос)производятся локализованные в пространстве-времени условия (ресурсы и нормы, капиталы и символическое насилие и т.п.) и разнообразные по степени рефлексивности процессы освоения и (пере)оформления имеющихся условий (действия, практики и т.п.). Поэтому связка из термина Бурдьё «поле» и термина Гидденса «структуриация» уместна, поскольку адекватно представляет исследованный в интегративных теориях второй волны общий предмет: поля структуриаций.

Объединение структурного и агентного подходов, макро- и микроуровней социальности по формуле «институты + интеракции = поля структуриаций» представляется частичным. Проблематика теоретической интеграции выглядит иной в контексте поисков, начиная с 1990-х гг., новых объектностей и разработки метафор и концептуальных схем. Противопоставляя старым формам социальности – институтам и интеракциям, новые формы – сети и потоки, Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина и их последователи релятивизировали результаты, достигнутые в теориях Хабермаса, Гидденса, Арчер, Бурдьё.

В 2020-х гг. стало понятно, что представления об иных фундаментальных типах социальности – сетевых и потоковых структурах – не отменяют прежнюю социологию. Кастельс, Латур, Урри, Аппадурай, Кнорр-Цетина не конституировали «постсоциальную науку», но раздвинули границы предметного пространства социологии и дополнили ее теоретическую проблематику новыми вопросами соотношения привычных и новых форм социальности. Поскольку вновь открытыми структурами не устраняются и не заменяются полностью прежде освоенные актуальной становится новая теоретическая повестка: продолжить интегративное теоретизирование и дополнить поля структуриаций другими формами связности еще по пяти линиям сопряжения и взаимообусловленности разных типов социальностей (рис. 1).

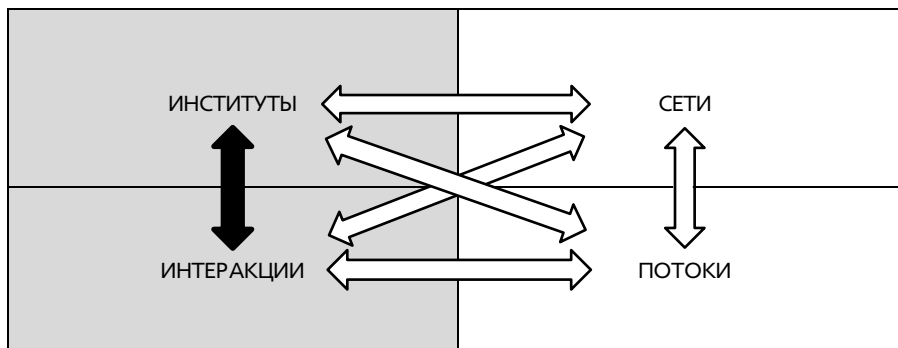

Рис. 1. Аналитическое пространство социальных структур в актуальной социологии

Наряду с интегративной формулой «институты + интеракции = поля структуриаций», релевантной для сопряжения привычных структур (закрашенные зоны на рис. 1), нужны аналитические решения, которые связывают старые и новые формы социальности.

Взаимообусловленность интеракций и сетевых структур проявляется в коммуникациях. Развитие и влияние сетей побуждает индивидов превращать обмен действиями в режиме «лицом к лицу» в дистанционный обмен сообщениями, но в то же время сети воспроизводятся и расширяются за счет креативности коммуникативных действий, нацеленных на поддержание межличностных и внутригрупповых отношений. Участие в коммуникациях от лица множества виртуальных персонажей, эксперименты с множественными и изменяемыми идентичностями, создание ботов (алгоритмов симуляции общения с реальным человеком) становятся распространенными практиками в социальных сетях. Формула «интеракции + сети = коммуникации» не только раскрывает логику взаимодополнительности на стыке двух типов социальности, но и объясняет популярное у социологов, исследующих современный феномен коммуникаций, совмещение микросоциологических, конструкционистских подходов и формально-структуралистского сетевого анализа.

Анализ структурных эффектов на стыке институтов и сетей показывает, что в конце прошлого века развитие сетевых структур с их селективной социальностью релятивизировало тотальную социальность институтов, снизило роль их нормативности, сформировало свободное от институтов виртуальное пространство и вызвало виртуализацию самих институтов [Castells, 1996; Иванов, 2000]. В начале нынешнего столетия виртуализация институтов пошла в направлении создания цифровых платформ, которые путем алгоритмизации нормируют сетевые структуры, коммерциализируют и бюрократизируют сетевые связи. Коммуникации в социальных сетях и мессенджерах, на маркетплейсах и агрегаторах, в мобильных приложениях и на порталах фирм и учреждений все в большей степени подчинены обезличенным нормам, обуславливаются предоставлением персональных данных и жестко регулируются. Виртуализация институтов оборачивается платформизацией сетей. Перевод большей части интернет-коммуникаций на подконтрольные крупным корпорациям и государству платформы – это тенденция конвергентного развития социальных структур по формуле «институты + сети = платформы».

На линии сопряжения между институтами и потоковыми структурами определенность и упорядоченность социальных процессов все чаще обеспечивают проекты, в которых свойственное институтам повторение привычных образцов (паттернов) заменяется характерным для потоковых структур непрерывным обновлением целей, перемещением ресурсов, сменой зон активности. Проектная логика жизни характерна теперь не только для бизнесменов, но для большинства людей, вовлеченных в диктуемую культурой потребления – консюмеризмом гонку за показателями успешности. Проекты, как ограниченные по времени целевые программы деятельности, быстро сменяют один другой и задают режим краткосрочных фаз активности и вовлеченности, в котором индивиды и группы стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни. На общественно-политических аренах проектная логика, ранее отличавшая социальные движения от рутинного функционирования правительств, министерств, бюрократических структур всех уровней, теперь все больше проникает в государственную власть и в публичное управление. Их перевод в формат проектов, варьирующихся по масштабам от национальных программ развития до муниципального благоустройства, наглядно реализовал формулу взаимообусловленности структур: «институты + потоки = проекты». В проектах институты динамизируются потоками, потоки нормализуются институтами.

Сопряжение структур на линии интеракции–потоки проявляется в буме ивентов. Вместо регулярных и рутинных контактов между индивидами в постоянных по составу и месту функционирования группах присутствие и сопричастность обеспечиваются сериями разовых, но зато креативных и интенсивных событий. Насыщенные разнообразными активностями ивенты объединяют людей и обеспечивают сильную идентичность в условиях постоянных трансформаций технологий и паттернов интеракций. Двигаясь в потоках

ивентов, люди компенсируют дефицит социальности, возникший в результате виртуализации привычных интеракций и групп, функционировавших в режиме «лицом к лицу». Таким образом, организуемые для работников компаний мероприятия по поддержанию корпоративного духа, тематические встречи друзей, фестивали, конкурсы, выставки, концерты, коллективные перформансы, флэш-мобы и даже брутальные акции протеста и устрашения превращаются в особую разновидность структур, реализующих формулу «интеракции + потоки = ивенты».

Взаимообусловленность структур по линии сети – потоки изначально концептуализирована в теориях Кастельса, Латура, Аппадурай, Урри. Нужно лишь обобщить их представления о том, что сети и потоки являются двумя аспектами одной реальности. Сети задают топологию процессов, обеспечивают направления для потоков, а потоки придают сетям процессность, обеспечивают соединение узлов. Соединяемые в целостности сети и потоки предстают как интеробъективно существующие гибридные комплексы трансобъективно формирующихся текущих сборок. Упрощенно это сопряжение сетевых и потоковых структур можно передать формулой: «сети + потоки = скейпы ассембляжей».

Неологизм скейп (*scapes*), введенный А. Аппадурай [Appadurai, 1990] для обозначения пространств-потоков и подхваченный Дж. Урри, М. Уотерсом [Urry, 2000; Waters, 1995] и другими исследователями, отсылает сразу к двум значениям – пространственной определенности ландшафта, местности (по-английски *landscape*) и текучести, ускользания через границы мест (по-английски *escape*). Популяризированный Б. Латуром и его последователями термин «сборка» (по-французски *assemblage*) создает коннотации и с техническими операциями соединения деталей, и с социальными процессами организации собраний и формирования объединений.

Скейпы ассембляжей, поля структуриаций, коммуникации, платформы, проекты, ивенты в совокупности образуют актуальный предмет для теоретической социологии и перспективный полигон для эмпирических исследований. Взаимопроникновение структур, которые раньше противопоставлялись или по крайней мере разграничивались, позволяет сегодня называть социальную реальность дополненной. Метафора дополненной реальности (*augmented reality*), взятая из IT-технологий, где цифровые объекты встраиваются в одно пространство с физическими, хорошо схватывает те гибридные реальности, которые возникают на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков.

Дополненная социальная реальность не замена прежним концепциям, но интегральный итог развития теоретических представлений о социальной реальности со времен Дюркгейма до наших дней. Единая и объективная реальность, представленная Э. Дюркгеймом [1990], уже к середине прошлого века стала выглядеть недостаточной. Предложенная А. Шюцем иерархия множественных реальностей с выделенным особым статусом повседневной реальности [Шюц, 2004] выглядела хорошим решением вплоть до конца XX столетия. Затем пришло время для концепций дезагрегирования: исчезновение объективной реальности и рост медийной гиперреальности по Ж. Бодрийяру [Baudrillard, 1981] и плюралистичность реальностей в версиях Ш. Айзенштадта и Р. Коннелл [Eisenstadt, 2000; Connell, 2007]. С развитием в начале XXI века идей Б. Латура, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетины о гибридности и темпоральности реальностей [Latour, 2005; Urry, 2000; Knorr Cetina, 2009] оформились предпосылки для интегральной концепции дополненной реальности. В ней взаимно проникают и взаимно обуславливают одна другую объективная реальность институтов, интересубъективная реальность интеракций, интеробъективная реальность сетей, трансобъективная реальность потоков.

Дополненная современность и проблематика социального развития. Наряду с достижением связности представлений о формах социальности (типах и уровнях социальной реальности), концепция развития структур на стыках институтов, интеракций, сетей и потоков открывает перспективу теоретической интеграции в исследованиях социальной динамики. Достижение связности разноплановых моделей социальных изменений и развития возможно в концепции дополненной современности (*augmented Modernity*).

После бума конкурирующих моделей глобальной современности, конца современности и множественных современностей актуальной становится идея общественного развития, преодолевающая конститутивные для социологии конца прошлого столетия разделения на локальное и глобальное, ядро и периферию, систему и жизненный мир, публичное и приватное, материальное и символическое, аналоговое и цифровое, реальное и виртуальное, модернистское и постмодернистское и т.д.

В концепции дополненной современности привычные со времен модернизации структуры – институты и интеракции, не исчезают, а совмещаются с вновь возникающими сетями и потоками. Социальность теперь представлена в конфигурации разных структур, выступающих в качестве взаимодополнительных и взаимопроникающих форм координации и организации совместной жизни людей. Социальная жизнь во взаимопроникающих реальностях – это насыщенное киберфизическим опытом, интенсивное, креативное и мобильное участие в создании, поддержании и развитии полей структуриаций, скейпов ассемблейей, платформ, коммуникаций, проектов, ивентов. Развитие дополненной социальной реальности – позитивная перспектива, которую можно видеть сегодня в крупнейших очагах постиндустриальной экономики – двух – трех сотнях глобальных мегаполисов, отличающихся высокими уровнем жизни и качеством жизни, а также наполненностью жизни. Здесь высокие показатели уровня доходов/потребления, доступности социальных сервисов и комфортности среды свидетельствуют о развитости привычных институтов и интеракций индустриальной эпохи, а высокие показатели насыщенности жизни людей активностью в новых коммуникационных сетях, освоением новых общественных пространств, художественным или техническим творчеством – о развитости сетевых и потоковых структур постиндустриального типа и о возникновении гибридных структур на стыках разных типов социальности.

Однако позитивная перспектива дополненной современности соседствует с негативными эффектами концентрации новых форм социальности в мегаполисах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах и мегагородах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого социального государства (*welfare state*), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, приводит к «истощению» социальности. Вместо ожидавшегося всеобщего распространения и умножения форм социальности, порожденных модернизацией, и возникновения глобальной современности [Giddens, 1990; Robertson, 1992] сейчас можно наблюдать скорее нарастающий разрыв между дополненной современностью в суперурбанизированных анклавах и переходом социальной жизни в режим истощенной современности (*exhausted Modernity*) за их пределами.

Контраст между дополненной и истощенной современностями требует переосмыслить доминировавшие до сих пор концепции социальных изменений и социального развития.

Во-первых, больше не актуальны теории глобализации, превращающиеся в идеологизированные утопии на фоне наблюдаемых тенденций постглобализации. Происходит локализация глобальности, то есть избавленной от барьеров, мобильной и мультикультурной жизни, в сети мегаполисов. Нарастают разрывы в уровне, качестве, стиле жизни между суперурбанизированными анклавами глобальности и остальными территориями и сообществами. Вызовом неолиберальному глобализму становится национал-популизм, ведущий к возведению разнообразных барьеров (протекционистские и политические санкции, карантин, антимиграционные стены, военные конфронтации и т.д.) для «нежелательных» транснациональных сетей и потоков.

Во-вторых, теряют актуальность теории виртуализации и цифровизации. Виртуализация, будучи замещением реальных вещей и действий образами и коммуникациями, «взламывала» реальность привычных институтов и порядков интеракций в конце прошлого века. Сейчас перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию. Цифровизация сейчас не инновация, а социальная рутина и апроприация сетевых и потоковых структур корпоративными и государственными платформами. Рутинность цифровых технологий и тотальность контроля провоцируют поворот к «новой материальности»: ценностью становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговое» в противовес «цифровому». Активисты и бизнесмены создают в новых общественных пространствах проекты и ивенты, функция которых – быть точками доступа к реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни представляют собой поствиртуализацию, поскольку «поворот к реальности» не отменяет превратившуюся в рутину виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. После виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Lyotard, 1979; Baudrillard, 1978], но становится более сложной и интенсивной там, где на смену отделению виртуальной реальности сетей и потоков от привычной реальности институтов и интеракций пришли тенденции их взаимопроникновения.

В контексте описанных тенденций социальных изменений, ведущих к возникновению точечной или очаговой дополненной современности, проблематичными выглядят модели развития, на которые традиционно ориентируются исследователи, оценивающие состояние и перспективы различных обществ, и политики, вырабатывающие цели и стратегии для улучшения достигнутого состояния. Сейчас в социальных науках сосуществуют две парадигмальные модели социального развития: классическая модель уровня жизни, сложившаяся в середине прошлого века, и потеснившая ее в последние десятилетия неоклассическая модель качества жизни.

В классической модели социальное развитие сводится к росту уровня жизни, достигаемого через максимизацию производства и потребления и измеряемого в таких индексах, как ВВП на душу населения. С социологической точки зрения за ростом ВВП стоит развитие социальных институтов – промышленных предприятий, потребительских рынков и организованной торговли, государственного регулирования и (пере)распределения материальных благ. Институциональные структуры создают тотальную социальность, устанавливая общие стандарты, нормативность и усредненность производственных и потребительских практик.

Распространение институциональных норм на большинство или даже на всех людей, следующих установленным нормативным и ролевым ожиданиям, делает социальную жизнь людей измеримой в унифицированных терминах эффективности институтов. Эту эффективность как раз и оценивает ВВП на душу населения, ставший универсальным показателем уровня жизни. Таким образом, в классической модели социальное развитие – это, по сути, рост институтов как доминирующих структур массового индустриального общества.

Более современной моделью развития, соответствующей переходу к постиндустриальному обществу, является рост качества жизни. В течение 1980-х гг. в социальных науках утвердилось понимание того, что развитие экономической системы не совпадает с собственно социальным развитием. Это понимание лежит в основе получившего широкое признание «индекса человеческого развития» ООН, который публикуется с 1990 г. и включает три компонента оценки качества жизни: ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования.

В индексе человеческого развития преодолена одномерность уровня жизни. Соединение показателей объема потребления и доступности социальных сервисов (здравоохранения, образования), делает модель развития более комплексной. Однако в ней недостает третьего компонента/измерения качества жизни – комфортности среды (природной и социальной), которая достигается не только эффективным функционированием институтов, но также через (взаимо)действия индивидов, сообществ, социальных движений. Поэтому международное экспертное сообщество продолжает конструировать альтернативные показатели социального развития, которые бы больше соответствовали современным представлениям о благополучном и гармоничном существовании людей. Например, «индекс лучшей жизни» (Better Life Index), созданный под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) в 2011 г., ориентирован на учет, помимо уровней дохода, образования, здоровья, таких дополнительных измерений социального развития, как уровень субъективно оцениваемой удовлетворенности жизнью, объем свободного от работы времени, экологическое благополучие, гендерное равенство, гражданская активность, уровень доверия между людьми и к общественным институтам.

В современных моделях социального развития, в которых качество жизни объединяет параметры трех типов – объема производства/потребления, доступности общественных благ/социальных сервисов, комфортности среды, отражается структурный сдвиг второй половины XX в. В экономически развитых странах произошел сдвиг от доминирования институтов массового индустриального общества к индивидуализации и к активизации социальных движений. В социологии этот сдвиг привел к критическому переосмыслению направленности и результатов развития и к возникновению концепций новой, рефлексивной модернизации [Beck et al., 1994].

Социальное развитие теперь предстает как рост социальных структур двух типов – тотальной, унифицирующей социальности, создаваемой институтами, и частной, ситуативной социальности, конструируемой индивидами и группами в интеракциях. В конструктивистской, интеракционистской перспективе уровень развитости общества определяется качеством социальной жизни, создаваемой и оцениваемой индивидами и группами. Возросшее во второй половине XX в. влияние этой перспективы в социальных науках привело к тому, что в современные индексы развития вводятся в дополнение к традиционным показателям те, что измеряют субъективно оцениваемое благополучие, степень вовлеченности в социальную активность, степень позитивности отношения людей к социальному окружению.

Современная модель социального развития как роста качества жизни уже превратилась в новую классику, получив признание как наилучший аналитический и политический инструмент в условиях перехода от индустриального массового общества к постиндустриальному, ставшего актуальным полвека назад. Однако исследования в 1990-х и 2000-х гг. показали, что интенсивно растут новые структуры, возникающие как альтернатива и институтам, и интеракциям. Это сетевые и потоковые структуры, создающие избирательную и динамичную социальность [Appadurai, 1990; Castells, 1996; Urry, 2000; Knorr Cetina, 2009]. В контексте этих тенденций актуальной становится разработка новой модели социального развития.

Актуальной моделью социального развития, учитывающей то, что сейчас социальное развитие во все большей мере определяется ростом сетевых и потоковых структур, является модель роста наполненности жизни [Иванов, 2021]. Наполненность жизни достигается соединением высокого уровня и качества жизни с включенностью в сети и потоки нового постиндустриального общества, с пространственной и социокультурной мобильностью и креативностью. В такой модели развития к показателям уровня доходов/потребления, доступности социальных сервисов и комфортности среды добавляются показатели насыщенности жизни людей активностью в новых коммуникационных сетях, освоением новых общественных пространств, художественным или техническим творчеством.

Инновационная модель, интегрирующая концепции и средства измерения уровня, качества и наполненности жизни, может быть базовым инструментом в исследовании социального развития в XXI в. Она учитывает рост всех четырех типов структур – институтов, интеракций, сетей и потоков. Однако перспективной предстает разработка модели, в которой в фокусе будет рост гибридных структур на стыках четырех типов социальной структуры. Концептуализация и операционализация конфигураций и связности социальных структур должны привести к созданию социоструктурной модели целостного перехода общества в режим дополненной современности. Привычные уже индексы для роста институтов и интеракций и инновационные индексы для роста сетей и потоков теперь должны дополниться индексами для роста полей структуризации, скейпов ассембляжей, платформ, коммуникаций, проектов и ивентов. Соединив показатели роста всех типов структур, можно будет с помощью интегрального индекса оценивать направленность и динамику развития по оси «точка доступа к дополненной современности – очаг развития дополненной современности – национальная/региональная консолидация дополненной современности».

Перспектива перехода общества в режим дополненной современности не является абсолютно позитивной, беспроблемной и бесконфликтной. Скорее она коренится в противоречиях социальных изменений. Наблюдаемый в практиках продвинутых обитателей анклавов дополненной современности поворот от паттернов глобализации к глокализации [Robertson, 1995] и от паттернов виртуализации к созданию точек доступа к реальности [Иванов, 2020] показывает, что нарастает отчуждение от структур, формируемых корпоративным менеджментом и государственной бюрократией по моделям общественного развития в русле глобалистского, мир-системного и цифровизационного подходов.

Новые формы отчуждения и новые неравенства и конфликты, рассматриваемые в целом как проявления фундаментальной диалектики дополненной и истощенной современности, делают вновь актуальной критическую теорию общества. Актуальна не односторонняя критика в нео- или постмарксистском духе, а интегральная критическая теория, рассматривающая диалектику современности как источник сопротивления отчуждению и борьбы за социальную справедливость, а противостояние контролю и господству как источник и перспективу развития новых социальных структур.

Интегральной идеей для разных форм сопротивления, борьбы, активизма сейчас является неотчужденность как аутентичность [Boltanski, Chiapello, 1999]. Аутентичность – это то, что пытаются отстаивать и критически осмысливающие мировые проблемы интеллектуалы, и решающие свои повседневные проблемы обыватели, и правоконсервативные популисты, и леволиберальные активисты. Для одних аутентичность – это в первую очередь свободная идентичность, самобытность, противопоставляемые угнетению, колонизации. Для других – подлинность, натуральность, спонтанность, противопоставляемые фейкам, искусственности, алгоритмизации. Для третьих – историчность и инновационность, противопоставляемые фальсификациям и имитациям. Стремление к аутентичности – общий ответ на противоречия дополненной и истощенной современности и фундаментальный драйвер социального развития на ближайшие годы и десятилетия. Борьба за определение аутентичности и за ее воплощение в жизнь задает общественно-политическую *метаповестку*, от которой не должна сегодня отстать социология.

Дополненные данные и гибридные методы эмпирических исследований. Третьим направлением интеграции в социологии – после связности форм социальной структуры и связности моделей социального развития – является движение к связности концептуальной и инструментальной составляющих социологии. Методы сбора и анализа эмпирических данных в своем развитии прошли за полтора столетия путь от простых анкет к изощренным шкалам, а затем к качественным методам, смешанным методам (*mix method*) и к стратегии множественных методов (*multimethod*), включающей дополнительно к текстовым и числовым еще и визуальные методы. В последние два десятилетия этот инструментарий

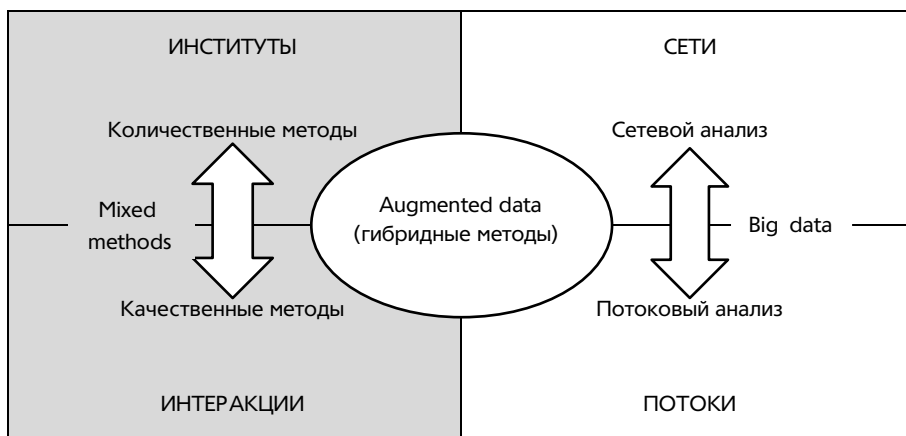

Рис. 2. Конфигурация методов исследований в современной социологии

дополняется технологиями «больших данных» (*big data*) и попытками роботизации сбора и анализа социологической информации.

Конфигурация методов эмпирических исследований в социологии воспроизводит конфигурацию типов социальности. Каждому типу социальности соответствует наиболее релевантный метод сбора и анализа данных. Количественные методы, в первую очередь массовые опросы, эффективны при изучении установок на стандартизированное поведение, выражающих объективную нормативность, обеспечиваемую институтами. Качественные методы, особенно глубинное интервью и включенное наблюдение, релевантны при исследовании intersubjectивных смыслов и значений, возникающих в интеракциях. Технологии больших данных и методы построения и визуализации графов активно применяются в анализе сетевых структур. В том же направлении использования больших данных и визуализации идет развитие анализа плотности и интенсивности физических и символических потоков.

Методологические инновации активно развиваются на линиях сопряжения между четырьмя типами исследований, соответствующих четырем типам структур – институтам, интеракциям, сетям, потокам (рис. 2). Основной тренд последних лет здесь – применение стратегии смешанных методов, интегрирующей количественные и качественные компоненты так же, как концепции полей структурируют нормативность институтов и креативность интеракций. Ожидавшийся в связи с появлением технологий больших данных переворот во всех социальных исследованиях пока не произошел, но для выявления и репрезентации скейпов ассембляжей большие данные используются вполне успешно.

Набирают популярность среди исследователей и приобретают статус инновационных и перспективных участвующее наблюдение, визуальные методы, социологические прогулки (*sociological walk*), критический дискурс-анализ, партисипаторные методы. Эти и другие подобные методологические разработки и методические решения находят применение там, где полигонами для них становятся платформы, коммуникации, ивенты, проекты. Таким образом, формирование дополненных социальных реальностей в результате взаимопроникновения разных структур стимулирует развитие гибридных методов в качестве инновационных инструментов исследовательской работы. Интеграция применения гибридных методов открывает перспективу получения эмпирического комплекса, который можно квалифицировать как обогащенные или дополненные данные (*augmented data*) и который будет релевантен как отображение и одновременно исполнение дополненной социальной реальности.

Интегративная волна в эмпирических исследованиях должна закрепить принципы микширования методов и омниканальности в коммуникациях между исследователями и их объектами. Письменная и устная, речевая и визуальная, аналоговая и цифровая, дистанционная и осуществляемая в режиме «лицом к лицу» формы коммуникации должны дополнять одна другую в одних и тех же исследованиях, соответствуя логике изучаемой дополненной социальной реальности.

Заключение: интегративная повестка для мировой и отечественной социологии.

Анализ динамики развития социологии и возникших в ней предметных и методологических конфигураций приводит к идее, что третья интегративная волна должна к середине нашего века решить на новом уровне те же проблемы устранения разрывов и создания связности в концептуальном и инструментальном многообразии современной социологии, которые решались в ходе первой (в 1920–1950-е гг.) и второй (в 1980–1990-е гг.) волн. Скорость прихода и сила третьей волны зависят от степени осознания в социологическом сообществе актуальности интегративной повестки и от приложенных усилий теоретиками и исследователями-практиками. И в отличие от предшествующей интегративной волны, не стоит сейчас чрезмерно уповать на западных социологов. Травмированным критикой европоцентризма и постколониальным дискурсом западным социологам миссия новой концептуальной и инструментальной интеграции может оказаться не по силам. Интегралистские идеи и не для аморфного, вялого, склонного к инерционным сценариям мирового социологического сообщества, каким предстала на недавних конгрессах в Торонто (2018) и Мельбурне (2023) Международная социологическая ассоциация (ISA). Степень осознания актуальности теоретической интеграции и развития в направлении дополненной современности в истеблишменте и в массе членов ISA пока не высока.

Если развитие социологии и ее выход из нынешнего состояния фрагментированности актуальны, то принимающим эту повестку социологам придется решать эти проблемы своими силами в локальных контекстах и в обход привычных центров академического доминирования. Из этого вовсе не следует, что нужно безоговорочно принять стратегию в русле идей суверенизации социологии, продвигаемых ныне в России [Кравченко, 2023]. Проекты эти мотивированы вполне обоснованными претензиями к уровню научности доминирующего в западной социологии леволиберального дискурса. Однако суверенность не достигается в рамках «рабского сознания» (*captive mind* в терминологии Р. Коннелл [Connell, 2007]), склонного к низкой самооценке и потому воспринимающего сильные идеи извне как угрозу для своей самобытности. Суверенность в науке базируется на продвинутости и лидерстве в сети международных обменов идеями и результатами исследований. Ориентироваться следует на лучшие отечественные образцы вклада в развитие мировой социологии. М. Ковалевский, Н. Тимашев и особенно П. Сорокин успешно интегрировали зарубежные и русские идеи, снискали международное признание своими работами и никогда не идентифицировали себя как представителей научной периферии и жертв несправедливого глобального порядка интеллектуального производства.

Следовать логике постколониального дискурса отечественным исследователям нет никакой необходимости. В современной российской социологии накоплен потенциал для позитивного решения проблемы теоретической интеграции, исходя из мультипарадигмальности западной социологии и одновременно из методологического мультикультурализма, принимающего во внимание цивилизационную и региональную специфику социального знания [Тощенко, 2007; Кирдина, 2008]. Нужно лишь раздвинуть рамки интегративного теоретизирования, чтобы наряду с классическими парадигмами, региональными вариациями институциональных структур и решениями дилеммы «структура или действие» включить в предмет анализа другие структуры и процессы, задающие социологическую повестку в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.
- Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
- Иванов Д. В. Новый подход к оценке социального развития // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 50–62.
- Кирдина С. Г. Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 18–28.
- Кравченко С. А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 51–62.
- Тощенко Ж. Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5–16.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. 2004.
- Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947.
- Akiwowo A. Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument // International Sociology. 1999. No. 2. P. 115–138.
- Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. L.: Routledge, 1982.
- Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. L.: Sage, 1990.
- Archer M. Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Baudrillard J. À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. P.: Les Cahiers d'Utopie, 1978.
- Baudrillard J. Simulacres et simulation. P.: Galilée, 1981.
- Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. P.: Gallimard, 1999.
- Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Connell R. Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Eisenstadt S. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
- Go J. Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought // Sociological Theory. 2020. Vol. 38. Iss. 2. P. 79–100.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
- Knorr Cetina K. Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies // Theory, culture & society. 1997. Vol. 14(4). P. 1–30.
- Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. 2009. Vol. 32. Iss. 1. P. 61–87.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Lyotard J.-F. La condition postmoderne. P.: Minuit, 1979.
- McLennan G. Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory // European Journal of Social Theory. 2003. No 1. P. 69–86.
- Parsons T. The Social System. Glencoe: The Free Press, 1951.
- Ritzer G. Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol. 5. No 1. P. 3–15.
- Ritzer G. Sociology: A Multiple Paradigm Science // The American Sociologist. 1975. Vol. 10. No. 3. P. 156–167.
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: SAGE Publications, 1992.
- Robertson R. Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) Global Modernities. L.: SAGE Publications, 1995.
- Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1. N. Y.: American Book Company, 1937.
- Sztompka P. Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm. N. Y.: Academic Press, 1979.
- Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2000.
- Waters M. Globalization. L.: Routledge, 1995.

THE THIRD INTEGRATIVE WAVE IN SOCIOLOGY'S DEVELOPMENT. PART II. THEORIES AND METHODS FOR AN AUGMENTED SOCIAL REALITY

IVANOV D.V.

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia
(dvi2001@rambler.ru).

Acknowledgements. This work is based on research supported by RSF, grant No. 24-18-00261.

Abstract. The article is analyzing positive prospects of the sociology's development in the context of today's fragmentation of scientific discipline under conditions of metaparadigm crisis and post-globalization. Current disintegration in sociology is provoked by the rising postcolonial discourse, by attempts to stigmatize western classics and to create theoretical alternatives to the 'global North' domination in knowledge production as well as by spread of conceptions opposing social reality of networks and flows to classical sociality of structures and agency (M. Castells, B. Latour, J. Urry, K. Knorr Cetina). The third in the modern sociology's history integrative wave is expected to come in the 2020s displacing tendencies of disintegration, discrimination, growing gaps and rising barriers. Now theories are relevant as they create a coherent configuration of four types of structures: institutions, interactions, networks, and flows. The new subject matter for theorizing is constituted by their interconnections in forms of fields of structurations, scapes of assemblages, communications, platforms, projects, and events. After the ideas of the end of Modernity and multiple Modernities, the idea of augmented Modernity emerges overcoming constitutive distinctions of the last century's sociology: local vs. global, system vs. lifeworld, material vs. symbolic, private vs. public, real vs. virtual, physical vs. digital, et cetera. Mutual penetration of different social structures stimulates elaboration and implementation of innovative hybrid methods directed towards an augmented data collecting and analysis.

Keywords: development of sociology, metaparadigm crisis, integrative wave, augmented modernity, post-globalization, post-virtualization, authenticity.

REFERENCES

- Adorno T., Horkheimer M. (1947) *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido Verlag.
- Akiwowo A. (1999) Indigenous Sociologies: Extending the Scope of the Argument. *International Sociology*. No. 2: 115–138.
- Alexander J. (1982) *Theoretical Logic in Sociology*. London: Routledge.
- Appadurai A. (1990) *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy*. *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London: Sage.
- Archer M. (1988) *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baudrillard J. (1978) *À l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social*. Paris: Les Cahiers d'Utopie.
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press.
- Boltanski L., Chiapello E. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard.
- Bourdieu P. (1987) *Choses dites*. Paris: Minuit.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.
- Connell R. (2007) *Southern Theory. The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- Durkheim E. (1990) *On Division of Labor. Method of Sociology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Go J. (2020) Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought. *Sociological Theory*. Vol. 38. Iss. 2: 79–100.
- Habermas J. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ivanov D.V. (2000) *Virtualization of Society*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2020) Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–55. (In Russ.)

- Ivanov D.V. (2021) New Approach to Assessment of Social Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 50–62. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2008) Contemporary Sociological Theories: Actual Opposition? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 18–28. (In Russ.)
- Knorr Cetina K. (1997) Sociality with objects: social relations in postsocial knowledge societies. *Theory, culture & society*. Vol. 14(4): 1–30.
- Knorr Cetina K. (2009) The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World. *Symbolic Interaction*. Vol. 32. Iss. 1: 61–87.
- Kravchenko S.A. (2023) Geopolitical Challenges and Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 51–62. (In Russ.)
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lyotard J.-F. (1979) *La condition postmoderne*. Paris: Minuit.
- McLennan G. (2003) Sociology, Eurocentrism and Postcolonial Theory. *European Journal of Social Theory*. No 1: 69–86.
- Parsons T. (1951) *The Social System*. Glencoe: The Free Press.
- Ritzer G. (1975) Sociology: A Multiple Paradigm Science. *The American Sociologist*. Vol. 10. No. 3: 156–167.
- Ritzer G. (1990) Metatheorizing in Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No. 1: 3–15.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
- Robertson R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) *Global Modernities*. London: SAGE Publications.
- Schutz A. (2004) *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Sorokin P. (1937) *Social and Cultural Dynamics*. Vol. 1. New York: American Book Company.
- Sztompka P. (1979) *Sociological Dilemmas: Toward a Dialectic Paradigm*. New York: Academic Press.
- Toshchenko Zh.T. (2007) Paradigms, Structure and Levels of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 5–16. (In Russ.)
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- Waters M. (1995) *Globalization*. London: Routledge.

Received: 17.06.24. Final version: 03.07.24. Accepted: 08.07.24.

© 2024 г.

«ЗАДАЧА СОЦИОЛОГОВ – ПРИВНОСИТЬ ПОРЯДОК В ХАОС» (интервью С.Ю. Демиденко с чл.-корр. РАН М.Ф. Чернышом)

Аннотация. Мы обратились к Михаилу Федоровичу Чернышу – давнему автору и эксперту, члену редколлегии журнала – накануне 50-летнего юбилея «Социологических исследований» с просьбой ответить на некоторые вопросы. Хотелось обсудить не только деятельность нашего журнала, но и проблемы социологии в целом. В интервью поднимаются вопросы развития социологического образования и задачи функционирования Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, предмет и сущность самой социологии как науки, дается понимание ее функций и задач. Обозначаются важные элементы ее существования и развития, в частности невозможность формирования исключительно «национальной» социологии. Акцентируется внимание на кадровых проблемах науки и восприятии социологии властными институтами.

Ключевые слова: журнал «Социологические исследования» • социология как наука • структура и уровни социологического знания • российская социология • научные кадры • социологическое образование • будущее социологии

DOI: 10.31857/S0132162524070059

С.Ю. Демиденко. Мы встречаемся с Вами в преддверии полувекового юбилея журнала «Социологические исследования». По воспоминаниям первого редактора Харчева, 31 июля 1974 г. был подписан в печать первый номер журнала. По традиции в юбилейные годы в июльском номере мы стараемся собирать материалы, подводящие некоторые итоги не только деятельности журнала, но и российской социологии в целом. Еще недавно Ж.Т. Тощенко, будучи главным редактором, писал статью «Время акме»¹, связывая с 40-летием журнала период зрелости и расцвета. Вы наш постоянный автор и, уверена, что и читатель, а с 2018 года – член редколлегии журнала. Можете поделиться своими соображениями о деятельности СоцИса за эти последние десять лет?

М.Ф. Черныш. СоцИс – это наш самый важный журнал. И не потому, что он единственный из социологических изданий, индексируется в WoS, а потому, что так пошла история, формировалось поле публикаций в нашей дисциплине. В этом поле каждый журнал имеет свои ориентации, функции. Какие-то издания консолидируют сообщества университетских преподавателей. Это так называемые *Вестники*. Другие сфокусированы на определенной тематике, конкретной парадигме. По сути это – «направленческие» издания. К примеру, «Социология: 4М» – журнал, посвященный методам социологических исследований, «ИНТЕР» развивает российскую ветвь феноменологической парадигмы. СоцИс – это, пожалуй, единственное издание с максимальным охватом, допускающее соседство разных тематик и разных специализаций. При этом журнал не производит впечатление эклектичного, всеядного издания, равнодушного к предмету, которому посвящена

¹ Тощенко Ж.Т. Время акме. Социологическим исследованиям – 40 лет // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 3–7.

статья. Как этого удалось достигнуть? Думается, широкий диапазон, в котором органично сочетаются разные тематические интересы, – это целиком и полностью заслуга редакции. СоцИс привередлив к качеству присылаемых материалов, жестко их рецензирует и без колебаний заворачивает тех, кто готовит публикации без научной «души», для галочки.

С.Д. В чем Вы видите миссию журнала, цели? И какие задачи намечаете для журнала в современных условиях? На какую тематику, на Ваш взгляд, нужно обращать внимание социологического сообщества?

М.Ч. Достоинство журнала в том, что он консолидирует социологическую Москву и социологию в регионах. Благодаря журналу, региональные авторы получают возможность выйти к широкой аудитории и представить свои достижения. Именно поэтому серьезные авторы из регионов, как правило, отдают предпочтение СоцИсу, публикация в котором – это дорога к признанию в социологическом сообществе, тому признанию, которое приходит по вершинам званья и степеней.

Любое тематическое сужение будет для журнала вредным, все-таки очень важно сохранять универсализирующие, объединяющие социологов ориентации, которые были свойственны журналу на протяжении всей его истории. Я бы рекомендовал журналу не какую-то одну конкретную тему или темы, а форму, которая, убежден, сделает его еще более привлекательным. Речь идет о дискуссии, в которой авторы с разными позициями получают возможность отстаивать свои позиции, обосновывать свои идеи. На мой взгляд, дискуссионной формы в нашем сообществе недостаточно, как-то понемногу в журналах утвердилась монологичная форма общения с читателем. Это нехорошо не только потому, что нарушаются сами принципы жизни научных сообществ, науки в целом. Наука – это споры, это – полемика. Вертикальная коммуникация создает у авторов ложное впечатление собственной непогрешимости. Эдакое *dixi et salvavi animam meam*. В науке безусловно есть авторитеты и есть высокие статусы, но нет несокрушимых результатов, неколебимых парадигм. В конце концов, социология тем и хороша, что никогда не преодолевает многоголосья, сохраняет в себе как актуальное все то, что когда-либо было сказано.

С.Д. Помните ли Вы свою первую статью в журнале? Как складывалось тогда взаимодействие с редакцией?

М.Ч. Первую статью в журнал я отправил, находясь уже в зрелом научном возрасте. Кажется, она была посвящена социальной структуре и ее изменениям в постсоветское время. Честно скажу, во времена моей социологической молодости отправлять свои статьи в СоцИс я побаивался. В советское время журнал был единственным и самым важным изданием, в котором публиковались мэтры, социологические «старики» и «классики». Молодому социологу было сложно равняться с ними. Более реальными были статьи в сборниках или главы в монографиях, чуть позже к написанию словарных статей меня привлек Юрий Николаевич Давыдов. Потом поле нашей науки начало стремительно меняться, а вместе с ней и возможности публиковать в журналах. Появились новые качественные издания, быстро наверстывавшие отрыв от СоцИса. Возникла опасность того, что СоцИс законопатит все окна и продолжит работать только с теми, кто относился к статусной верхушке социологического сообщества. Отрадно, что журнал не поддался искусу легкого пути, а нашел в себе силы, благодаря Жану Терентьевичу Тощенко, расширить круг авторов, сохранив свое место в центре социологической жизни.

С.Д. По моему опыту работы в редакции и общении с коллегами-социологами, скажу, что боязнь отправить статью в наш журнал остается у многих, в том числе и у тех, кто давно признан в сообществе. Бывает слышу: у меня есть статья, но она не для СоцИса. А что бы Вы хотели пожелать будущим авторам СоцИса?

М.Ч. Чтобы я посоветовал молодым авторам, желающим «прорваться» в СоцИс? Во-первых, не тушеваться, не думать, что только «старики» имеют право «обжигать горшки». Если публикация дельная, талантливая, можно не сомневаться: в СоцИсе ее заметят, обсудят и опубликуют. Во-вторых, соблюдать стандарты качественной научной

публикации. Здесь я подразумеваю не только формальные требования, а основательность и вместе с тем креативность научной мысли.

С.Д. С созданием первого социологического журнала связывают процесс институционализации социологии. М.Н. Руткевич, подводя итоги 20-летия журнала, писал: «...весной 1972 г. я принял без раздумий предложение занять пост директора этого института [Институт социологических исследований (ИСИ), с 1968 г. Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) в Академии наук СССР. Сейчас ИС ФНИСЦ РАН. – Прим. С.Д.], поскольку <...> были созданы предпосылки для успешного развития социологии...» И сразу оговорил два условия: «вывод из института подразделений, далеких от социологии» и «издание всесоюзного социологического журнала, чего давно требовала научная общественность»². И далее он затронул важные вопросы, с которыми столкнулся с первых шагов деятельности – о предубеждении насчет предмета и задач социологии, которые, в частности, сводились в основном к эмпирическому уровню и обращенности к социальным проблемам общества³. Это «вечные» вопросы, на которые разные ученые в разные времена отвечают по-разному. Журнал неоднократно ставил их перед нашим сообществом. А как Вы отвечаете на них сегодня? В чем специфика предмета социологии? И как Вы соотносите его с тенденцией к размыванию контуров разных социальных наук и междисциплинарности?

М.Ф. Вы ставите несколько вопросов, каждый из которых важен. Парадоксально, но современная российская социология по-прежнему решает проблему саморепрезентации во внешнем, публичном пространстве. На телевидении и радио именование «социология» прочно приклеилось к результатам массовых опросов, электоральных или иных. Что нам говорит социология? – спрашивают депутаты или политологи, подразумевая данные массовых опросов. Им словно бы невдомек, что социология – это изучение глубинных оснований общественной жизни, тех скрытых механизмов, которые от ситуации «А» ведут нас к ситуации «Б». Социология – это не данные, а объяснения в широком смысле этого слова и, кроме того, попытка нарисовать сценарии будущего. Запретить нашим депутатам и журналистам использовать именование «социологии» метонимически мы не можем, но можем настойчиво проводить мысль о том, что социология – это не опросы общественного мнения, устанавливающие, что мы больше любим на завтрак – кофе или чай.

Надо поразмышлять о том, что привело к тому, что социологию стали отождествлять к данными опросов. Предположительно эту трансформацию спровоцировал практический разум людей власти, которые в какой-то момент активно использовали метод массового опроса для завоевания командных высот: «Для того чтобы быть избранным губернатором, мэром, депутатом, мне все эти ваши теоретизирования не нужны, мне бы избраться» – так рассуждали эти люди, инструктируя обслуживающих их социологов. Надо честно признаться, что многие социологи и социологические центры шли на поводу этих требований, надо было как-то выживать. В настоящее время эти практики более не имеют широкого распространения, а трактовка понятия осталась как приклеившийся к дисциплине мем.

Вторая причина кроется, на мой взгляд, в том, что в какой-то момент социологи оказались зачарованными постмодернистской Цирцеей, сознательно отказались от теоретизирования даже там, где без него невозможно обойтись. Можно ли объяснить постсоветский транзит действиями отдельных лиц или это все-таки историческое явление, имеющее структурные и культурные предпосылки? Мне очевидно, что люди, которые принимали решение на рубеже эпох, занимали определенные социальные позиции, но кроме того

² С. 11. Руткевич М.Н. Первое двадцатилетие // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 11–14.

³ Федосеев П.Н. К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // Социологические исследования. 1982. № 3. С. 27–29.

были носителями культурных образцов, гибридно сочетающих в себе элементы русской глубинной культуры и советской культуры со всеми ее преимуществами и недостатками. Недостаточно исследовать транзит только как последовательность решений, нужен более широкий горизонт, подразумевающий анализ социальных и экономических институтов в том виде, в котором они существовали в конце 1980-х – начале 1990-х гг., сложившиеся рутины и смыслы, наполнявшие и направлявшие принимаемые решения. Речь идет о габитусе российского капитализма, приведшего нас в ту точку, в которой мы находимся в настоящее время.

В замечаниях Руткевича есть еще один важный аспект, который нельзя обойти вниманием. Он, по сути, говорит об отношениях между социологией и властью, о том, чем социологи занимаются, и тем, что из этого определяется властью как полезное и неполезное, как то, что послужит делу, а что можно игнорировать. М. Вебер создал идеальный тип чиновника, эдакого бюрократического рыцаря без страха и упрека, но Р. Мертон подверг эту конструкцию жесткой критике. Чиновник, играющий исключительно по правилам, – это редкость, особенно в России, тем более что правила, как бы хорошо они ни были определены, все равно находятся по отношению к принимаемым решениям как общее к частному. Чиновники – живые люди, чей век так же короток, как и век других людей, они хотят быть счастливыми и благополучными здесь и сейчас, не в будущем, которое с учетом изменений в обществах и природе туманно. Из всего багажа социологических исследований чиновник выбирает то, что пригодно по отношению к текущим решениям, и то, что можно использовать, не подвергая себя и свою карьеру нежелательным рискам. Данные опросов как нельзя лучше подходят для подобного использования, а «тяжелые сюжеты», среди которых запущенные, нерешаемые в короткой перспективе проблемы, нет. Кто-то скажет, что тяжелые проблемы от этого никуда не денутся и решать их все равно придется. Однако это соображение не слишком беспокоит людей, принимающих решения в текущей ситуации, калькулирующих эффекты на короткой дистанции, сознательно игнорирующих все то, что находится за границами «тактильной» зоны.

Не буду далеко ходить за примером. В России численность ученых сокращается год от года, приток молодежи в науку недостаточен. Если эта тенденция продолжится, проект российской науки, который, на мой взгляд, единственное, что еще дает России возможность считаться развитой, а не развивающейся страной, придется секвестировать по многим направлениям. Кто только ни говорил об этом, кто только ни призывал власть к осмысленным действиям во имя сохранения науки в России, но действительно эффективных, масштабных решений на этом направлении мы пока не видим. Нельзя не сказать, чтобы вообще ничего не делалось. Финансирование науки выросло по отношению к предельно низкой базе 1990-х гг., сейчас оно на уровне 0,87% от ВВП, но в сравнении с развитыми странами этого явно недостаточно. Недостаточность государственной поддержки науки камуфлируется шумными, показательными мероприятиями, которые можно внести в отчетные документы, но действительно значимых, бюджетных и организационных мер по поддержке научных исследований не наблюдается. В сухом остатке мы имеем то, что имеем: «усыхание» российской науки идет прежним темпом.

С.Д. Согласно с Вами, что кадровые вопросы – ключевые для дальнейшего существования науки в России. Многие зависит и от финансирования самих исследований. Математику достаточно карандаша и бумаги, а физик зависит от экспериментального оборудования, социологу необходимо финансирование полевых исследований. Теории в основном рождаются на основе исследований, наблюдений. Как Вы знаете, в самом названии нашего журнала подчеркнут крен к эмпирическим исследованиям. Назвать журнал «Вопросы социологии» в то время не разрешили. Однако на протяжении долгих лет, с самого первого номера, журнал поднимает вопросы теоретического плана, полагая, что «эмпирические исследования должны быть

в единстве с развитием социологической теории»⁴. Как Вы считаете, удастся ли развивать эту теорию? И какие существуют препятствия на этом пути? Что Вы считаете перспективным для развития теоретической социологии?

М.Ч. В научном поле складываются собственные традиции. Оно не менее, чем другие поля испещрено реперными точками, дающими возможность в нем ориентироваться. Название журнала становится узнаваемой, уникальной маркой, рождающей конкретные ожидания. Несмотря на то что журнал был поименован «эмпирически», он никогда этой эмпирической ориентации строго не придерживался. В нем в разной форме выносились на обсуждение в социологическом сообществе новые теории и новые гипотезы о том, как живет современное общество. И сейчас в журнале публикуются статьи не только «этнографические», но концептуальные, исследующие общие закономерности российской жизни.

Есть в российском сообществе те, кто высокомерно и с презрением утверждает, что в российской социологии нет и не может быть теоретической рефлексии. Мне кажется такая точка зрения просто не заслуживает обсуждения, до того она, мягко говоря, простова. Как будто можно собирать данные, представлять их научной общественности, избегая структурирующих научный процесс идей. Эмпирическое исследование всегда отправляется от некоей схемы, позволяющей сформировать признаковое пространство изучаемого объекта. Конечно, можно вообразить безумного эмпирика, который, словно записной «ученый» из американских фильмов, сначала собирает данные, а потом думает. Но в действительности таких «исследователей» единицы просто потому, что у такого исследования не будет ни поддержки сообщества, ни финансирования. Попробуйте опубликоваться в уважаемом журнале, не представив теоретической схемы, лежащей в основании вашего проекта, и вы поймете, что порядок и хаос – это не только состояния общества, но и критерии оценки публикаций в рецензируемых изданиях. Мне нравится идея Артура Стинкомба, утверждавшего, что теория начинается там, где в голове социолога соединяются две переменные, возникает и развивается представление об объекте как многомерной и развернутой во времени реальности⁵.

Когда говорят о теории, подразумевают, как правило, не то, что становится фундаментом эмпирического проекта, а некие общие идеи, относящиеся к высшему концептуальному уровню рефлексии. Это воспарение имеет безусловно свои преимущества, но и слабости. Возьмем хотя бы теорию институциональных матриц уважаемой мною Светланы Георгиевны Кирдиной или теорию раздатка Ольги Эрнестовны Бессоновой. Стройная, на первый взгляд, схема, в которой каждая страна движется в колее с высокими стенками, обнаруживает изъяны, как только приходится отвечать на очевидные вопросы. Где тот «ген», который сохраняет институциональную форму, поверх радикальных изменений, которые происходили в обществах по мере их вхождения в состояние современности? Что же, городская культура, поголовная образованность, демографический переход и прочие изменения совсем никак не повлияли на состояние общественной и экономической жизни? Не случайно Бессонова в одной из своих недавних статей в СоцИсе предложила считать российское общество «смешанным», формируемым как раздатком, так и системой горизонтальных взаимодействий⁶. А это означает, что природа общественных отношений изменилась и продолжит меняться в будущем. Когда в прошлом российское общество было столь индивидуалистичным, когда молодежь была так нарциссична, когда потребительские настроения имели столь широкое распространение? Или это совсем не важно, и мы будем твердить о том, что россияне по натуре коллективисты, а текущий период – случайная аномалия?

⁴ С. 12. Руткевич М.Н. Первое двадцатилетие // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 11–14.

⁵ Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago. University of Chicago Press, 1987.

⁶ См. Бессонова О.Э. Идеология в общественном развитии России: новый ракурс // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 17–29. DOI:10.31857/S013216250017233-9.

Теоретические построения высшего уровня необходимы, но беда, если они принимают форму идеологии – совокупности воззрений, носители которых не терпят возражения. Именно так случилось во времена перестройки, когда объектом критики стала советскость как культура. Возьму на себя смелость утверждать, что подобное скатывание в антропологизм чуждо социологической рефлексии. Если культура есть хранилище неизменных образцов поведения и если она довлеет над обществом, то возможны ли социальные изменения, возможна ли эволюция? Советские люди – это дети рабов и сами рабы, подразумевалось в трудах критиков «совка», но можно ли принять эту степень тотализации по отношению к сложному, современному обществу? Обращение к культуре, так называемая культурная программа – это путь непозволительного обобщения, дорога к групповой ответственности, подразумевающая, кроме всего прочего, и групповое возмездие. Адорно, к примеру, в рамках проекта «Авторитарная личность» обнаружил, что в немецкой культуре зашит авторитарный комплекс, связанный с особой ролью отца в немецких семьях. Именно этот комплекс, считал он, оказался той плодородной почвой, на которой вырос нацизм. Что меня всегда беспокоило в подобных оценках культуры, так это отсутствие личностной динамики, движения от приятия к неприятию, от колебаний к убежденности и, напротив, от слепой веры к сомнению, а затем и раскаянию. Культурная программа «подмораживает» идею свободного выбора, дорогу поиска, которой движется любой думающий человек.

С.Д. А какими представляются Вам структура и уровни социологического знания? На основе каких методологических принципах Вы их выстраиваете? В свое время журнал проводил круглый стол на эту тему⁷ в рамках Харчевских чтений. С тех пор прошло более 20 лет. Считаете ли Вы актуальной эту дискуссию сегодня, либо изменения социального мира и разработки социологов не настолько затронули эту сферу и не подлежат кардинальному пересмотру?

М.Ч. На мой взгляд, в академической социологии мы сталкиваемся с двумя измерениями структуризации научного знания – вертикальным и горизонтальным. Вертикальное измерение помещает нас на лестницу конструкций разной степени обобщения. На самой высокой ступени располагается методология, определяющая границы и возможности способа мыслить социологически. Это своего рода базовые «кантианские» императивы любого ученого, желающего определить для себя отправную точку анализа. На следующей ступеньке находится, как учил Р. Мертон, теория среднего уровня, которая, конечно же, связана, с одной стороны, с самым высоким парадигмальным уровнем, а с другой – нацелена на приемлемые объяснения наблюдаемых явлений. На самой низкой ступеньке располагаются этносоциологические исследования, следующие поисковой логике. Это не значит, что они обходятся без всяких теоретических оснований, но эти основания, как утверждал В. Ядов, обнаруживаются и корректируются в процессе сбора и анализа данных. Кроме того, в современной социологии сохраняется горизонтальное, тематическое деление, которое непреодолимо потому, что в современной науке для освоения любой тематики необходимо продолжительное время. Маловероятно, к примеру, что кто-либо в короткие сроки сможет «оседлать» тематику межнациональных отношений, а если даже и оседлает, то уж точно наломает дров, поскольку эта тематика словно зона Тарковского, не прощает ошибок и предрассудков.

Кроме этой внутренней структуры дисциплины, существует и дифференциация в зависимости от целевой ориентации. Об этом, в частности, писал М. Буравой, деливший социологию на академическую, провластную, критическую и публичную. К первой категории принадлежат ученые, ведущие фундаментальные исследования общества, не имеющие прямой выгоды, но ценные с точки зрения определения долговременных тенденций

⁷ Структура и уровни социологического знания: традиции и новые концепции (интервью с А. Бороноевым, А. Кравченко, В. Култыгиным, Г. Татаровой, Ж. Тощенко, В. Ядовым) // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 3–17.

и возможных вызовов. Провластная социология, как уже следует из ее названия, стремится добыть данные, которые могут быть использованы в процессе принятия управленческих решений, оптимизировать эти решения с тем, чтобы в итоге принесли искомый результат. Критическая социология обращается к гражданскому обществу, отыскивая дорогу к более гуманному обществу. И, наконец, публичная социология – это полное «гегелевское» слияние субъекта с объектом, вхождение социологии в область политических противостояний с тем, чтобы помочь гражданскому обществу в его борьбе за свободу и социализм. На мой взгляд, при всей условности этого описания, оно помогает нам понять, каково на сегодняшний день поле социологии, в том числе российской. Справедливости ради, надо сказать, что понятие публичной социологии в российском сообществе трактуется несколько иначе, чем на Западе. В нашем контексте оно понимается чаще всего как прямое обращение к заинтересованной публике, проблематизация социальной жизни, помогающая гражданам осознать реальное состояние общества и те задачи, которые перед ним стоят.

Надо сказать, что легитимация сильной культурной программы привела, как это случается почти всегда со многими методологическими новациями, к серии совершенно непредсказуемых последствий. Во-первых, умножилось число сторонников социологического эссенциализма, объявляющих современную социологию со всеми ее достижениями продуктом западного разума и ратующих за укрепление национальных или конфессионных социологий. Западному разуму невозможно якобы понять особость социальной жизни, находящихся под влиянием духовных основ, религиозных первоисточников. Необходимо, как утверждает бывший президент МСА Сари Ханафи, самостоятельная «исламская» социология, которая только и сможет объяснить то, что происходит в арабских и других исламских странах. В России образовалось небольшое, но достаточно громкое сообщество тех, кто считает, что нам нужна социология с опорой на национальную традицию, «православная» социология. Напомню, что этой программы придерживалось руководство социологического факультета МГУ, крупнейшего и влиятельнейшего в стране.

Во-вторых, произошло то, что можно охарактеризовать как реабилитация социософских концепций, не имеющих четкой прописки в науке, но активно продвигающих «восстановление национальной традиции». В этих побуждениях есть ярко выраженный антиколониальный элемент, но в то же время охранительная ориентация, направленная на искоренение или хотя бы сдерживание критического направления в современной общественной науке. К сожалению, помимо заявлений о намерениях никаких действительно значимых предложений от эссенциалистов социологическое сообщество не получило. Наука, не только социология, не может начинать каждый раз «с чистого листа», когда у кого-то возникает желание стать *prius in villa*, отвергая богатое наследство, которое оставили современной общественной науке ее классики. Да и что означает это – строить национальную общественную науку? Означает ли это, что надо вычеркнуть из истории российской социологии П.А. Сорокина, который был среди создателей социологического факультета в Гарвардском университете и учителем плеяды блестящих американских социологов, Р. Мертон например? Надо ли удалять из анналов отечественной науки М.М. Ковалевского, которого Маркс называл своим «научным другом» и который основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук? Важно исходить из того, что российская общественная наука во все времена была частью европейской и внесла в развитие последней немалый вклад.

В-третьих, сторонников строительства некоей новой науки с исходной точкой в традиции, надо решить, какую из существующих традиций положить в ее основу. Какое отношение к этой традиции имеет, к примеру, советская социология, которая, несмотря на идеологические противоречия между СССР и Западом, была плотно вовлечена в сотрудничество и обмены с западными коллегами? Одним словом, призывы к «духовной» изоляции не только не решают методологических проблем, но и усугубляют уже существующие, а также создают новые. Подлинный смысл «наук о духе» состоит не в том,

чтобы отказываться от богатого наследства, а в том, чтобы правильно, с учетом национального интереса фокусировать внимание на том обществе, в котором живут и действуют ученые. Собственно, это и происходит за пределами России. Проглядите оглавление ведущих американских социологических журналов, и вы без труда обнаружите, что большая часть статей в них посвящена американской жизни, хотя в ее изучении используется хорошо знакомые методы, а в основе лежат известные теоретические схемы, в том числе и марксистские.

С.Д. Какие трудности и проблемы в социологии как академической науке Вы сегодня наблюдаете? И как в целом оцениваете наше социологическое сообщество?

М.Ч. Академическая наука переживает те же трудности, что и российская наука в целом. Одним из экзистенциальных вызовов, с которыми она сталкивается, стало кадровое воспроизводство. Ручеек молодых кадров, вовлеченных в научный процесс, слишком мелок и узок для того, чтобы обеспечить безболезненную смену поколений. Беспокоит и то, что среди молодежи немного тех, кто демонстрирует целеустремленность, социологическую харизму, которая есть качество *sine qua non* для создания полноценного сообщества молодых ученых. Из аспирантов защищаются единицы, в науке или университетах остаются единицы из единиц. Что нас ждет в недалеком будущем, если эта тенденция продолжится? Старшее поколение социологов, к которому принадлежу я, находится в последней каденции творческой жизни, поколение пятидесятилетних малочисленно, о молодых я уже сказал. Конечно, картина разная в различных сегментах общественнознания, в некоторых вполне благополучная, но в целом она явно проблемная. При этом социология – важная дисциплина, которая призвана решать серьезные задачи, изучая и предупреждая общество от тяжелых ошибок, которые в обозримом будущем могут обернуться катастрофой. То, что XX век для России стал временем тяжелейших потерь, что в войнах и преобразованиях мы потеряли десятки миллионов активных, творческих людей, было одним из следствий мировоззренческих заблуждений, отсутствия реальной полемики о проблемах общества, о реальном и воображаемом и соотношении между ними. Социология – одна из тех наук, которые поощряют развитие, но отрицают бесплодный утопизм, деконструируя его основания, расколдовывая процесс принятия решений и те интересы, которые его направляют. Именно поэтому социологию недолюбливают «мечтатели» слева и «мечтатели» справа, адепты безудержного прогресса, невзирая ни на какие человеческие жертвы, и адепты «славной традиции», затрудняющиеся объяснить, что это за традиция, из какой седой старины она заимствуется. Один из блестящих европейских интеллектуалов, бывший министр финансов Греции Янис Варуфакис, выступая на Европейской социологической конференции, с горечью констатировал, что социология не слишком желанный гость в коридорах, где принимаются решения, но и отказаться от нее полностью тоже невозможно. Слишком высокую цену приходится платить за неведение.

С.Д. Вы возглавляете крупнейший социологический центр страны, объединяющий разные академические институты, в том числе и не вполне социологического профиля, а смежных дисциплин. Как Вы считаете, в чем сильные и слабые стороны такой институции? Какое будущее Центра Вы прогнозируете? И какие задачи как руководитель ставите?

М.Ч. ФНИСЦ РАН создавался как добровольное объединение институтов и филиалов, родственных, но в тоже время разных и с точки зрения тематического направления. В основе создания Центра лежала идея координации научной деятельности как с организационной, так и с научной точки зрения. Кстати, в составе Центра не только старые, существовавшие до объединения институты, но и совершенно новый институт – Институт демографических исследований (ИДИ ФНИСЦ РАН. – Прим. С.Д.), который сконцентрировал внимание на острейших для российского общества проблемах – рождаемости, смертности, миграции, семье. Важно было объединить демографические исследования с исследованиями социологов, только так можно не только фиксировать демографические тренды, но и объяснять их. Если говорить о слабостях, связанных с объединением

нескольких институтов в федеральный центр, то на первый план выходит, совершенно неожиданно, проблема оппонентов кандидатских и докторских диссертаций. В некоторых случаях приходится констатировать, что за редким исключением ведущие ученые, занимающиеся какой-либо тематикой, работают, что называется «под одной крышей», и оппонировать тем работам, которые у нас защищаются, не могут. Это, разумеется, не столько наша эксклюзивная проблема, сколько проблема всей российской науки, которая, как уже говорилось выше, в кадровом отношении деградирует.

О будущем говорить непросто. Мы живем в непростое время, которое, с одной стороны, создает для социологов научную интригу, а с другой – затрудняет построение прогнозов. Уверен, что Центр сохранится и социология в России будет. Но вопросы остаются. Сможет ли наша социология стать понимающей, но не в той первоначальной веберовской трактовке, а в конкретном применении, подразумевающим понимание российского общества, его текущего состояния и грядущих вызовов? Сможем ли мы наладить, наконец, методическую работу, позволяющую оценивать надежность и валидность используемых методов? Сможем ли мы сохранить социологическое сообщество как живое творческое объединение действующих ученых? Думается, уже в ближайшем будущем мы получим на них ответ.

С.Д. Во многом ответы на эти вопросы зависят и от развития социологического образования в стране. Вы не первый год являетесь деканом социологического факультета ГАУГН. Какие проблемы Вы видите в этой сфере? И как относитесь к предстоящим переменам в сфере высшего образования и объединению направлений подготовки?

М.Ч. На мой взгляд, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, социологическое образование в России развивается, набор дисциплин совершенствуется вровень с тем, что сейчас важно и необходимо. В ГАУГНе мы вводим курсы по демографии, расширяем эту тематику потому, что, во-первых, демографические проблемы в настоящее время вышли на первый план, а во-вторых, демографическая тематика помогает студентам понимать, как можно сочетать и разнообразить разные источники информации, включая данные госстатистики, массовых опросов, качественных исследований.

Неожиданно, на нашем социологическом горизонте обозначились новые угрозы. Первоначально в списке направлений подготовки, который нам прислали из министерства, социологии не было вообще, что, конечно же, вызвало недоумение не только у социологов. Ошибку исправили, но по неясным причинам социологию записали в один кластер со специальностями «международные отношения» и «туризм». Что общего между социологией и этими дисциплинами? Наши громкие протесты были услышаны, специалистов по туризму из кластера удалили, но в остальном код направлений сохранили: согласно приказу от 4 марта 2022 г., мы оказались в одной компании с международниками, политологами и регионоведами. Укрупненный код, в который вошла социология так и называется «Социология, политология и международные процессы». Думается, подобное решение вряд ли было бы принято, если бы не упоминавшийся выше «эмпиризм» в понимании социологического знания, получивший распространение в среде людей, принимающих решения. Они действительно полагают, что социология должна заниматься исключительно опросами, а все остальное, мол, от лукавого. Социологию неясным образом понизили в статусе: если у философов и психологов есть собственный код и, соответственно, возможности формировать свою программу обучения, то у социологов такого права нет. Спрашивается: в том, что социологию включили в кластер абсолютно чуждых, несовместимых с ней дисциплин, больше невежества или злого умысла? Давайте проективно оценить возможные последствия подобного решения. Студенты социологического бакалавриата должны будут разделить судьбу «регионоведов», «международников» и «политологов», изучая вместе с ними один набор базовых дисциплин. А далее с этим сомнительным багажом они перейдут на тот уровень, где изучаются профессиональные дисциплины. То есть, по мысли наших чиновников, после того, социологи,

наслушавшиеся лекций по международным отношениям, вполне подготовлены к тому, чтобы идти дальше. А что там в профессиональном наборе дисциплин? Массовые опросы, конечно, а что же еще? Освоил политологию, изволь начать считать рейтинги, какие тут могут быть сомнения? Думается, споры по вопросу основных направлений в ближайшее время не утихнут, все-таки справедливость должна восторжествовать. Печально, что решения, относящиеся к столь чувствительным сюжетам, принимаются без консультаций с профессионалами, с Российской академией наук.

С.Д. Я тоже оцениваю предстоящие изменения не очень оптимистично. И без того, как Вы говорили, тонкий ручеек пополнения научными кадрами по социологии может прекратиться. Впрочем, он может пополняться специалистами смежных специальностей, как это было во времена отсутствия социологического образования в стране. Но все же изучение общества социологически – это формирование и особаго склада ума (как писал Ч.Р. Миллс – социологического воображения), и владение математическими навыками, и более глубокое знание методов исследований. В сообществе социологов действительно есть мнение, что это все происходит неслучайно. Конспирологические теории всегда существовали и в среде обществоведов в том числе. Мне представляется, что виной этому и отсутствие так называемой агентности у социологов, и разобщенность сообщества, и в целом не столь высокий уровень исследований, в том числе из-за отсутствия должного финансирования и сокращения поддержки независимых коллективов через фонды. Каким Вы видите будущее социологии как науки в этих условиях?

М.Ч. Знаете, это очень непростой вопрос, как все, что имеет отношение к будущему. В.В. Сапов, с которым мы дружны четыре десятка лет, посчитал, что российская социология обречена на прорыв, на обретение нового, превосходного качества, если она найдет в себе силы соединить наследство, которое оставили нашему поколению социологи дореволюционной России, и советское наследство, которое было значительным. Речь идет не о тотальном копировании прошлого в настоящее, а обработке и применении лучшего. О.И. Шкаратан мне как-то говорил, что в отсутствие учебников, да и других книг, посвященных сбору и анализу данных, он брал за образец труды российских статистиков дореволюционной эпохи. Он считал их блестящими учеными, опередившими время, и их подходы нам стоит внимательно изучить.

Я надеюсь, российская социология сохранит все лучшее, что в ней достигнуто, но не остановится на этом. Крайне важно изучать российское общество в текущем его состоянии, устанавливать его определенность в форме именования, категориального творчества, которое, с одной стороны, будет находиться в дисциплинарных пределах, а с другой – обращено к российским реалиям. Собственно, в этом и состоит задача социологов – привносить порядок в хаос, облегчать самым разным субъектам понимание того, в каком обществе мы живем и, что не менее важно, каково желательное состояние российского общества в обозримой и отдаленной перспективе.

С.Д. Михаил Федорович, спасибо Вам за содержательную беседу. Представляется, что сегодня социологией на академическом уровне занимаются энтузиасты своего дела. Будем надеяться, на смену придут такие же неравнодушные к судьбам своей страны и науки в целом.

Беседовала С.Ю. ДЕМИДЕНКО,
науч. сотр. ИС ФНИСЦ РАН;

отв. секретарь журнала «Социологические исследования»,
Москва, Россия (demidsu@yandex.ru)

THE TASK OF SOCIOLOGISTS IS TO BRING ORDER INTO CHAOS (interview with RAS corresponding member M.F. Chernysh)

CHERNYSH M.F.*, DEMIDENKO S.Yu.**

* Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia

** Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Mikhail F. CHERNYSH, corresponding member of the RAS, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (chernysh@fnisc.ru); Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological Studies" (demidsu@yandex.ru).

Abstract. On the eve of the 50th anniversary of the journal Sociological Studies, we turned to Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences Mikhail F. Chernysh – our long-time author and expert, member of the editorial board – with a request to answer our questions. I wanted to discuss not only the activities of our journal, but also the problems of sociology in general. In recent years, situation in sociology has been changing: alarming trends in sociological education in higher education are intensifying, decisions are being made to reduce the subject of social studies in school, the problem of reproduction of scientific personnel is becoming acute, and discussions about the subject of sociology are becoming more urgent. The interview raises such important issues as the essence of sociology as a science, provides an understanding of its functions and tasks, and outlines the structure and levels of sociological knowledge. Important elements of its existence and development are emphasized, in particular the impossibility of forming an exclusively "national" sociology. The development of sociological education in new conditions is discussed. The tasks of the functioning of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences are outlined. Attention is focused on personnel problems in science and the perception of sociology by government institutions.

Keywords: journal "Sociological Studies", sociology as a science, structure and levels of sociological knowledge, Russian sociology, scientific personnel, sociological education, future of sociology.

© 2024 г.

А.Л. ТЕМНИЦКИЙ, Г.П. БЕССОКИРНАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОБЛЕМНО-ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ (по публикациям в СоцИсе за 50 лет)

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич – доктор социологических наук, доцент МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник (taleksandr@list.ru); БЕССОКИРНАЯ Галина Петровна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник (gala@isras.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Выявление тенденций в проблемно-предметном поле социологии труда проводилось на основе обращения к публикациям в журнале «Социологические исследования» за 1974–2023 гг. По критерию ведущей целевой направленности текста статей было выделено, описано и проинтерпретировано 11 проблемно-предметных направлений исследований. Содержание текстов статей соотносилось с вызовами, характерными для четырех обозначенных временных периодов в развитии российского общества и экономики за последние 50 лет. Результаты анализа публикаций показали, что по критериям частоты и устойчивости обращения социологов к выделенным направлениям можно выделить ядро, периферию и подвижную часть в отечественной социологии труда. Во все указанные периоды наблюдалось адекватное освещение в публикациях основных вызовов времени, но делалось это реактивно, без признаков идей, опережающих теорию и практику.

Ключевые слова: социология труда • экономическая социология • вызовы времени • проблемно-предметные направления исследований • временные периоды • ядро и периферия социологии труда

DOI: 10.31857/S0132162524070062

Постановка проблемы. В советское время социология труда (далее – СТ) являлась не только базовой отраслью по отношению ко всем остальным в социологии, но и платформой для построения всей системы социальных отношений. Основной принцип социализма: «от каждого по способностям, каждому по труду» определял направленность исследовательских обращений к проблемам социальной справедливости, мотивации и стимулирования труда, его экономической и социальной эффективности. Труд как фундаментальное понятие и критерий выполнял главную роль на макроуровне теоретического объяснения перехода от прошлого к настоящему и от него к будущему (концепция смены общественно-экономических формаций), определял перспективы советского общества через сближение умственного и физического, городского и сельского труда, превращения его в первую жизненную потребность человека.

С переходом к рынку не труд, а капитал стал главной точкой отсчета и инструментом трансформации системы социальных отношений, определения исследовательских

направлений в сфере труда и принципов трудовой деятельности. На первый план вышел принцип выгодности, доходности «делания денег» (make money), органичный американской культуре труда и еще недавно чуждый духу большинства советских трудящихся. Образувавшиеся новые сферы экономической деятельности (предпринимательство, маркетинг, реклама, ритейл и т.п.) стали привлекательными объектами исследований и с позиций новизны познания, и практической актуальности, и с прагматических соображений возможности получать более высокие доходы.

Перспективным научным направлением, аккумулирующим сложные связи взаимодействия двух основных сфер общественной жизни – экономической и социальной, стала экономическая социология (далее – ЭК). Ее развитие пошло не только путем включения в проблемно-предметное поле исследование ранее почти не изучавшихся сфер: предпринимательства, потребления, финансовых и товарных рынков, занятости и домашнего хозяйства и др., но и традиционной проблематики для СТ: трудовых отношений, трудовой мотивации, хозяйственных организаций [Радаев, 1998].

СТ, связываемая с пережитками социализма [Кравченко, 1994: 49], если не была списана в архив, то стала отвергаемым многими специалистами маркером причисления к отряду исследователей, не понимающим духа времени, остающимся в плену устаревших традиций. Вместе с отстранением от СТ произошло и резкое снижение внимания исследователей к рабочему классу, человеку труда [Темницкий, 2006], проблематики отношения к труду из-за его чрезмерной идеологической насыщенности. По признанию В.А. Ядова: «социология труда начала умирать потому, что появился рынок. И те, кто занимался проблемами, входившими в область предмета социологии труда, стали изучать рынок» [Ядов, 2007: 13].

Однако СТ не только не умерла, но и возрождается. Ее возрождение связывается с эволюцией смыслов труда при сохранении его в качестве важнейшей жизненной ценности, пониманием его современной роли не только на уровне организации, но и жизни общества в целом [Тощенко, 2019; Бочаров, 2022], с актуальной для современного российского общества повесткой новой индустриализации экономики.

В какой мере отечественная СТ, представленная в публикациях журнала «Социологические исследования» (СоцИс) за 50 лет, соответствовала вызовам, характерным для различных временных периодов развития российского общества?¹

Для ответа на этот вопрос были отобраны статьи по СТ, опубликованные в журнале СоцИс за 1974–2023 гг.² На основе контент-анализа текстов статей были выделены смысловые единицы и соответствующие им единицы анализа.

Цель исследования состояла в определении содержания и особенностей соотношения проблемно-предметных направлений публикаций по СТ в журнале СоцИс с актуальными для нее вызовами времени в выделенные временные периоды, выявлении тенденций изменения, раскрытии ядра и периферии СТ и возможных траекторий ее развития в свете новых вызовов.

Исходя из поставленной цели, основными задачами исследования стали: (1) выделение предметного ядра СТ, ее отличных от ЭС содержательных характеристик; (2) определение проблемно-предметных направлений исследований по СТ, продиктованных

¹ Были выделены четыре периода: 1) советский период (1974–1991), 2) активное проведение либеральных реформ (1992–1999), 3) стабилизация общества и экономический рост (2000–2013), 4) глобальный кризис (2014–2023).

² Для анализа отбирались публикации, которые имели либо признаки заверченного эмпирического исследования (в абсолютном большинстве случаев), либо содержащие теоретико-методологические разработки и положения, дискуссионные взгляды авторов, связанные с предметом и статусом СТ, местом и значением труда в обществе. По этой причине из анализа исключались публикации из рубрик «Факты. Комментарии. Заметки», «Научная жизнь». Несомненно, отобранные публикации в журнале не могут быть представительными по отношению ко всей СТ, которая включает в себя литературу самых разных форматов: монографии, обстоятельные аналитические статьи в жанре case study, материалы конференций, методические разработки, консультативные тексты, аналитические отчеты, описания опыта работы социологических служб на предприятиях и др.

социальной реальностью и социологической теорией; (3) краткое описание проблемно-предметных направлений исследований по каждому из выделяемых периодов, их интерпретация с учетом характерных для этого времени вызовов.

Различия СТ и ЭС по предмету и объекту исследования. Необходимость проводить четкие различия между СТ и ЭС возникает при разработке учебных программ преподавания этих дисциплин. В исследовательской практике ученые, как правило, не задумываются над подобного рода вопросами, главное для них формулировка и решение научной и практической проблемы. Тем не менее с учетом поставленной цели можно попытаться «развести» эти отрасли по объекту и предмету исследования и на этой основе определить различия.

Не вдаваясь глубоко в историю и многообразие сложившихся в западной и отечественной литературе подходов к определению содержания двух дисциплин, обратимся к разработанному в 2006 г. российскими социологами словарю [Социология труда, 2006]. Для СТ основной объект исследования – трудовая деятельность в системе ценностей общества и личности и особенности ее организации, а для ЭС – социальные аспекты функционирования экономики, включая производство, рынок труда и потребление. Исходя из того, что трудовая деятельность, реально воплощаемая в практиках и отношении к ним со стороны субъектов труда, во многом является совмещенным понятием для СТ и ЭС, четко отделить одну отрасль от другой можно, обратившись к видам поведения в сфере СТ и ЭС как основному предмету исследования. Здесь можно определенно сказать, какие виды экономического поведения не изучает СТ. Это потребительское, финансово-сберегательное, рентоориентированное, криминальное поведение граждан, так же, как и поведение безработных на рынке труда. Как правило, эти виды экономического поведения не включаются в предметное поле исследователей СТ, как не содержащие признаков оплачиваемой, преобразовательной и созидательной трудовой деятельности. Кроме того, ЭС затрагивает множество тем на макроуровне, выходящих за пределы не только видов поведения, но и хозяйственных организаций, явно не имеющих отношения к СТ: экономическую и профессиональную стратификацию общества, социальные закономерности, факторы и последствия экономических реформ, социально-экономические механизмы распределительных отношений в обществе и другие глобальные процессы в обществе [Радаев, 1998: 253–263]. К числу замеченных особенностей представления ЭС в публикациях на страницах СоцИса можно отнести тот факт, что ожидаемое обращение к новым видам поведения, таким как потребительское, финансовое и т.п., оказалось малозаметным. С высокой долей уверенности можно утверждать, что ЭС преимущественно развивалась как рыночное продолжение СТ. Но тогда с не меньшей уверенностью можно утверждать, что обращение к рынку социологов труда, это не уход с предметного поля, не отказ от СТ, а ее развитие, трансформация в новых условиях.

СТ с учетом своего основного объекта исследования находит применение там, где обнаруживаются признаки трудовой деятельности и отношения к ней как ценности не только на уровне предприятия (организации) и не только трудового поведения наемных работников, но и поведения предпринимателей, самостоятельной занятости вне

Таблица 1

Соотношение статей по социологии труда и экономической социологии, опубликованных в СоцИсе, по выделяемым периодам, количество

Периоды (годы)	Статьи по отраслям	
	социология труда	экономическая социология
1992–1999	48	54
2000–2013	89	100
2014–2023	59	48
Всего	196	202

организации, в различных стратегиях занятости на рынке труда, в трудовой и профессиональной мобильности, везде, где сохраняются и проявляются признаки труда, не важно в какой форме, в каких видах занятости (прекарной или стабильной) он осуществляется.

Исходя из этих соображений и принципов, было проведено разграничение публикаций в рубриках ЭС и СТ на те, которые по указанным критериям можно с высокой долей уверенности отнести либо к СТ, либо к ЭС³ (табл. 1).

Заметим, что в последний период журнал ежегодно публикует больше статей по СТ, чем по ЭС, что также может рассматриваться как признак возрождения СТ.

Проблемно-предметные направления в исследованиях по СТ на основе анализа публикаций в СоцИсе. Выделение отличительного от ЭС предметного содержания СТ позволило с большей основательностью подойти к определению основных проблемно-предметных направлений исследований в СТ. Методологическим основанием здесь стало рассмотрение трудовой деятельности как центрального понятия в СТ, а эмпирическим – содержание отобранных 351 статьи по СТ.

На основе анализа содержания статей были выделены проблемно-предметные направления исследований по СТ. Отнесение статьи к тому или иному направлению осуществлялось с учетом названия статьи, аннотации и ключевых слов к статье, которые начали публиковаться в журнале с № 10 за 2008 г.

С учетом того, что публикации могут быть отнесены одновременно к нескольким направлениям, выбор одного из них осуществлялся по критерию ведущей целевой направленности текста статьи. Выбор проводился каждым автором независимо друг от друга, а потом согласовывался.

В итоге было выделено 11 проблемно-предметных направлений исследований (табл. 2)⁴. Распределение 11 направлений дано по отношению к первому периоду, в котором была выявлена их иерархия по количеству статей. Статьи, в которых рассматриваются те или иные аспекты трудовой деятельности различных профессиональных и демографических групп в силу предметного многообразия содержания, рассматривались отдельно.

Кроме того, была подсчитана средняя интенсивность публикаций по каждому периоду. Если в первый из рассматриваемых периодов публиковалось в среднем девять статей в год, то в последующие три – шесть.

Таблица 2

Проблемно-предметная область исследований в социологии труда по статьям в журнале СоцИс, 1974–2023 гг. (количество статей, %)

Проблемно-предметное направление	Годы публикаций			
	1974–1991	1992–1999	2000–2013	2014–2023
Организация труда , его содержание, условия, оплата и стимулирование труда, дисциплина труда и рабочего времени, стабилизация и текучесть кадров	31 20%	1 2%	2 2%	4 7%
Предприятие , трудовой коллектив, производственная среда деятельности (адаптация к коллективу, рабочему месту)	30 19%	5 10%	6 7%	5 9%
Отношение к труду , мотивация труда, трудовые ценности, трудовое поведение, удовлетворенность работой	15 10%	6 12%	11 12%	7 12%
Труд , его виды, место и значение труда в обществе и в ценностях работников	12 8%	7 15%	13 15%	5 9%

³ Рубрика ЭС в журнале СоцИс впервые появилась в 1992 г. № 6. В последнее десятилетие она имела указания на совмещенные названия ЭС и СТ.

⁴ В таблицу включены только направления, которые нашли отражение в пуле публикаций в журнале СоцИс за 50 лет.

Окончание таблицы 2

Проблемно-предметное направление	Годы публикаций			
	1974–1991	1992–1999	2000–2013	2014–2023
Трудовые отношения на предприятиях (трудо- вые взаимоотношения, сотрудничество, взаи- мопомощь, наставничество, трудовые кон- фликты, забастовки)	11 7%	10 20%	13 15%	2 3%
Дефицит рабочих кадров , их воспроизвод- ство, профессиональное образование и ква- лификация, человеческий потенциал	9 6%	2 4%	4 4%	3 5%
Вовлеченность в дела организации , производ- ственная демократия, участие в собственно- сти и в принятии решений, идентификация с предприятием	8 5%	2 4%	2 2%	1 2%
Субъектность , самостоятельность в сфере тру- да и занятости (отходничество, шабашниче- ство, вторичная занятость, самозанятость, вахтовая занятость, фрилансерство)	4 3%	3 7%	2 2%	2 3%
Социально-экономическое положение (каче- ство трудовой жизни, социальное самочу- ствие, справедливость, защищенность труда)	3 2%	0	2 2%	4 7%
Трудовая (производственная) культура , куль- турные традиции, образ и стиль трудовой жизни	3 2%	2 4%	1 1%	2 3%
Формы и стратегии занятости , поведение на рынке труда. Трудовая и профессиональ- ная мобильность, трудовая карьера	3 2%	4 8%	12 13%	14 24%
Труд различных профессиональных и демо- графических групп , его условия и эффек- тивность	25 16%	8 16%	21 24%	9 16%
Всего статей	154	50	89	58

Как СТ отвечала на вызовы времени в 1974–1991 гг.? Вызовы времени как задачи, требующие решения для прорыва в будущее, в период 1970–1980-х, получивший впоследствии название «застоя», не требовали ни радикальной постановки научных и практических проблем, ни их решения. Ориентация не на изменение, а на сохранение сложившихся ценностей социализма, названного в этот период развитым, трансформировала проблемы, диктуемые текущими требованиями, в установки партии, следовать которым предлагалось всем, в том числе социологам. Эти установки получали адекватное отражение в рубриках журнала. Как правило, они были приурочены к партийным съездам и конференциям, юбилейным датам.

Хотя абсолютное большинство публикаций по СТ проходило по рубрикам, имевшим идеологически нейтральные названия (прикладные исследования, социальное планирование, рубрика заводского социолога, социологические проблемы труда и трудовых коллективов, занятость, текучесть кадров, организация труда, опыт внедрения социологических рекомендаций и т.п.), влияние установок партии чувствовалось почти в каждой статье. Вместе с тем это не мешало социологам того времени применять научные методы в постановке проблемы, разработке инструментария, получении доказательного знания. Половина всех публикаций в этот период была посвящена социальным проблемам организации труда (20%), трудовых коллективов (19%), отношения к труду (10%). Социологи не опережали время, но оперативно реагировали на происходящие изменения и крупные события. Вслед за стройками, имевшими всесоюзное значение, объектами социологических исследований становились строители БАМа (Железко, 1976, № 5), проблемы закрепления на БАМе молодежи (Воронов, Смирнов, 1982, № 2). В начале 1970-х гг.

в строительстве, а затем в промышленности стал активно применяться бригадный подряд, социальные проблемы которого получили отражение в ряде публикаций (Смирнов, Бойков, 1978, № 2; Коган, Меренков, 1983, № 1; Кливец, 1983, № 3), оперативно образовывалась рубрика «Бригадная организация труда» (1984, № 3 с тремя статьями: Хрищев, Илле, Комозин).

Известно, что формированию и постоянному укреплению трудовой дисциплины в советском обществе придавался почти сакральный характер. Отклик социологов на проблемы укрепления трудовой дисциплины был косвенно представлен в большинстве публикаций рассматриваемого периода, но наиболее активно в его начале, когда определялось, что такое социалистическая дисциплина (Сокольников, 1976, № 1), подводился опыт социологических исследований трудовой дисциплины (Подоров, 1976, № 4), определялась ее роль в развитии производственного коллектива (Резников, 1978, № 2).

Другой сквозной темой почти всех лет этого периода, представленной в публикациях журнала, стало отношение к труду – тема, которую можно считать одной из центральных в отечественной СТ. Уже в первом номере журнала (1974, № 1) опубликована статья В. Ядова и А. Киссель по проблеме удовлетворенности трудом, в которой дан анализ эмпирических обобщений результатов исследований и сделана попытка их теоретического истолкования. Весьма значимыми для раскрытия проблемы отношения к труду стали статьи известных социологов (Алексеев, 1975, № 3; Тихонов, 1976, № 1; Шкаратан, 1982, № 1; Ядов, 1983, № 3; Магун, 1983, № 4; Патрушев, 1984, № 3). Можно утверждать, что полученные ими результаты далеко выходили за пределы идеологических установок на поиск факторов перехода от отношения к труду как к средству к труду как первой жизненной потребности. Эти работы во многом опирались на результаты пионерского и классического по содержанию исследования «Человек и его работа» (1962). Авторы либо вступали в дискуссию с его выводами, либо развивали и подкрепляли их, что не потеряло научного значения до настоящего времени.

С началом перестройки в 1987 г. и вышедшем в этот год законом о государственных предприятиях, предусматривающим их переход на хозрасчет и самофинансирование, в журнале формировались новые рубрики: социологическое обеспечение экономических реформ (1988), демократизация общественной жизни (1988), дискуссии (1989), социальные реалии: вчера и сегодня (1991). Только под рубрикой «социологическое обеспечение экономических реформ» с 1988 по 1991 гг. была опубликована 21 статья по СТ. Наиболее заметные из них были посвящены проблемам материального стимулирования в новом хозяйственном механизме (Беляева, 1989, № 3), настроениям рабочих, связанным с новой ситуацией на промышленных предприятиях (Гимпельсон, Магун, 1990, № 1), проблеме рестрикционизма (Козлов, 1990, № 2), начавшимся конфликтам на предприятиях (Платонов, 1991, № 11). Заметная доля публикаций (16%) по СТ этого периода была преимущественно связана с особенностями трудовой деятельности различных профессиональных групп: чаще всего рабочих и инженеров, а также их отдельных подгрупп – водителей или специалистов, ИТР, НТР и т.п. Другая часть публикаций была обращена к демографическим группам: женщинам как работницам, молодежи и пожилым работникам. Малозамечными по количеству публикаций оказались направления, которые не являлись актуальными для этого времени (социальное положение и защищенность труда, трудовая культура, стратегии занятости, субъектность работников).

Таким образом, можно утверждать, что формирование в журнале отдельных рубрик сопровождалось своевременным реагированием в виде адекватных времени публикаций социологов.

Насколько адекватными оказались ответы СТ на вызовы политики либеральных реформ (1992–1999)? Объявленный реформаторами переход к рыночной экономике явился радикальным вызовом для всех социальных групп трудящихся и трудовых коллективов. Начальный этап приватизации собственности сопровождался энтузиазмом и верой в то, что превращение работников в совладельцев средств производства (через

аренду, владение акциями, создание народных предприятий и в других формах) даст им возможность почувствовать себя подлинными хозяевами и повысит их ответственность за результаты труда, коренным образом улучшит отношение к труду. Уже к 1994 г., когда процесс приватизации предприятий в основном завершился, стало ясно, что в реальности произошло перераспределение собственности в пользу руководства предприятий. Изменения в оценках роли труда в обществе, в трудовых отношениях под влиянием приватизации предприятий нашли адекватное отражение в публикациях этого периода. Как и в обществе в целом, в первые годы реформ они содержали надежду на лучшее будущее, а укреплению этой веры служило критическое отношение к недавнему прошлому.

Лишь при включении непосредственного производителя в реальное выполнение функций собственника было возможно экономическое возрождение России. Между тем законы о государственном предприятии (1987, 1990 гг.) закрепляли отчуждение работника от владения средствами производства (Кузнецов, 1992, № 1). Провозглашалась необходимость «очищения человека труда от мерзости бездеятельного иждивенчества застоя», в качестве ожидаемой модели работника рассматривалась фигура, «соединяющая в одном лице трудящегося – собственника и наемного рабочего» (Озмитин, 1993, № 3). Предмет СТ подвергся ревизии, поиску путей его преобразования и адаптации к новым условиям для преподавания в вузах (Дряхлов, Пастухова, 1993, № 6; Маркович, 1996, № 3). В других публикациях при подведении итогов 20-летия журнала настоящее СТ определялось весьма пессимистично, а нотки оптимизма связывались с ее «перекочевыванием из институтских кабинетов и заводских лабораторий в просторные аудитории университетов» (Кравченко, 1994, № 6).

Ведущим проблемно-предметным направлением в этот период стали трудовые отношения и связанные с ними процессы на предприятиях: отношения по поводу собственности и трудовые конфликты (20%). Уже в 1994 г. по результатам проведенных социологических исследований на предприятиях делались выводы, что участие в собственности не оказало заметного влияния на изменение отношения к труду (Патрушев, Темницкий, 1994, № 6), что рабочие ощущали принудительную втянутость в иницируемый властью процесс приватизации, не проявляли заинтересованности в акционировании своего предприятия (Мирошниченко, Максимов, 1994, № 11), что рабочим ничего не остается как стать чисто наемными работниками (Борисов, Козина, 1994, № 11). В этой связи как адекватный ответ на обострение социальной ситуации в трудовых коллективах, связанной с экономическим и политическим кризисом в стране, стала новая рубрика «На пути к теоретической конфликтологии» и публикация ряда статей, посвященных проблеме развития и институализации социально-трудовых конфликтов и забастовок (Киселева, 1992, № 3; Зайцев, 1993, № 8; Андреевкова, Воронченкова, 1993, № 8; Зайцев и др. 1998, № 10).

Новое, отличное от советского времени, развитие получило направление, связанное со стратегиями занятости работников, поведением на рынке труда (13%). Линии поведения, связанные с трудовой мобильностью, могут рассматриваться как альтернативы участию в забастовках, участию в собственности, как самостоятельно иницируемый работниками разрыв с воспитанной в советское время ориентацией на стабильность занятости. Такие стратегии поведения были выявлены социологами по результатам исследований (Магун, Гимпельсон, 1993, № 9; Козина, 1997, № 4). Стали актуальными исследования роли вторичной занятости (Клопов, 1997, № 4; Темницкий, Бессокирная, 1999, № 5). Явная новизна в исследованиях этого периода замечена в обращении социологов к профессиональным группам предпринимателей. Из восьми публикаций по этому направлению пять раскрывали либо их социальный портрет (Перепелкин, 1995, № 2), либо отличительные черты этих групп (Чирикова, 1998, № 10) или особенности их труда (Родионова, 1993, № 2; Душацкий, 1998, № 1). Не потеряла значения классическая направленность СТ на исследование изменений в отношении к труду: проблем мотивации и удовлетворенности трудом (Родионова, 1996, № 10; Патрушев, Бессокирная, Темницкий, 1998, № 4; Сарно, 1999, № 5; Климычек, Смирнова, 1999, № 12). Практически исчезла из поля зрения социологов

традиционная тематика советского периода – организация и условия труда, трудовая дисциплина. Не затрагивались проблемы социально-экономического положения работников. Не стали актуальными для социологов в этот период проблемы дефицита рабочих кадров, производственной демократии, субъектности работников.

В этой связи можно утверждать, что период «лихих» 1990-х гг. для СТ ознаменовался резким падением интереса к классической предметной области исследований, обращением к актуальным проблемам, затронувшим место и значение труда в обществе, в ценностях работников, трансформацию его основ на предприятиях.

Почувствовала ли СТ признаки стабилизации общества и экономического роста (2000–2013)? Российское общество начала 2000-х гг. можно назвать обществом состоявшейся адаптации. К этому времени были преодолены угрожавшие равновесному состоянию общества кризисы. Повысился уровень социального самочувствия и оптимизма населения, снизилась протестная активность. Обращенность к будущему связывалась с курсом на поступательное экономическое развитие страны.

В исследованиях места и значения труда в обществе (15%) стали заметны две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, наметились признаки возрождения СТ⁵. Труд представлял как важнейший объект и предмет исследований в общей социологии (Малевич, 2001, № 7), а человек труда рассматривается как центральная определяющая фигура любого производственного процесса, и под этим углом зрения пересматривается предмет и структура социологии труда (Тощенко, 2003, № 3). На основе изучения ценностей в сфере труда выдвигаются предложения по формированию современной идеологии в сфере социально-трудовых отношений (Хайруллина, 2003, № 5). Предлагаются расширительный подход к пониманию сущности труда, преодоление традиции СТ рассматривать его в пределах производственной сферы (Волков, 2009, № 3). С другой стороны, публикуется статья З. Баумана об упадке труда, наступлении эпохи неопределенности в занятости, индивидуализации труда и жизни (Бауман, 2004, № 5). В журнале появляются публикации о новых видах труда: добровольческом (Кудринская, 2006, № 5), заемном (Козина, 2008, № 11; 2013, № 5).

Трудовые отношения на предприятиях – распространенный предмет публикаций в этом периоде (15%). Они рассматриваются преимущественно сквозь призму их возможной институционализации на основе советского опыта (Бочаров, 2001, № 7) и закрепления неправовых трудовых практик (Заславская, Шабанова, 2002, № 6; Клеман, 2003, № 5). Социологи подчеркивают почти непреодолимые трудности культурного характера в становлении социального партнерства по западному типу на предприятиях, предлагают учитывать российскую специфику (Кривошеев, 2004, № 6; Черныш, 2004, № 6; Олимпиева, 2010, № 4), традиции патернализма (Темницкий, 2004, № 6). По сравнению с периодом 1990-х гг. тема трудовых конфликтов и забастовок стала малозаметной (3 статьи из 13 против 5 из 8 в предыдущий период). Этот факт отражает адекватность реакции социологов на произошедшие в стране изменения.

Третьим направлением в публикациях по степени распространенности стало заметное возросшее внимание социологов к поведению российских работников на рынке труда (12%). Как правило, оно связано с обращением к проблемным группам (Жидкова, 2005, № 3), тем, кто относится к специалистам депрессивных предприятий (Попова, 2002, № 10) либо работает в регионах с высоким уровнем безработицы (Рязанцев, Письменная, 2005, № 7) или вовлекается в индивидуальные стратегии выживания и адаптации (Козырева, 2005, № 9; Бессокирная, 2005, № 10). Рост числа подобных публикаций в журнале по сравнению с предыдущими периодами показывал правомерность концепции

⁵ В 2003 г. переиздан классический труд «Человек и его работа» [Здравомыслов, Ядов, 2003], а в 2006 г. вышел в свет первый в России теоретико-прикладной толковый словарь «Социология труда» [2006].

индивидуализации труда в условиях неопределенности занятости 3. Баумана применительно к российскому обществу.

Практически стабильным по отношению к предыдущим периодам остается направление исследований, обозначенное нами через ключевое понятие отношение к труду (12%), и связанные с ним предметы анализа (мотивация труда, трудовое поведение и удовлетворенность трудом). Это направление можно назвать классическим в отечественной СТ еще и потому, что исследования проводились, как правило, на предприятиях (Патрушев, Бессокирная, 2003, № 5; Темницкий, Максимова, 2008, № 11; Бессокирная, 2010, № 2; Ребров, 2011, № 3; Шаталова, 2000, № 7; Захаров, 2001, № 6).

Направление, связанное с обращением к трудовой деятельности различных профессиональных и демографических групп работников (23%), ставит в фокус внимания: предпринимателей и их деятельность в России (Барсукова, 2000, № 3; Беленький, Паульман, 2012, № 10; Чепуренко, 2013, № 9) и в других странах (Везрманн, Хелемяэ, 2004, № 9; Болдышева, 2005, № 8), новое поколение российского бизнес-сообщества (Шабанова, 2006, № 12), успешных экономических акторов (Шабанова, 2007, № 10), директоров предприятий (Чирикова, 2001, № 11; Корель, Комбаров, 2010, № 11). На их фоне публикации, посвященные группам рядовых работников, выглядят одиноко. Это профессионалы и менеджеры (Шкаратан, Иняевский, 2006, № 10; Шкаратан, Иняевский, 2006, № 12), челноки (Климова, 2008, № 4; Щербакова, 2008, № 4; Ядова, 2008, № 4), фрилансеры (Стребков, Шевчук, 2010, № 2).

Доминировавшие в советский периоды направления исследований (предприятие, его производственная среда деятельности и организация труда) перестали быть значимыми для социологов (7 и 2%), возможно и потому, что допуск на предприятие внешних исследователей стал почти невозможным на легальных условиях. Тем ценнее публикации, которые раскрывают оценки трудового потенциала предприятия (Хлопова, Дьякович, 2003, № 3), показывают возможности «человеческого измерения» российского бизнеса (Эфендиев, Балабанова, 2012, № 7), а также особенности регионального контекста проблемной ситуации на предприятии (Климова, 2011, № 12).

На стабильно низком уровне интереса исследователей (1–2%) оставались направления, связанные с обращением к проблемам социально-экономического положения и трудовой культуры, вовлеченности в дела организации и субъектности работников. Не стало актуальным направление исследование дефицита, воспроизводства и образования рабочих кадров (4%).

Таким образом, можно утверждать, что публикации по СТ в журнале этого периода адекватно отражали наметившуюся линию к стабилизации и устойчивому развитию, а обращение к трудовой деятельности предпринимателей как успешной группе, с одной стороны, и к незащищенным группам занятых – с другой, можно считать замеченным социологами актуальным противоречием, развитие которого получило в последующее время.

Как СТ отвечает на глобальный кризис (2014–2023)? Современные вызовы российскому обществу и экономике связываются не только с необходимостью поиска адекватных ответов на последствия, связанные с падением мировых нефтяных цен в 2014 г., санкциями против России после присоединения Крыма, пандемией и изменениями в геополитике, начиная с февраля 2022 г., но и с ускорением цифровизации общества и экономики, четвертой промышленной революцией при одновременном осознании кризиса неolibерального капитализма российского образца, «дикого капитализма, игнорирующего правила и институты» [Черныш, 2022: 10].

Не будет преувеличением сказать, что тренд на публикации в этот период был задан темой прекарной занятости. Отталкиваясь от Г. Стэндинга, актуализировавшего и сам термин «прекариат», и его возможные социальные последствия (превращение прекарита в новый опасный класс), российские ученые стали уделять особое внимание процессу прекаризации занятости (Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова, 2015, № 12; Анисимов, 2019, № 9; Тощенко, 2020, № 8; Тощенко, 2020, № 9; Попов, Соловьева, 2020, № 9;

Шевченко, Шевченко, 2022, № 7) и связанным с ним проблемам – масштабам и тенденциям вовлеченности в «теневые» процессы в занятости (Покида, Зыбуновская, 2017, № 7), рассогласованию рынка труда и сферы образования (Устинова, 2014, № 6), переходу выпускников учебных заведений от учебы к работе (Варшавская, 2016, № 2). Направление, обозначенное нами как формы и стратегии занятости, поведение на рынке труда, стало в этот период лидирующим (четверть всех публикаций).

Проблематика precarious занятости преобладала и в статьях, посвященным трудовой деятельности отдельных профессиональных и демографических групп (15%): группы с нестандартной и неустойчивой занятостью – фрилансеры (Харченко, 2014, № 4), иностранные работники и мигранты (Варшавская, 2014, № 4; Мукомель, 2022, № 1; Денисенко, Мукомель, 2023, № 1). Отдельно анализируются гендерные особенности precariousности (Шевченко, Шевченко, 2019, № 9), публичный и приватный жизненный мир precariousиата (Тощенко, 2021, № 11). Публикации на страницах журнала, связанные с процессами precariousизации занятости, полностью корреспондируют с проблематикой precariousизации в конференциях по СТ, на которых она стала центральной темой [Бочаров, Климова, 2022].

На этом фоне теоретически направленные статьи о месте и роли труда в обществе не только оказались редкими по долеой представленности (9%), но и по содержанию стали продолжением и обобщением дискуссии о precarious занятости. Темати таких статей были: человеческий фактор «теневой» экономики после 20 лет реформирования российского общества (Бойков, 2014, № 8), труд в эпоху неопределенности (Анисимов, 2017, № 11), социальные последствия трансформирования сферы труда в условиях экономической глобализации (Буткалюк, 2021, № 1), изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений (Бочаров, 2022, № 7). Однако изменения исследовательской повестки дня не повлияли на долеое представительство публикаций по традиционным для СТ направлениям: проблемы отношения к труду, трудовые ценности и мотивация труда (12%), в том числе обобщение опыта и методики исследования мотивации труда (Бессокирная, 2016, № 2), ее изменений у рабочих (Бессокирная, 2017, № 1) и у врачей в условиях внедрения эффективного контракта (Темницкий, 2018, № 4), ловушки мотивации (Карачаровский, Гурулева, 2023, № 8), трудовые ценности самостоятельной работы (Стребков, Шевчук, 2017, № 1).

Несмотря на трудности допуска на предприятия, остается стабильной доля статей (9%) социологов о предприятиях. Освещались социальные проблемы трансформации промышленных предприятий (Захаров, Воронин, Захаров, 2014, № 2). Обосновывалась жесткость конкуренции на целевых рынках и рынке труда как основного стимула реализации социально ответственной стратегии в отношении персонала (Озерникова, Кузнецова, 2015, № 6). Впервые за весь постсоветский период журнал опубликовал статью заводского социолога, в которой делается вывод об актуальности комплексных социологических исследований для повышения экономической эффективности предприятий и улучшения качества жизни работников (Попова, 2017, № 7). Как адекватный исследовательский ответ на вызовы пандемии, следует рассматривать публикации об опыте перехода российских компаний на удаленную работу (Климова, Климов, 2021, № 7), об отношении к противоковидным мерам на промышленных предприятиях (на примере Ульяновской области) (Андреева, Лукьянова, 2022, № 8).

Замечен незначительный рост доли публикаций, посвященных организации труда (7%). В них актуализируются отношения различных групп работников к проблемам инновационного развития предприятий (Насибуллин, 2014, № 9), установления государственных гарантий достойной оплаты труда (Попов, 2016, № 7), теневой оплаты труда (Воловская, Плюснина, Русина, Черникова, 2016, № 7).

В публикациях, связанных с исследованиями дефицита рабочих кадров, человеческого потенциала (7%), по сути, продолжается проблематика precarious занятости, рассматриваемая в ином ракурсе: выявление ресурсного потенциала precarious работников

в сравнении с типичными работниками (Темницкий, 2022. № 11) или соответствия характеристик работников требованиям рынка труда (Варшавская, 2021, № 11).

Рост признаков неустойчивой занятости, неопределенностей труда, его правовой незащищенности повысил внимание социологов к проблемам социально-экономического положения работников по сравнению с предыдущими периодами (7%), в частности, справедливости заработной платы (Черныш, 2014, № 8), защищенности труда и удовлетворенности работой в малом бизнесе (Козина, Зангиева, 2016, № 7), проблемам социального самочувствия предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе (Соболева, 2019, № 4), субъективного благополучия на работе (Татарова, Бессокирная, Кученкова, 2021, № 10).

Лишь две публикации в этот период затронули проблему трудовой культуры: обобщен опыт взаимодействия российских и иностранных профессионалов в мультинациональных трудовых коллективах (Карачаровский, Шкаратан, Ястребов, 2014, № 8), описаны взаимосвязи традиций и инноваций в трудовой культуре рабочих (Темницкий, 2021, № 4). Не стали заметными дефицитные темы СТ: поиск субъектности работников, проявления самостоятельности и активного индивидуализма в трудовой сфере (3%), вовлеченность в дела организации (2%). Практически перестали публиковаться статьи о трудовых отношениях (3%), обращение к которым доминировало в 1990-е гг.

Является ли обращение к теме прекарной занятости различных групп наемных работников показателем смены исследовательской повестки в СТ или модным поведением исследователей, покажет время. Мы можем лишь констатировать, что почти не затронуты проблемы, обусловленные новейшими вызовами, связанными с внедрением цифровых технологий в организацию труда, угроз для трудовой деятельности как смыслозначимой ценности под влиянием возвышения ее инструментальной (материально-прагматической по содержанию) функции, дискуссией об обесценивании труда в свете концепций бессмысленности, «смерти» труда. СТ пока не повернулась к не менее актуальным в настоящее время проблемам, которые активно изучались в советский период: поиск социальных резервов роста производительности труда, укрепления трудовой дисциплины и эффективного использования рабочего времени, ориентации молодежи на занятость по рабочим профессиям, трудового наставничества и текучести кадров.

Заключение. СТ как отрасль социологического знания сохранила предметное ядро понятий и основные направления исследований, является надежным, эффективным и самодостаточным инструментом научного познания.

Только одно из выделенных нами 11 направлений выдержало проверку времени, оказалось стабильным по числу обращений к нему в журнале во все периоды. В этой связи проблемно-предметная область исследований отечественной СТ, связанная с изучением отношения к труду, мотивации труда, трудовых ценностей, трудового поведения и удовлетворенности работой, может по праву рассматриваться как ядро СТ. К нему примыкают направления, частота обращений к которым никогда не опускалась ниже 7%. Это направления, в которых самозначимым предметом исследования является труд, его виды, место и значение в обществе и в ценностях работников, предприятие с социальными проблемами функционирования трудового коллектива, производственной среды деятельности. На периферии проблемно-предметной области исследований СТ оказались направления, доля обращений к которым ни по одному из выделенных периодов не превышала 7%. Они оставались и остаются дефицитными, но становятся актуальными в настоящее время. Это субъектность работников, самостоятельность и вовлеченность в дела организации; проблемы социально-экономического положения трудящихся и защищенности труда, трудовой культуры, дефицита и воспроизводства рабочих кадров.

Подвижную область СТ составляют направления, обращение к которым в большой степени зависит от контекста времени, обострения конкретных проблемных ситуаций. Мы увидели, как самая распространенная область исследований СТ в советское время, обременяющая, как правило, первые главы учебников по СТ – организация труда, его содержание, условия, оплата и стимулирование труда, дисциплина труда и рабочего времени

была предана забвению в течение постсоветского периода и стала возрождаться лишь в последнее время. Интерес к исследованию трудовых отношений на предприятиях повышался или понижался преимущественно под влиянием частоты и актуальности трудовых конфликтов, забастовок, обострения трудовых взаимоотношений.

Результаты анализа позволяют утверждать, что в наибольшей степени публикации в журнале СоцИс были адекватны актуальной повестке дня в советский период. В дальнейшем стали преобладать публикации, в большей мере отвечающие научному интересу авторов, конъюнктуры, моде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочаров В.Ю. Изменение подходов российской социологии к изучению трудовых отношений // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 41–52. DOI: 10.31857/S013216250019650-8.
- Бочаров В.Ю., Климова С.Г. Готова ли российская социология труда реагировать на новые вызовы? (Аналитический обзор двух научных конференций) // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 178–191. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. Уч. пос. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Кравченко А.И. Социология труда: тенденции и итоги развития // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 40–49.
- Радаев В.В. Экономическая социология: современное состояние и перспективы развития // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998.
- Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006.
- Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. Социология. Этнология. 2006. № 2. С. 79–107.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция смыслов труда: современное состояние и будущие ориентиры // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. Межд. форума. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 61–64.
- Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0.
- Ядов В.А. Социология труда начала умирать потому, что появился рынок // Экономическая социология. 2007. № 5. С. 8–16.

Статья поступила: 21.03.24. Финальная версия: 29.05.24. Принята к публикации: 17.07.24.

CHANGES IN THE PROBLEM AND SUBJECT FIELD OF LABOR SOCIOLOGY AGAINST THE BACKDROP OF THE TIME CHALLENGES (Based on publications in the journal "Sociological Studies" over 50 years)

TEMNITSKIY A.L.; ** BESSOKIRNAYA G.P.**

*MGIMO University, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexandr L. TEMNITSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department of the MGIMO University; Leading Researcher (taleksandr@list.ru); Galina P. BESSOKIRNAYA, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Senior Researcher (gala@isras.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Trends in the problem and subject field of labor sociology were identified by referring to the *Sociological Studies* journal publications for 1974–2023. An array of 351 articles on labor sociology was selected for qualitative and quantitative content analysis. Eleven problematic subject areas of research were identified by the criterion of the leading target of the article's text. Fourtime frames in Russian society and economic development over the past 50 years have been distinguished to identify the time challenges that vary in content. Each period was provided with a brief description of the content of the research problem and subject areas, as well as interpretations thereof with due consideration of the time challenges. Analysis of the publications permitted to reveal that by the criteria of how frequent and stable the sociologists' referrals to the selected areas have been, the core, the margins, and the mobile realm may be identified in the Russian sociology of labor. The core is formed by the areas related to the studies of labor attitudes, labor incentives, labor values, employee behavior, and job satisfaction. The areas – whose principal object of study is labor itself, along with its role and significance in both the society and the employees' values as well as social problems of work at the enterprise – are adjacent to the core. The margins are formed by rare areas of research such as the workers' capacity to act, manifestations of independence and involvement in the organization's affairs, problems of the socioeconomic standing of workers and degree of labor protection, labor culture, shortage and reproduction of workers. The mobile realm of labor sociology is composed by the areas treated generally depending on the context of time and the aggravation of particular problem situations (labor organization, labor relations, precarity of labor, etc). We observed adequate coverage of the critical time challenges in publications in all those time frames; however, that coverage was reactive and appeared to lack forward-looking ideas that are ahead of theory and practice.

Keywords: labor sociology, economic sociology, time challenges, problem and subject areas of research, time frames, core, margins, and mobile realm of labor sociology.

REFERENCES

- Bocharov V. Yu. (2022) Changing approaches to the studying of labor relations in Russian. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 41–52. DOI: 10.31857/S013216250019650-8. (In Russ.)
- Bocharov V. Yu., Klimova S.G. (2022) Is Russian sociology of labor ready to respond to new challenges? (Analytical review of two scientific conferences). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 28. No. 2: 178–191. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8993. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2022) The cultural turn and the crisis of problematization in modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0. (In Russ.)
- Kravchenko A.I. (1995) Sociology of labor: trends and results of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 40–49. (In Russ.)
- Radaev V.V. (1998) Economic sociology: current state and development prospects. In: *Sociology in Russia*. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Sociology of labor. Theoretical and applied explanatory dictionary.* (2006) St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Temnitsky A.L. (2006) Workers of reformed Russia as an object of sociological research. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 2: 79–107. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) Evolution of the meanings of work: current state and future guidelines. In: *The future of the world of work: global challenges and regional development: a coll. of art.* Ufa: Mir pechati: 61–64.
- Yadov V.A. (2007) The sociology of labor began to die because the market appeared. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. No. 5: 8–16. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) *Man and his work in the USSR and after.* Textbook for universities. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Received: 21.03.24. Final version: 29.05.24. Accepted: 17.07.24.

Л.Г. ТИТАРЕНКО, Р.В. КАРАПЕТЯН

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ЦЕННОСТИ ТРУДА (по материалам российских и зарубежных публикаций)

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (larissa@bsu.by); КАРАПЕТЯН Рубен Варданович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; ассоциированный сотрудник того же института (r.karapetyan@spbu.ru).

Аннотация. На основе анализа отечественных и зарубежных публикаций авторы провели анализ актуальных тенденций развития исследований, посвященных некогда центральной теме социологии труда – его ценностям. Цель статьи – выявление противоречий в трудовых ценностях, зафиксированных многими исследованиями. Обзор статей авторов из разных стран подтверждает актуализацию тем прекаризации и «бессмысленности» труда, ведущих к его обесцениванию. Подчеркивается схожесть проблем в России и зарубежных странах независимо от того, что они находятся на различных уровнях социально-экономического развития, отличаются культурой труда и другими характеристиками. Показано, что сегодня труд сохраняет смысложизненную ценность лишь в неразрывном единстве с прагматичными ценностями, отражающими рыночное развитие общества, причем некоторые общие тенденции изменения ценности труда выделяются и зарубежными, и российскими социологами. Делается вывод, что метиссаж ценностей труда является рефлексией на сохранение в обществе социальной несправедливости, выдвигающей на первый план аспекты труда, востребованные рынком и зачастую противоречащие смыслу, присущим труду как основе человеческой жизнедеятельности.

Ключевые слова: социология труда • мотивация • трансформация ценностей труда • риски • прекаризация • «бессмысленный труд»

DOI: 10.31857/S0132162524070077

Введение. Принято считать, что социология находится на острие передовых процессов, происходящих в обществе, вскрывая противоречивые тенденции, прогнозируя перспективы развития процессов, возникающих в повседневной жизни. Такая ситуация была характерна для отечественной социологии несколько десятилетий тому назад, когда сфера труда считалась главной для объяснения процессов, происходящих с работником на производстве, понимания мотивов и стимулов трудовой активности, прогнозирования тенденций ее изменения. В постсоветскую эпоху по мере раскрытия потенциала модернизации, а затем цифровизации в условиях очередной промышленной революции на первый план вышли новые проблемы. За эти годы к исследованиям труда подключились многие известные отечественные ученые – от В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова с их бестселлером «Человек и его работа», теоретиков и методологов труда (В.Я. Ельмеев, В.И. Герчиков, Б.Г. Тукумцев), промышленных/заводских социологов (С.Г. Климова, В.Г. Подмарков, В.В. Щербина, М.А. Слюсарянский, Я.Л. Эйдельман, А.А. Русалинова), исследователей труда в сельском хозяйстве (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина), специалистов в экономической социологии (В.В. Радаев, Г.Н. Соколова, Ю.В. Веселов) до Ж.Т. Тощенко, который начинал как заводской социолог, а с 1990-х гг. будучи главным редактором активно поддерживал тему труда в журнале «Социологические исследования» на протяжении многих лет, разработал проблематику прекарности труда на российской почве и выявил ряд других противоречивых проблем данной сферы. Историческая память

в области социологии требует не забывать имена тех, кто так много сделал для развития отечественных исследований труда.

Однако стремительно трансформирующиеся традиционные и возникающие новые тенденции изменения общества увеличивают разрыв с прошлым. Многочисленные противоречия между практикой и теорией, проявляясь в сфере труда, позволяют фиксировать лишь небольшую часть меняющейся реальности. В результате растут погрешности в исследованиях, а сами исследования остаются во многом локальными и региональными, актуальность прогнозов, сделанных на их основе, снижается.

Мир труда стал глобальным, но его функционирование отличается от страны к стране ввиду социальных, культурных, экономических и исторических особенностей. Поэтому проблемы труда имеют общие и специфические черты, находящие отражение в научных дискуссиях и публикациях. Социология уже не доминирует в обсуждении проблем труда, уступая пальму первенства экономике, что вполне логично в условиях рынка, однако анализ разных сторон трудовой активности остается важным предметом дисциплинарных и междисциплинарных исследований. В рамках социологии труда есть много тем, находящихся в центре внимания исследователей разных стран. Количество публикаций велико, охватить их все практически невозможно. Поэтому особую важность имеет анализ качественных изменений в ценностях труда и их влияния на повседневную жизнь людей.

Статья строится на определении значимых тенденций, выявляемых посредством анализа научных подходов, практикуемых в разных странах¹. Изучение литературы показало, насколько быстро могут изменяться объективные условия на рынках труда, как влияют на них глобальные внешние факторы и как это трансформирует важнейшие характеристики трудовой сферы и понимание их значимости работниками. Мы пытаемся разобраться в том, насколько исследования последних лет по проблемам социологии труда находятся в тренде преобразований социально-трудовой сферы, и насколько последние актуализированы наукой.

Цель статьи – на основе анализа значимых отечественных и зарубежных публикаций выделить тенденции изменения ценностей труда, отражающие происходящие изменения, и определить на этом теоретическом фундаменте некоторые перспективы их дальнейшего развития. Многие тренды изменения труда проявились уже в период пандемии или до нее, другие только сейчас обретают значимые контуры. Выявление указанных тенденций позволяет не только показать, какие конкретные проблемы требуют пристального внимания ученых разных стран и регионов, но и предложить идеи, способствующие осмыслению общих изменений ценностей труда в современном обществе.

Вопросы, связанные с изменением ценностей труда, находятся среди актуальных проблем, вызывающих особый интерес у социологов. Исследования по этой проблеме ведутся много лет и включают прекаризацию труда (Ж.Т. Тощенко, Р.И. Анисимов, В.Н. Бобков, А.В. Попов, Г. Стендинг, К.-Ю. Шин, Х. Михджи), изменение трудовой мотивации (А.Л. Темницкий, И. Кестерних, В.В. Карачаровский), переосмысление ценности труда (Д. Никитина, Д. Гребер), быстрый рост цифровых инноваций в труде (Д. Аутор, Э. Рейнольдс, Р. Болдуин), негативные следствия которых частично связывают с новыми рисками в сфере труда и их влиянием на восприятие его ценности.

Тот факт, что тематика труда ушла с переднего плана исследований в развитых западных странах, а вместе с ней и признание важности социальной сущности труда, волнует

¹ Исползованная база данных является неполной, она включает, прежде всего, статьи по проблемам труда в журнале «Социологические исследования» и других российских журналах за последние годы, а также обзоры научных конференций по тематике труда за тот же период и отчеты о таких конференциях в научных журналах. Поиск зарубежных статей осуществлялся по ключевым словам в международных базах данных, а также в доступных западных журналах, публикующих оригинальные статьи и обзоры за 10–15 лет. Такой подход позволил выделить некоторые ключевые статьи в англоязычных журналах и иных изданиях, определить современных авторов и проблемы, находящиеся в центре их исследований.

глубоко мыслящих теоретиков. В частности, один из нынешних лидеров франкфуртской школы и до недавнего времени директор Франкфуртского института социальных исследований, А. Хоннет недавно писал, что социальный смысл труда и его роль могут проявиться только в обществе, где работники имеют возможности участвовать в управлении своим предприятием, то есть развивать демократию участия [Honnet, 2021].

Определение тенденций в развитии изменений ценностей труда, выявленных на основе выборочного анализа научной литературы, позволило авторам показать разные смыслы, вкладываемые учеными в обсуждаемые проблемы. Так, обострение проблематики прекаризации труда интерпретируется большинством как следствие роста эксплуатации работников и наступления капиталистических отношений на социальные завоевания [Shirk, 2022; Тощенко, 2018], однако в некоторых российских статьях отмечают, что в условиях нынешней трансформации российского общества подобные отношения неизбежны, а такие характеристики прекариата, как готовность к быстрому переобучению и переработкам, высоко востребованы [Темницкий, 2023: 162]. Возможно, автор подметил реальную тенденцию, хотя вряд ли можно распространить ее на периоды, не требующие мобилизации сил и ресурсов, поскольку последние связаны с ослаблением трудовых прав занятых в подобных видах деятельности лиц и развитием их человеческого потенциала.

Обсуждение последствий влияния цифровой трансформации на ценности труда является, судя по публикациям, важным, но не доминирующим фактором изменения отношения к труду. При этом авторами отмечается значимая специфика восприятия цифровизации разными поколениями. Если молодые квалифицированные работники хотят трудоустроиться на престижную и высокооплачиваемую работу, требующую знания цифровых технологий, то у работников среднего и старшего возраста цифровизация вызывает стресс и депрессию ввиду нежелания радикально менять содержание труда. Иногда это связано с боязнью дегуманизации цифрового труда, иногда со страхом потерять работу. Трансформация смыслов труда у молодого поколения выявляет рост индивидуализации трудовых ориентаций, легкость перехода к номадическому стилю жизни при дистанционной занятости, желание совместить интерес к содержанию труда с его высокой оплатой. Последствия цифровой трансформации переплетены также с проблемами безопасности и трудовых рисков, когда тенденциозно реализуется угроза замещения живого труда во многих профессиональных группах. В таких случаях занятость оценивается работниками как способ получения средств к существованию и игнорируется развивающая сущность труда, нивелируя его фундаментальные смыслы [Mhlana, 2023].

Наш подход предполагает выделение уже проявившихся в реальности и выявленных в публикациях тенденций, которые активно дискутируются в науке. В частности, речь идет о следующих тенденциях: глобальный рост прекаризации труда; рост «бессмысленного труда» (особенно в развитых экономиках); высокая значимость инструментальной ценности труда при вариативности трудовых мотиваций в разных возрастных и образовательных группах; снижение осознания смысложизненной ценности труда при отсутствии защиты труда на рабочем месте.

Дискуссии о социальной значимости труда. Основной акцент будет сделан на процессах прекаризации, «бессмысленности труда» и роста его инструментальной значимости, которыми определяются современные тенденции изменения ценностей труда. Труд не только является фундаментом человеческой жизни, выполняя инструментальную роль, но и помогает обеспечить самореализацию личности, дает работнику чувство удовлетворения от своей деятельности. Согласно устоявшимся традиционным подходам, социальная и инструментальная ценность труда создаются культурой конкретного общества [Димаджо, 2004: 60]. Несмотря на радикальные перемены, вносимые в трудовую деятельность цифровой трансформацией, исследование его социальной ценности сохраняет актуальность и дискуссионность [Тощенко, 2019]. Изменения во всех областях жизни в XXI в. отразились на сфере трудовых отношений и занятости. Цифровизация социально-экономической деятельности стала мощным драйвером изменения рынка труда, иерархии

ценностей и изменения их содержания. Возникли новые формы взаимодействия субъектов рыночной экономики, новые социокультурные отношения, влияющие на всю систему отношений в обществе [Baldwin 2019; Brynjolfsson, McAfee, 2014; Тощенко (ред.), 2022; Горшков, Шереги, 2023].

Разные авторы фиксируют изменения в трансформации понимания ценности труда, ведущие к множественности ее смыслов. В исследовании «Новая работа» [Wörwag et al., 2020] в качестве приоритетных, почти равнозначных ценностей, фигурируют самореализация и развитие работника, сплоченность коллектива и социальная безопасность семьи. Это означает, что ценностные ориентации на себя, собственное развитие, сочетаются с социальными и семейными ценностями, причем невозможно определить, что преобладает, т.к. имеющиеся различия зависят от пола, возраста, квалификации респондентов. О существенных изменениях в понимании значимости работы свидетельствуют результаты долгосрочных семантических исследований интернет-постов, проведенных в США с помощью нейромоделирования. Авторы этих исследований также подтвердили постоянно идущую трансформацию в понимании важности труда, которую необходимо учитывать на практике организациям и работодателям [Varavallo et al., 2023].

Новые технологические возможности современного экономического развития радикально влияют на приоритеты и ценности труда. У молодого поколения работников существенно изменяется баланс ценности труда и качества жизни в пользу последней [Радаев, 2019]. Повсеместно появились «цифровые кочевники», работающие вне офиса, с легкостью меняющие место жительства в поисках более высокого качества жизни и ценящие труд не выше досуга [Aroles et al., 2023]. Однако в таких случаях растет как степень свободы труда, так и его потенциальная прекаризация (неустойчивость занятости, нестабильность, рост рабочего времени без материальной компенсации и т.п.).

Цифровизация ряда массовых профессий, внедрение инновационных технологий и роботизация производства и сферы услуг также изменяют характер труда: социологи прогнозируют сокращение рабочего времени и занятости, увольнения работников в сфере производства, замену живого труда машинным [Ford, 2015; Benanav, 2020].

Хотя дискуссии о ценности труда не прекращаются, их общий вывод резюмируется в признании снижения социальной значимости труда. Исследования взаимосвязи производительности труда и его оплаты, проведенные в России, выявили парадоксы мотивации труда: при относительно невысокой по международным меркам производительности труда россиян более половины работников не готовы повысить производительность труда даже при желаемом росте заработной платы [Карачаровский, Гурулева, 2023: 43]. Из них 20% считают, что уже работают на пределе возможностей. Для остальных рост производительности труда может привести к уменьшению времени досуга, что не соответствует их ценностным приоритетам. Даже устранение субъективно воспринимаемой несправедливости в оплате труда сегодня невозможно: оно потребовало бы слишком больших экономических затрат работодателей. Возможно, резервы труда есть у работников молодого поколения (до 36–38 лет), прежде всего в промышленности, сфере услуг. По мнению авторов, введение прогрессивного налогообложения, осознание социальной значимости труда работником на уровне общества, т.е. признание его объективной ценности, могло бы затормозить процесс снижения ценности труда. Так же считают и некоторые другие авторы [Бобков и др., 2020].

Пока же общей тенденцией остается признание приоритета инструментальной ценности труда. Такой вывод зачастую опирается на результаты массовых опросов общественного мнения, причем эта тенденция не новая. Более десятилетия назад Дж. Клифтон констатировал, что значительное большинство участников опросов выбирают материальные ценности: человек работает для заработка, удовлетворения собственных потребностей, обеспечения семьи [Clifton, 2011: 303]. Исследования показывают, что как в экономически развитых странах, так и в среднеразвитых и развивающихся, труд рассматривается самими работниками, прежде всего, как средство достижения материального

благополучия, т.е. прагматично-утилитарно [Burke, 2009; Lyons, Kuron 2014]. Это отношение к труду обусловлено не только тем, что работники часто заняты деятельностью, которая не вызывает у них интерес, но и ростом в постиндустриальном обществе ценности досуга, желанием обеспечить себе высокий материальный уровень жизни, достойный социальный статус.

Прекарность и «бессмысленность» труда. Проблема ценности труда рассматривается учеными с разных теоретических позиций. В зарубежной литературе широко распространены, как считает Д. Никитина, институциональный подход и концепция «бессмысленности труда» [Никитина, 2023: 141]. В исследованиях бессмысленного труда критической оценке подвергается вся система трудовых отношений. Теоретическая основа таких критических исследований – тезис о том, что оценка собственного труда работником как бесполезного приводит к фрустрации и неудовлетворенности жизнью, в конечном счете – к психологической травме [Гребер, 2018]. По утверждению К. Мерфи и Дж. Крейнера, в рамках институционального подхода к труду многие прежние исследования профессиональной идентичности анализировали, как работник доказывает значимость собственной работы другим людям, тогда как прежде всего он должен доказать эту значимость самому себе [Murphy, Kreiner, 2020: 4]. Поиск доказательств важности своей деятельности затруднен на практике оттого, что современный труд в ряде аспектов действительно лишен социальной значимости и творчества, он в принципе не может принести удовольствие тем, кто им занят. В условиях бюрократизации и формализации трудовых задач самостоятельный труд заменяется однообразной, монотонной, неинтересной работой, при выполнении которой работник должен следовать огромному количеству формальных требований [Hunter et al., 2020; Klemsdal et al., 2022]. При этом, по мнению Дж. Ширка, даже рост производительности труда, ведущий к уменьшению рабочего времени, в современном неолиберальном обществе не поощряется [Shirk, 2022: 17]. Вместо этого понятие работы расширяется: она поглощает жизнь и личность человека [Shirk, 2022: 8]. Бюрократическая организация рассматривает сам процесс работы и удлинение рабочего времени как безусловное благо, а создание бесконечных рабочих мест – как необходимое условие экономического роста и социального благополучия. Институциональный подход не может рационально объяснить рост непроизводительного «бессмысленного труда» и расширения подобных рабочих мест в организации, однако его сторонники отмечают, что подобный труд постепенно охватывает все сферы труда, т.к. в конечном счете он способствует поддержанию на определенном уровне совокупного потребительского спроса. По сути, «организационный бред» становится глобальным феноменом [Никитина, 2023: 137], не предлагая моральных оснований для придания такому труду смысла.

Снижение ценности труда для работников и потеря интереса к его содержанию означает, что растет отчужденность работника в труде, снижается уровень его защищенности и стабильности занятости, что выводит на первый план необходимость анализа прекариата. В последние десятилетия прекаризация стала весьма актуальной темой исследований, так что можно считать обращение к ней одним из трендов развития социологии труда [Shin et al., 2023]. Прекариат – это социальная группа работников, чья гибкая занятость не является гарантированной и легитимированной, будучи неустойчивой и вызывая фрустрацию, общую неудовлетворенность работников, так что ценность труда сводится к его наличию [Mihci, 2022; Jørgensen, 2016; Standing, 2011]. В западных странах исследуют формы проявления прекарного труда, специфику его влияния на женщин, мигрантов, этнические меньшинства, а также изменение содержания труда и перспективы в условиях глобального капитализма [Lambert, Herod, 2016; Shin et al., 2023].

В России в настоящее время ведущим автором, анализирующим прекарный труд, является Ж.Т. Тощенко, который, вслед за Г. Стэндингом, не исключает перспективы превращения прекариата в новый «опасный» класс [Тощенко, 2018]. В коллективной монографии под редакцией Ж.Т. Тощенко «От прекарной занятости к прекаризации жизни» (2022) делается вывод, что прекарная занятость стала всеобъемлющей и оказывает

влияние на другие сферы жизни, также превращая их в прекарные. По мнению авторов, прекарная часть занятого населения растет; она представлена в основном молодыми мужчинами со средним образованием, занятыми в негосударственном секторе торговли, услуг, строительства и транспорта. Рост прекариата демонстрирует разрыв с недавними представлениями о занятости, актуализируя проблему исследования новых групп работников, готовых к быстрой смене рабочих мест, переучиванию, постоянной адаптации к инновациям в условиях быстрой цифровизации [Темницкий, 2023], а также проблему защиты этой новой группы от эксплуатации посредством профсоюзов или других форм коллективных действий [Shin, 2023; Бобков и др., 2020].

В исследованиях прекариата в разных странах выявлено много общих характеристик, хотя в отношении ценности труда были обнаружены значительные различия, отражающие экономические уровни стран и качества жизни. Анализ данных межстрановых исследований и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2002–2016 гг. показал, что отличительной особенностью российских наемных работников (как прекариев, так и остальных) является устойчивое превышение удовлетворенности работой над удовлетворенностью жизнью [Темницкий, 2023: 159], в отличие от работников таких стран, как Дания, Норвегия, Нидерланды, Швеция, Швейцария, в которых удовлетворенность жизнью всегда была выше, чем удовлетворенность работой. В то же время другие исследователи предостерегают от «широких обобщений» данных отдельных стран, т.к. объяснение тех или иных особенностей по странам должно учитывать много локальных факторов, а не апеллировать к концепции неолиберальной экономики [Trappmann et al., 2023].

Ценность труда и поколенческие различия. Особенно актуальна проблема ценности труда для молодого поколения, которая также трансформируется в сторону роста его инструментальной ценности. Согласно эмпирическим исследованиям, российская молодежь ценит в труде главным образом материальную сторону и возможность самоутвердиться посредством труда. Молодежь легко меняет работу независимо от полученной профессии, если это гарантирует рост доходов, карьерное продвижение. При этом молодежь высоко ценит свободу выбора труда и фрилансерство, независимость и творчество, желая совместить разные характеристики трудовой деятельности, которые не всегда достижимы при погоне за доходами [Проказина, 2021: 410]. Одновременно с независимо ориентированной занятой российской молодежью существует группа, которая не работает и не учится, т.к. обладает низкими социальными ресурсами и не мотивирована на трудовую активность [Буланова, 2018; Демиденко, 2021; Зудина, 2019]. Наличие такой молодежи характерно для многих стран и означает ее разочарование в труде как сфере самореализации, рост индивидуалистических ориентаций. Исследования этой группы демонстрируют, что среди молодежи распространена неуверенность в будущем, которая может быть обусловлена низким уровнем образования, жизненных ресурсов, инфантилизмом, а возможно – отторжением прекарной работы. Однако это лишь внешние факторы, поскольку более глубокий анализ объективных и субъективных факторов должен опираться на тщательный анализ разных групп такой молодежи, отличающихся многими культурно-социальными индикаторами.

В работах С. Лайонса и Л. Курона [Lyons, Kuron, 2014] приводятся результаты анализа различий в представлениях о труде, ценности труда, отношения к работе, установках на соотношение между работой и личной жизнью у разных поколений [Huber, Schubert, 2019]. Сравнительное исследование ценностей самоутверждения работников разных возрастов, участвовавших в исследованиях ESS (European Social Survey 2006–2018), проведенное А. Темницким, выявило следующие тенденции. Во-первых, ценности самоутверждения посредством труда и карьеры у занятого молодого населения (18–35 лет) оказались выше в России, чем в других европейских странах. Во-вторых, эти ценности выше у молодежи в целом, чем у других поколений (36–65 лет). В-третьих, была выявлена тенденция «снижения ценностей достижения у работающей молодежи России» [Темницкий, 2021: 400], что

выразилось в падении смысло-жизненной мотивации труда и заниженной оценке его терминальной ценности. При этом ценности достижения и материального благополучия посредством труда сохраняют приоритетность, что важно для преодоления молодым поколением россиян новых трудностей на рынке труда. Согласно всероссийскому опросу разных возрастных групп населения, материальная ценность труда наиболее значима для группы от 25 до 34 лет. Интерес к труду как виду деятельности также значим для молодежи, но при соблюдении баланса работы и свободного времени. Эти критерии являются ведущими при оценке труда молодежью.

Исследования выявили важность культурологической составляющей труда даже в вопросах, которые на первый взгляд являются сугубо экономическими. Так, В. Минат на примере анализа труда в строительной отрасли и здравоохранении США за длительный период времени в XX – начале XXI вв. показал, что существует сложная взаимосвязь между ростом производительности труда, продолжительностью рабочего времени и появлением разных форм «бессмысленного труда». Автор эмпирически доказал, что «в условиях долгосрочного повышения производительности труда, из-за которого сокращается продолжительность рабочего времени», работодатели создают формы социально бессмысленного труда (например, реклама продукции), которые позволяют вновь увеличить рабочее время специалистов [Минат, 2023: 29]. При этом ценность труда и его мотивация у квалифицированных сотрудников снижается, т.к. такой труд ведет к падению социальной эффективности использования живого квалифицированного труда в США. Снижается и производительность такого труда. Как считает американский антрополог Д. Гребер [2018], борьба с технологической безработицей посредством создания фиктивных рабочих мест также является примером использования «бессмысленного труда», снижения его терминальной ценности для работников, тогда как всякий труд должен иметь смысл. Превращение труда в скучную бесполезную деятельность становится моральной проблемой общества в условиях технологического прогресса. Вероятно, внимание к исследованию этой тематики будет нарастать.

Социальный смысл труда и риски. В современных условиях изменения характера труда и усложнения его организации возрастают не только возможности проявления творчества у некоторых групп работников (особенно тех, чей труд цифровизирован), но и количество рисков, снижающих его социальную ценность. Охрана труда (особенно там, где условия труда недостаточно контролируются государством и профсоюзами) и риски организации труда – те факторы, которые могут снизить субъективное удовлетворение трудом и усилить трудовые стрессы, а следовательно, и снизить осознание социальной ценности труда работниками. Как утверждает А. Хоннет, труд должен развивать работников и давать им возможность осознать свою причастность к коллективной деятельности, тогда как в реальной организации труда, напротив, преобладают индивидуализация, прекаризация и развоплощение [Celikates et al., 2023]. Вывод о росте прекаризации труда был сделан и в упомянутой монографии [Тощенко (ред.), 2022]. Другие ученые подчеркивают, что изменение организационных принципов и формирование нестандартных условий труда в результате цифровизации экономики влечет за собой рост рискогенности, опосредованный снижением безопасности труда, сокращением спроса на живой труд (Böhle; Schieman).

Трудовые риски, обусловленные несправедливыми трудовыми и тарифными соглашениями, ростом напряженности труда, обычно определяют как риски ухудшения условий труда [Бухтияров и др., 2017]. Они косвенно обусловлены невозможностью работников повлиять на принятие тех или иных условий труда, т.е. связаны с недостаточной коллегиальностью принимаемых соглашений, низкой значимостью работников в этом процессе.

Негативным фактором труда выступает и стресс, который обычно рассматривается с точки зрения социально-психологического состояния работника, его потребностей и условий жизни. Возрастают напряжения между ролью труда как фактора производства, с одной стороны, и труда как основы личностного развития работника – с другой.

«Последнее не ограничивается только сохранением трудоспособности работника, но также относится к его развитию, в том числе в процессе труда и, что немаловажно, к удовлетворению потребностей в труде» [Böhle et al., 2018: 60]. В условиях стрессогенности особую роль играет усложнение организационных и технико-технологических систем, которые, по оценкам Ф. Беле, предполагают рост уровня ответственности работников. Данные тенденции называются и российскими социологами. Ими отмечается, что «внедрение новых форм организации и управления, ведущих одновременно к возрастанию контроля и повышению интенсивности труда, усиление требований к личной эффективности, снижение гарантий занятости и индивидуализация трудовых отношений способствуют формированию достаточно агрессивной рабочей среды, где стресс становится постоянной составляющей трудовой деятельности» [Козина, Сережкина, 2019: 27].

Канадский автор С. Шиман объясняет рост старых и возникновение новых стрессовых рисков трансформацией индустриальных организаций: сокращением их штатов и формированием нестандартных условий труда [Schieman, 2019]. Снижается уровень гарантий долгосрочной стабильной занятости, что усиливает общее чувство незащищенности.

Направление исследования трудовых рисков в связи с цифровизацией повсеместно стало весьма популярным. Часто акцент делается на негативных следствиях цифровизации труда. На одиночество (атомизацию) индивидов, разрыв социальных связей, указывает Ф. Джонс [Jones, 2021], считая это результатом тотального контроля со стороны внедряемых цифровых систем. Последние нивелируют защищенность наемных работников, а также лишают их возможности отстаивать свои права. Профсоюзные организации и государство могут изменить данную ситуацию, но в настоящее время по разным причинам (включая глобальную коммерциализацию всех сфер общественной жизни) проявляют пассивность. Таким образом, риски стресса оказываются тесно связанными с прекаризацией жизни. Работник остается один на один не только со своими бытовыми проблемами, но и проблемами трудоустройства, занятости, безопасности труда, что повышает риски возникновения стресса.

В таких условиях А. Хоннет [Honnet, 2021] предлагает ограничить контроль частных собственников предприятий и увеличить полномочия государства в определении условий труда. Цель подобных реформ должна состоять в том, чтобы обеспечить как можно большее участие работников в деятельности своего коллектива, демократизировать условия их труда. Сам Хоннет справедливо сомневается, что это можно реализовать при современном капитализме и создать условия труда, при которых каждый будет себя чувствовать «демократическим гражданином», поэтому бессмысленность труда в обществе будет только возрастать.

Проведенный анализ публикаций позволяет сделать вывод, что тенденции, связанные с ростом ценности оплаты труда, лишь констатируют переход России к рыночной экономике, где важен капитал, выгода и доходность труда, а не его сущностные характеристики и социальная значимость (если она и сохраняется, то не доминирует). Смыслоразнообразная проблематика труда по-прежнему широко развивается главным образом в работах мэтров российской социологии труда (Ж.Т. Тощенко, В.Н. Бобков) и их коллективов. Большинство остальных авторов принимает изменения в ценностях труда как свершившийся факт, поскольку сформировались новые типы субъектов трудовых отношений и их поведения.

На наш взгляд, это важный и ценный вывод для социологии труда: мы наблюдаем тенденцию единения терминальной ценности (пусть и не приоритетной) и реально доминирующей инструментальной, прагматичной ценности (доход, карьера).

Заключение. Тенденции изменения ценности труда, представленные в статье, возможно, фиксируют не только те трансформации, которые уже имеют место в реальности и отражены в исследованиях, но и конструируют некоторые будущие направления развития труда, которые весьма противоречивы и пока недостаточно подтверждены эмпирическими данными. Изменения в мотивации труда и доминирующих ценностях происходят не только с каждым новым поколением, на них влияет множество факторов как

экономического, так и неэкономического порядка. На сегодня наиболее достоверной представляется признание множественности ценностей труда без явного доминирования какой-либо одной из них. Такая множественность присуща и молодежи, и занятому населению среднего и старшего возраста: у каждой группы материальные ценности труда соединены либо с ориентацией на самореализацию, либо карьеру, либо социальное признание труда. В такой стране, как Россия, где социальная дифференциация остается значимой проблемой, было бы трудно ожидать единства в оценке труда с учетом рыночного характера экономики. Мы полагаем, что эта многомерность будет и дальше сохраняться.

Зарубежные исследования ценности труда больше, чем российские, сфокусированы на негативных тенденциях развития трудовой сферы, что подтверждается многими работами. Однако утверждать, что подобные тренды адекватны на глобальном уровне, мы не беремся: для этого нужны международные сравнительные исследования труда. Очевидно лишь, что важность проблемы прекарности труда и ее следствий будет скорее возрастать, как и тенденции к превращению многих видов труда в «бессмысленный труд» с точки зрения оценки его социального смысла.

Что касается тенденции низкой социальной защищенности работников, возможно, пока не хватает масштабных исследований по этой теме, которая важна и для роста удовлетворенности жизнью, и для осознания социальной ценности труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Коваленко В.В. Неустойчивая занятость – глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 93–100.
- Буланова М.Б. NEET-молодежь: опыт международной диагностики // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 54–62.
- Бухтияров И.В., Измеров Н.Ф. и др. Условия труда как фактор риска повышения смертности в трудоспособном возрасте // Медицина труда и промышленная экология. 2017. № 8. С. 43–49.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Гребер Д. Бредовая работа. Тратат о распространении бессмысленного труда / Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Демиденко С.Ю. Разные пути в NEET: о жизненных выборах молодежи // Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе: сб. науч. ст. / Под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. СПб.: Скифия принт, 2021. С. 423–433.
- Димаджио П. Культура и хозяйство // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 45–60.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.
- Карачаровский В.В., Гурулева М.Н. Ловушка мотивации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 34–46.
- Козина И.М., Сережкина Е.В. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT–специалистов // Социологические исследования. № 5. 2019. С. 26–35.
- Минат В.Н. Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) // Общественные науки и современность. 2023. № 5. С. 19–32.
- Никитина Д. Бессмысленный труд, бредовая работа и организационный абсурд: новые направления для институциональной теории // Социологическое обозрение. 2023. № 1. С. 129–146.
- Проказина Н.В. Отношение к труду: установки и практики молодых россиян // Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе: сб. науч. ст. / Под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. СПб.: Скифия принт, 2021. С. 410–422.
- Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
- Темницкий А.Л. Ценности самоутверждающего поведения молодых российских работников // Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе: сб. науч. ст. / Под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. СПб.: Скифия принт, 2021. С. 400–409.
- Темницкий А.Л. Затрагивает ли прекаризация занятости все сферы жизни? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 158–164.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

- Тощенко Ж.Т. Эволюция смыслов труда: современное состояние и будущие ориентиры // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. / Под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 61–64.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) От precarious занятости к прекаризации жизни. М.: Весь Мир, 2022.
- Aroles J., Bonneau C., Bhankaraul S. Conceptualising 'Meta-Work' in the Context of Continuous, Global Mobility: The Case of Digital Nomadism. // *Work, Employment and Society*. 2023. Vol. 37. № 5. P. 1261–1278.
- Baldwin R. *The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics and the Future of Work*. Oxford University Press, 2019.
- Benanav A. *Automation and the Future of Work*. London, 2020.
- Böhle F., Voß G., Wachtler G. *Handbuch Arbeitssoziologie*. Band 2: Akteure und Institutionen. Springer, 2018.
- Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*, New York, 2014.
- Burke R.J. Working to Live or Living to Work: Should Individuals and Organizations Care? // *Journal of Business Ethics*. 2009. Vol. 84. Supplement 2: Working to Live or Living to Work. P. 167–172.
- Celikates R., Honneth A., Jaeggi R. The Working Sovereign: A conversation with Axel Honneth // *Journal of Classical Sociology*. 2023. Vol. 23. № 3. P. 318–338.
- Clifton J. *The Coming Jobs War*. New York: Gallup Press, 2011.
- Ford M. *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*, New York: Basic Books, 2015.
- Honneth A. *The Working Sovereign / Der arbeitende Souverän. A Normative Theory of Labour*. Walter-Benjamin-Lectures. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2021.
- Huber P., Schubert H.-J. Attitudes about work engagement of different generations – A cross-sectional study with nurses and supervisors // *Journal of Nursing Management*. 2019. № 27. P. 1341–1350.
- Hunter S.D., Bentzen H., Taug J. On the "missing link" between formal organization and informal social structure // *Journal of Organization Design*. 2020. № 9(1). P. 1–20.
- Jones Ph. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso, 2021.
- Jørgensen, M.B. Precariat- What it Is and Isn't- Towards an Understanding of What it Does. *Critical Sociology*. 2016. 42 (7–8): 959–974.
- Kesternich I., Schumacher H., Siflinger B., Schwarz S. Money or meaning? Labor supply responses to work meaning of employed and unemployed individuals // *European Economic Review*. 2021. 137(4):103786
- Klemsdal L., Clegg S. Defining the work situation in organization theory: bringing Goffman back in. *Culture and Organization*. 2022. Vol. 28. Iss. 6, 471–484.
- Lambert R., Herod A. *Neoliberal capitalism and precarious work: Ethnographies of accommodation and resistance*. University of Melbourne: Edward Elgar, 2016.
- Lyons S., Kuron, L. Generational differences in the workplace: A review of the evidence and directions for future research // *Journal of Organizational Behavior*. 2014. № 35. P. 139–157.
- Mhlana S. Precarious Work and the Gendered Individualisation of Risk in the South African Manufacturing Sector, 2002–2017 // *Global Labour Journal*. 2023. № 14(2). P. 165–184.
- Mihci H. Precariat: A New Class or a Dangerous Notion for the Class Struggle? // *Efil Journal of Economic Research*. 2022. № 5(3). P. 10–29.
- Murphy C., Kreiner G.E. Occupational boundary play: Craming a sense of identity legitimacy in an emerging occupation // *Journal of Organizational Behavior*. 2020. Vol. 41. № 9. P. 871–894.
- Schieman S. Ordinary Lives and the Sociological Character of Stress: How Work, Family, and Status Contribute to Emotional Inequality // *Society and Mental Health*. 2019. Vol. 9. № 2: 127–142.
- Shin K.-Y., Kalleberg A.L., Hewison K. Precarious work: A global perspective // *Sociology Compass*. 2023. V. 17. № 12. e13136.
- Shirk J. From Bureaucratic Discipline to Self-Actualization: Using Marx and Foucault to Critique the Demand for Better Work Rather Than Less Work // *Administration and Society*. 2022. Vol. 54. № 9. P. 1827–1847.
- Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic, 2011.
- Trappmann V., Umney C., McLachlan C., Seehaus A., Cartwright L. How Do Young Workers Perceive Job Insecurity? Legitimising Frames for Precarious Work in England and Germany // *Work, Employment and Society*. First published online October 5, 2023.
- Varavallo G., Scarpetti G., Barbera F. The moral economy of the great resignation // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. № 10, 587. First published online 28 November.
- Wörwag S., Cloots A. *Arbeitskulturen im Wandel. Der Mensch in der New Work Culture*. Springer Gabler, Wiesbaden, 2020.

CHANGING VALUES OF WORK (based on the materials from Russian and foreign publications)

TITARENKO L.G.***, KARAPETYAN R.V.**

*Belarusian State University, Belarus

** Saint Petersburg State University, Russia

Larissa G. TITARENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia (larissa@bsu.by); Ruben V. KARAPETYAN, Cand. Sci. (Econ.), Associate Prof. of the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia (r.karapetyan@spbu.ru).

Abstract. The sphere of work, which was previously central to Soviet and Russian sociology constantly covered in the Sociological Studies journal, is no longer so, although work remains an important subject of research in the conditions of the challenging digital transformation and growing uncertainty. Based on the analysis of domestic and foreign publications, the authors tried to identify current trends in the development of research that reflect global and regional changes in labor. Solving this problem allows the authors to show which problems attract the prime attention of scientists from different countries, and define the prospects for the future research. The authors show the discussion conducted by researchers on the topic of changing labor values. Particular attention is paid to how precarization is analyzed and the growth of the “meaninglessness” of labor is argued. A significant similarity of the identified problems in Russia and foreign countries is emphasized, regardless of the fact that they belong to different levels of socio-economic development, differ in work culture and other characteristics.

Keywords: sociology of work, motivation, transformation of work values, risks, precarization, “meaningless work”.

REFERENCES

- Aroles J., Bonneau C., Bhankaraull S. (2023) Conceptualising ‘Meta-Work’ in the Context of Continuous, Global Mobility: The Case of Digital Nomadism. *Work, Employment and Society*. Vol. 37. No. 5: 1261–1278.
- Baldwin R. (2019) *The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics and the Future of Work*. Oxford University Press.
- Benanav A. (2020) *Automation and the Future of Work*. London.
- Bobkov V.N., Odintsova E.V., Kovalenko V.V. (2020) Precarious employment – a Global Problem of Our Time: How to Reduce its Scale in Russia? *Forecasting problems*. No. 3: 93–100. (In Russ.)
- Böhle F., Voß G., Wachtler G. (2018) *Handbuch Arbeitssoziologie. Band 2: Akteure und Institutionen*. Springer.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2014) *The Second Machine Age. Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*, New York.
- Bukhtiyarov I.V., Izmerov N.F., Tikhonova G.I., Churanova A.N., Gorchakova T. Yu., Bryleva M.S., Krutko A.A. (2017) Work conditions as a risk factor mortality increase in able-bodied population. *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*. (8): 43–49. (In Russ.)
- Bulanova M.B. (2018) NEET youth: experience of international diagnostics. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvo* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Ser. “Philosophy. Sociology. Art history”]. No. 3 (13): 54–62. (In Russ.)
- Burke R.J. (2009) Working to Live or Living to Work: Should Individuals and Organizations Care? *Journal of Business Ethics*. Vol. 84 (Suppl. 2): Working to Live or Living to Work: 167–172.
- Celikates R., Honneth A., Jaeggi R. (2023) The Working Sovereign: A conversation with Axel Honneth. *Journal of Classical Sociology*. No. 23(3): 318–338.
- Clifton J. (2011) *The Coming Jobs War*. New York: Gallup Press.
- Demidenko S. Yu. (2021) Different paths to NEET: about the life choices of young people. In: Skvortsov N.G., Karapetyan R.V. (eds) *Transformation of labor in a (de)globalizing society*. SPb: Skifia-Print: 423–433. (In Russ.)
- DiMaggio P. (2004) Culture and Economy. *Economic Sociology*. No. 3: 45–65. (In Russ.)
- Ford M. (2015) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. New York: Basic Books.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. (2023) *Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis*. Moscow: FNISC RAS. (In Russ.)
- Graeber D. (2018) *Bullshit Job. Treatise on the Spread of Meaningless Labor*. Transl. from English. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

- Honneth A. (2023) *The Working Sovereign / Der arbeitende Souverän. A Normative Theory of Labour. Walter-Benjamin-Lectures*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Huber P., Schubert H.-J. (2019) Attitudes about work engagement of different generations – A cross-sectional study with nurses and supervisors. *Journal of Nursing Management*. No. 27: 1341–1350.
- Hunter S.D., Bentzen H., Taug J. (2020) On the “missing link” between formal organization and informal social structure. *Journal of Organization Design*. 9(1): 1–20.
- Jones Ph. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London; New York: Verso.
- Jørgensen, M. B. (2016) Precariat- What it Is and Isn't- Towards an Understanding of What it Does. *Critical Sociology*. 42 (7–8): 959–974.
- Karacharovskiy V.V., Guruleva M.N. (2023) Motivation Trap on Russian Labour Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 34–46. (In Russ.)
- Kesternich I., Schumacher H., Siflinger B., Schwarz S. (2021) Money or meaning? Labor supply responses to work meaning of employed and unemployed individuals *European Economic Review*. 137(4): 103786.
- Klemsdal L., Clegg S. (2022) Defining the work situation in organization theory: bringing Goffman back in. *Culture and Organization*. Vol. 28. Issue 6: 471–484.
- Kozina I.M., Serezkina E.V. (2019) Occupational stress factors in the work of Russian and French IT specialists. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 26–35. (In Russ.)
- Lambert R., Herod A. (2016) *Neoliberal capitalism and precarious work: Ethnographies of accommodation and resistance*. University of Melbourne: Edward Elgar.
- Lyons S., Kuron L. (2014) Generational differences in the workplace: A review of the evidence and directions for future research. *Journal of Organizational Behavior*. No. 35: 139–157.
- Mhlana S. (2023) Precarious Work and the Gendered Individualisation of Risk in the South African Manufacturing Sector, 2002–2017. *Global Labour Journal*. No. 14(2): 165–184.
- Minat V. (2023) Interconnected Dynamics of Duration, Productivity and “Bullshit” of Labor (Branch Aspect on the Example of the USA). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5: 19–32. (In Russ.)
- Mihci H. (2022) Precariat: A New Class or a Dangerous Notion for the Class Struggle? *Efil Journal of Economic Research*. 5(3): 10–29.
- Murphy C., Kreiner G.E. (2020) Occupational boundary play: Cramming a sense of identity legitimacy in an emerging occupation. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 41(9): 871–894.
- Nikitina D. (2023) Pointless labor, bullshit jobs, and organizational absurdity: new directions for institutional theory. *Russian Sociological Review*. No. 1: 129–146. (In Russ.)
- Prokazina N.V. (2021) Attitude to work: attitudes and practices of young Russians. In: Skvortsov N.G., Karapetyan R.V. (eds) *Transformation of labor in a (de)globalizing society*. Spb.: Skifia-Print: 410–422. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2019) *Millenials. How Russian society is changing*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Schieman S. (2019) Ordinary Lives and the Sociological Character of Stress: How Work, Family, and Status Contribute to Emotional Inequality. *Society and Mental Health*. Vol. 9. No. 2: 127–142.
- Shin K.-Y., Kalleberg A.L., Hewison K. (2023) Precarious work: A global perspective. *Sociology Compass*. Vol. 17. No. 12. e13136.
- Shirk J. (2022) From Bureaucratic Discipline to Self-Actualization: Using Marx and Foucault to Critique the Demand for Better Work Rather Than Less Work. *Administration and Society*. Vol. 54. No. 9: 1827–1847.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Temnitskiy A.L. (2023) Does precarity of employment affect all spheres of life? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 158–164. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2021) Values of self-affirming behavior of young Russian workers. In: Skvortsov N.G., Karapetyan R.V. (eds) *Transformation of labor in a (de)globalizing society*. SPb.: Skifia-Print: 400–409. (In Russ.)
- Toschenko Zh. (2018) *Precariat: from protoclasse to new class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toschenko Zh. (2019) Evolution of the Meanings of Work: Current State and Future Guidelines. In: Baymurzina G., Valiachmetov R. (eds) *The Future of Work: Global Challenges and Regional Development*. Ufa: Mir Pechati: 61–64. (In Russ.)
- Toschenko Zh. (ed.) (2022) *From precarious employment to precarization of life*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Trappmann V., Umney C., McLachlan C., Seehaus A., Cartwright L. (2023) How Do Young Workers Perceive Job Insecurity? Legitimising Frames for Precarious Work in England and Germany. *Work, Employment and Society*. First published online October 5.
- Varavallo G., Scarpetti G., Barbera F. (2023) The moral economy of the great resignation. *Humanities and Social Sciences Communications*. № 10, 587. First published online 28 November.
- Wörwag S., Cloots A. (2020) *Arbeitskulturen im Wandel. Der Mensch in der New Work Culture*. Wiesbaden: Springer Gabler.
- Zudina A. (2019) The NEET Youth in the Russian Labor Market. *Mir Rossii* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 28. No. 1: 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160. (In Russ.)

И.Н. ТРОФИМОВА

ПОЛИТИКА НА СТРАНИЦАХ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ЭПИСТЕМОЙ

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (itnmv@mail.ru).

Аннотация. Каждой исторической эпохе свойственна своя эпистема – характерная для конкретного исторического периода общая система мышления и научного теоретизирования. Эпистема политики в отечественной социологии формировалась в условиях противостояния идеологии и научного анализа, государственного патронажа и академической свободы. На основе обзора публикаций в журнале «Социологические исследования» (СоцИс) выделены основные этапы эволюции этой эпистемы: первое десятилетие работы журнала в 1974–1984 гг.; перестройка 1985–1990 гг.; «либеральные» 1990-е гг.; «стабилизационные» 2000–2020-е гг. Публикации в СоцИсе по политической социологии рассматриваются как специфические формы репрезентации профессионального знания и способов познания, определяемые актуальным уровнем развития дисциплины и концепцией самого журнала. Усложнение тематической структуры, трансдисциплинарный подход, проектный и дискуссионный характер публикаций способствовали преодолению эпистемологической неопределенности политики.

Ключевые слова: политическая социология • идеология • эпистема • журнал «Социологические исследования»

DOI: 10.31857/S0132162524070082

В 2024 г. журналу «Социологические исследования» (далее СоцИс) исполняется 50 лет, и за это время на его страницах были опубликованы сотни статей, рецензий, заметок и интервью, касающихся напрямую или косвенно проблем политической жизни российского общества. Впервые сюжет о политике как предмете исследования возник на страницах журнала в материале о X Всемирном социологическом конгрессе 1982 г. в Мехико. В нем впервые определялся предмет социологии политики как «содержание политики и политической деятельности различных социальных групп определенного общества, характер их политических интересов и соответствующих политических отношений, содержание деятельности политических институтов, изучение политических движений, политического поведения и сознания масс» [Волков, 1982: 45]. Однако прошло еще более 10 лет прежде, чем в журнале появилась соответствующая рубрика – «Политическая социология».

История политической социологии на страницах СоцИса – это отражение истории страны, преломленная в смене исследовательских парадигм, поколений ученых и авторов. Каждой исторической эпохе свойственна своя «эпистема», под которой понимается общая, характерная для конкретного исторического периода система мышления, научного теоретизирования. Совсем недавно социально-гуманитарные науки существовали в единой общепризнанной и «единственно верной (истинной)» парадигме – обязательной всеобщей теории марксизма. Сегодня они открыты «всем ветрам», любым принципам построения и обоснования научного знания, в полной эпистемологической и идеологической неопределенности [Микешина, 2018: 4]. Но хронологически между этими состояниями нет четкой границы. Смена эпистем/парадигм представляет собой постепенный и нелинейный процесс со своими ускорениями, отклонениями, инверсиями. История отечественной политической социологии тому пример.

Объектом исследования является далее совокупность публикаций по политической проблематике в журнале СоцИс в 1974–2024 гг. Предметом исследования являются репрезентируемые журналом профессиональное знание и способы познания политической реальности. Автором использованы методы периодизации и истории идей, что позволяет рассматривать каждый из пяти этапов как отдельную эпистемологическую ситуацию: 1) первое десятилетие 1974–1984 гг.; 2) перестройка 1985–1990 гг.; 3) 1990-е гг.; 4) 2000-е – начало 2010-х гг.; 5) 2014–2024 гг.

Дискуссия о «политической социологии». Обзор публикаций невозможен без упоминания дискуссии о том, что такое «политическая социология», которая имела как терминологические, так и содержательные аспекты.

Основной вопрос заключался в том, как интерпретировать двойственную предметную область политической социологии – взаимоотношения государства и общества. Дж. Сартори отмечал: «Фраза “социология политики” безошибочно указывает подполе, подразделение общей области социологии ... Говоря “социология политики”, мы ясно даем понять, что структура, подход или фокус исследования являются социологическими» [Sartori, 1969: 195]. Словосочетание «политическая социология» казалось ему неопределенным – как неопределенна и непредсказуема сама политика, пронизанная скрытым манипулированием и принуждением со стороны государственной власти. Статья Дж. Сартори была опубликована в 1969 г., когда после «революции 1968 г.» в странах Европы развернулись массовые социальные движения. Именно в эти годы произошла своего рода «встреча» социального и политического, формальной и неформальной политики. Спустя примерно два десятилетия дискуссии по проблемам социальных движений, электорального поведения, политических предпочтений и т.д. стали основой для формирования политической социологии как исследовательского поля и в отечественной социологии [Горшков, Тощенко, 2018: 10]. Однако оформление общих границ политической социологии не исключило разногласия внутри самой дисциплины.

Политизация общества коснулась и профессионального сообщества. Буквально в русле парадигмы политического участия В. Воронков и Е. Здравомыслова выделили два типа исследователей – «неформальные» и «формальные». Первые подчеркивали значимость, конструктивность и рациональность социальных движений, рассматривали социологию как инструмент преобразования общества; вторые опасались именно деконструктивности и иррациональности этих движений [Voronkov, Zdravomyslova, 1996: 46–47]. Это разделение отражало происходящие в стране события, которые интерпретировались как «огромного накала борьба между горячими приверженцами кардинальных сдвигов и социальными группами, которые готовы сделать все, чтобы ничего не менялось» [Заславская, 1987: 3].

Масштабные радикальные перемены волей-неволей вовлекали в политику каждого, в том числе и исследователей. В рамках «прикладного» подхода «политическая социология» рассматривается как социология, решающая конкретные прагматические задачи политических субъектов, а не поиск истины или открытие чего-то нового. «Социологии политики», напротив, приписывается изучение политики сквозь призму социологических теорий и концепций [Ослон, 2011]. Примечательно, что близким по смыслу англоязычным термином «*policy sociology*» М. Буравой обозначает всю прикладную отрасль социологии, под которой понимаются исследования по заказу учреждений и организаций для принятия ими «правильных» решений, а собственно политику понимает как часть общего контекста, учитываемого при исследованиях [Burawoy, 2021: VIII].

«Партисипативный» подход ставит на первое место исследователя, так или иначе вовлеченного в политику. Ж.Т. Тощенко предлагает следующее принципиальное отличие: «При формулировке “социология политики” политика для исследователя (как и для любого человека) выступает как что-то внешне от него отдельное, обособленное, во что он не включен и является лишь сторонним наблюдателем. Когда же мы употребляем понятие “политическая социология”, то здесь чрезвычайно важна позиция человека как личности, как члена социальной группы или социальной организации» [Тощенко, 2017: 23]. Здесь

речь идет не об ангажированности исследователя, а о его самоидентификации и системе ценностей, сложившихся в определенных культурно-исторических и социальных условиях, что созвучно современному эпистемологическому подходу [Микешина, 2018].

«Критический» подход подчеркивает ангажированность политической социологии в основном с государственными структурами и в меньшей степени – с общественными и неформальными. Ввиду слабости в стране гражданского общества эта ее неформальная составляющая несоизмеримо меньше и слабее, что дает основание сомневаться в наличии политической социологии в сегодняшней России вообще. Наиболее критическая и одновременно пессимистическая оценка заключается в том, что политической социологии в России не может быть в принципе по причине отсутствия политики как автономной публичной сферы [Гудков, 2011: 120].

Разные авторы определяют политическую социологию, исходя из своего понимания ее общественной роли, и как раздела социологии со всеми общими плюсами и минусами, и как особой отрасли, онтологически и гносеологически сфокусированной на политике «снизу» – со стороны общества, а не государства. В целом можно сказать, что не так важно соотношение и интерпретация родовых и видовых определений дисциплины, сколько ее референции с направленностью общественно-политического процесса и господствующей политической идеологией. История российской политической социологии – это путь от отрицания к признанию, что в полной мере нашло отражение на страницах журнала СоцИс.

Первое десятилетие: наука и/или идеология? Несмотря на то что политическая социология как рубрика в журнале изначально отсутствовала, политика в виде классовой марксистско-ленинской идеологии пронизывала большинство опубликованных материалов. В редакционной статье первого номера утверждалось: нет такого уровня социологического знания, который стоял бы вне принципа партийности, который не выполнял бы определенных и весьма важных функций в строительстве коммунизма и идеологической борьбе [Развитие..., 1974: 5]. Советская делегация на IX Всемирном социологическом конгрессе (1978 г., Упсала) констатировала: «идеология и социальные науки неотделимы друг от друга» [Красин, 1979: 66]. Сам журнал позиционировался как трибуна лучших достижений марксистско-ленинской социологической мысли в СССР.

Идеология обеспечивала движение «от идей к социальным фактам», была их понятийными рамками, «прокрустовым ложем». Такой подход стал определяющим для характеристики социологии как инструмента зондажа социальной реальности, заказчиком которого выступали центральные органы КПСС [Губа, 2015]. Классовый подход к научному анализу общественных явлений, теоретическая и методологическая строгость отождествлялись с превращением ученых в слуг политического режима [Бойков, 2008]. Считалось, что социологические исследования позволяют связать генеральные задачи партии, сформулированные в ее документах, с конкретными условиями отдельных областей, районов, городов, предприятий, колхозов и совхозов. Не случайно, многие передовицы были посвящены деятельности партийных, комсомольских, советских органов. С другой стороны, исследования вскрывали явления, не соответствующие идеалам социалистического общества, например, религиозность местного населения или низкую общественно-политическую активность рабочих, обращая на них внимание государственной пропаганды и агитации.

«Идейным стержнем» журнала выступала рубрика «Теоретические проблемы социологии». В 1970-х гг. эта рубрика в каждом номере (при четырех выпусках журнала в год) объединяла 4–5 статей по различным аспектам идеологической и пропагандистской работы. Такая практика даже критиковалась как перекося профиля журнала в сторону научного коммунизма и исторического материализма в ущерб конкретным социологическим исследованиям, однако доводы о риске впасть в «голый эмпиризм» быстро ставили точку в подобных дискуссиях [Отчет..., 1975].

В отношении буржуазной социологии журнал должен был занимать четкие партийные позиции классового, диалектико-материалистического дифференцированного подхода. Это касалось как авторов, так и ведущих социологических зарубежных изданий, которые

воспринимались как агенты «буржуазного эмпиризма». Такой подход позволял в многообразии взглядов зарубежных исследователей усматривать лишь разную степень проявления идеологического противостояния. Основным объектом для критики был методологический индивидуализм, которым руководствовались как «буржуазные» В. Парето и Т. Парсонс, так и «псевдомарксистские» Д. Белл, А. Турен, С. Липсет, Ю. Хабермас, Н. Бирнбаум. Вместе с тем подобная критика провоцировала интерес читателей к работам зарубежных социологов. Как вспоминает И.С. Кон, «...“критика” заменяла советской интеллигенции недоступные первоисточники, с нее начинали свою научную деятельность многие наиболее образованные и талантливые философы и социологи» [Кон, 1999: 116]. В дальнейшем, по мере ослабления цензуры, критика превращалась либо в разработку соответствующей проблематики, либо в изучение истории науки – наука, поистине, не знает границ!

Реакция на проявление сколько-нибудь заметной оппозиции «среди своих» была намного более резкой. Теоретические работы о развитии государства как социально-политической общности подвергались не просто критике, но осуждению в некомпетентности и уподоблении буржуазной демагогии. Речь могла идти только о политическом развитии государства, но не общества. О выявлении интересов отдельных групп, слоев, организаций, территориальных сообществ и тем более конфликта между ними не могло быть и речи, хотя это и составляет суть политики. Политика сдвигает анализ от безличностного к личному, от государства к партии, от приказа к убеждению, от правил к праву голоса, от организаций к индивидам [Александр, 2009: 3–4]. В этом смысле политической социологии в советский период действительно не было.

Публикации этого периода оставляют впечатление, что политика в советской социологии воспринималась «надпредметно», относилась к сфере идеологии. На наш взгляд, именно идеологизированность лежит в основе уже практических шагов в различении «политической социологии» и «социологии политики» [Волков, 1982; Тощенко, Бойков, 1990; Тощенко, 1994]. В СоцИсе имело место своего рода разделение рубрик и статей на «высокие» (редакционные, идеологические, теоретические, задающие общее направление) и «низкие» (прикладные, отраслевые). «Политической социологии» отводились общие теоретические вопросы, касающиеся отношений между обществом и государством, а «социологии политики» – частные, конкретные, локальные, но с позиций общегосударственной идеологии.

И все-таки социологи-профессионалы не могли не видеть социальную реальность такой, как она есть. Здесь скорее прав Б.М. Фирсов, отмечавший драму отечественной социологии – необходимость выбирать между политическими целями и императивами профессионализма [Фирсов, 2012: 150]. В конце 1970-х гг. политика как предмет социологии пока только обозначается на страницах журнала – в основном как часть дискуссии с зарубежными коллегами о соотношении социологии, идеологии и научного анализа. Но уже к середине 1980-х гг. все отчетливее проявлялось противостояние двух «социологий»: одна следовала идеологическим догматам, а другая стремилась к переоценке ценностей, пыталась развивать новые темы и исследовательские методы.

Перестройка 1985–1990-х гг. – время дискуссий. Новый период в развитии советского общества постепенно переориентировал деятельность журнала на новые темы. Во второй половине 1980-х гг. перечень рубрик инкорпорирует ключевые лозунги перестройки – «Демократизация общественной жизни», «Демократизация общества и политические процессы», «Политика, демократия, личность», «Трибуна депутата». Демократизация жизни находит отражение в статьях, посвященных рабочему самоуправлению, выборности руководителей, местному самоуправлению, общественно-политической активности граждан. Однако эти рубрики существовали всего 5 лет – с 1988 по 1992 г. и по большей части включали теоретические статьи, являвшиеся продолжением пропаганды идей, звучавших с высоких трибун.

Ключевым концептом для общественных наук теперь становился «человеческий фактор», а отказ от социальной апологетики подразумевал переход к научному, критическому освоению действительности, решению реальных теоретических и практических задач [Осипов, 1987: 18]. Методологический индивидуализм – то, за что ранее критиковали «буржуазных»

социологов, теперь активно берется на вооружение. Так, можно сказать, почти одномоментно, изменилась исследовательская парадигма. Отныне не социально-экономические структуры и организационные формы, а человек, его отношение к обществу и государству, другим людям и самому себе, его потребности и интересы, ценностные ориентации и установки определяли систему общественных отношений [Осипов, 1987: 18]. За этим сменой скрывалось очевидное противоречие, поскольку призыв к отходу от постулата «человек – продукт системы» звучал все-таки с самого высокого уровня – трибуны XXVII съезда КПСС!

Отдельной линией в журнале проходит осмысление вопросов «высокой» политики, которое началось с обсуждения плюрализма, гласности и неформальных движений. Дискуссия показала, каким непростым был еще даже не поворот, а пока только отход от прежних идеологических постулатов. «Если есть множественность позиций, то не перерастут [ли] позиции в оппозицию?» – этот вопрос стал ключевым для обсуждения на совместном заседании Агентства печати «Новости» (АПН) и редакции журнала в 1988 г. В ходе его сразу обозначились три позиции в отношении плюрализма мнений – категорическое неприятие, осторожное наблюдение и изучение, принятие как факта. Стоит выделить позицию И.В. Бестужева-Лада, что «плюрализм – это ненаказуемость инакомыслия... он был и есть» [Социалистический..., 1987: 8]. Впрочем, большинство участников указывали на преждевременность плюрализма или возможность его лишь ограниченного применения, например, в теоретических исследованиях. Что касается политического плюрализма, то вердикт был следующий: «никогда, никто, ни одна партия, ни один класс ни с кем власть делить не будут» [Социалистический..., 1987: 10].

Тем временем вклад социологических исследований в теорию оценивался как неудовлетворительный [Амелин, Дегтярев, 1997: 154]. В годы радикальных преобразований роль журнала переосмысливалась, но он пока отставал от динамики политической жизни.

1990-е: годы активного поиска. «Либеральные» 1990-е гг. – особенное время, когда оформились новые направления исследований. Существовавшие долгое время «сборные» политематические рубрики («Прикладные исследования», «Социальные реалии: вчера и сегодня») в середине 1990-х гг. уступили место отраслевым рубрикам. Их названия часто варьировались, уточнялись; сами рубрики объединялись или «разветвлялись». В 1991 г. в журнале появилась рубрика «Социология политики», а в 1995 г. – существующая и сегодня рубрика «Политическая социология». Наибольшее число публикаций в этих рубриках отмечалось именно в 1990-е гг., затем оно пошло на спад (рис. 1).

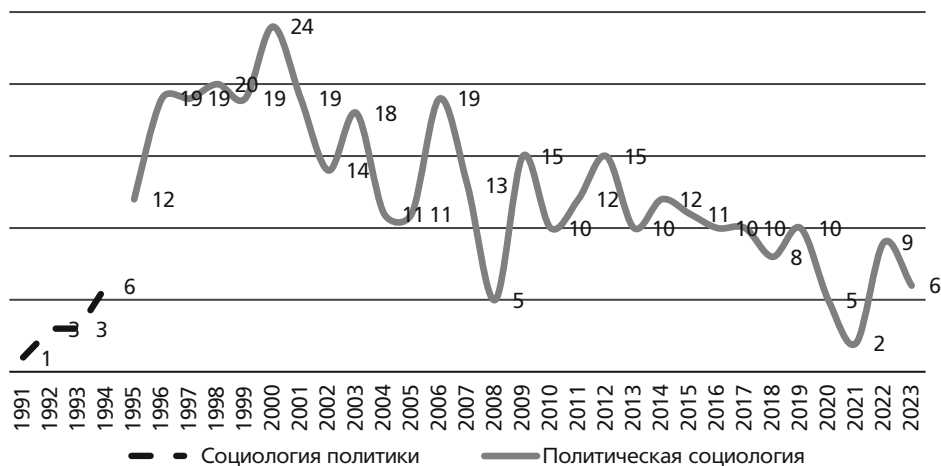

Рис. 1. Число ежегодных публикаций в социально-политических рубриках «Социологических исследований», 1991–2023 гг.

Опубликованным в журнале статьям по политической социологии нередко приписывают функции сопровождения реформ [Лисицкая, 2014]. Данное мнение выглядит не совсем корректными ни в отношении теоретических, ни в отношении прикладных исследований. Анализ тематики и содержания статей показывает, что в первой половине – середине 1990-х гг. многие исследователи оказались в ситуации неопределенности, «непонимания», «мучительного перехода к новой парадигме», «на перепутье между старым и новым». Социологическое сообщество отнюдь не стало более сплоченным. Научные дискуссии нередко сопровождались навешиванием на оппонентов «политических ярлыков». Снова и снова поднимался вопрос о роли субъективного фактора, а говорившие о его недооценке Ю.А. Левада, В.А. Ядов, С.Г. Кара-Мурза были названы «идеологами неолиберализма» [Руткевич, 1995].

Российское общество воспринималось исследователями как трудный объект для анализа. Б.А. Грушин сделал «крайне пессимистические и агностицистские» заявления, предположив, что российское общество в его нынешней [на тот момент. – *Прим. И.Т.*] форме представляет неподдающиеся измерению проблемы для социальных наук [Шляпентох, 1995]. Особенно это сказалось на проведении массовых опросов. «Стремление квалифицировать то или иное идейное состояние умов, общественно-политических движений, течений выглядит по меньшей мере тщетным занятием», – констатировал в 1994 г. Ю.Г. Волков [1994: 5]. Введение новых понятий (как, например, «политическая элита»), которые были трудно соотносимыми с традиционными представлениями, не могло дать релевантный материал для оценки текущей ситуации и прогнозов.

Исследователи отмечали, что ключевые термины «демократия» и «демократ» в России наделены противоречивыми значениями, а «отношение россиян к самому процессу демократизации путанно и нередко цинично» [Де Барделебен, Паммет, 1995]. Позднее тема практической пользы демократии получит развитие в работах В.В. Петухова (см., напр.: [Петухов, 2012]). Ряд социологов увидит в отходе от демократии более глубокую причину – сознательное поведение новой элиты, которая эксплуатировала ценности демократии, справедливости, свободы, человеческих прав ради реализации своих узких корпоративных интересов [Дмитриев и др., 1996]. Такая «мимикрия» элиты, и не только политической, еще больше отворачивала россиян от демократии, ценности которой превращались в «негативные символы», «попытку нового мифотворчества».

Увлеченные пафосом строительства нового общества социологи совершенно упускали из виду изучение социальных предпосылок демократии. Между тем к этому времени уже были доступны взгляды ведущих социологов по данной проблеме. М. Фуко отмечал, что демократия может существовать лишь в той мере, в какой – на уровне индивидов, семей, повседневной жизни, правительственных отношений, если угодно, – складывается определенный тип отношений власти, и именно поэтому демократия не может взрасти где угодно [Фуко, 2006: 211]. Отсутствие предпосылочного знания и понимания демократии, закрепленных в повседневных отношениях и оценках общественной жизни, привело к отторжению демократических идей. Как итог, темы демократии и демократизации в СоцИсе быстро сошли на нет, оставшись скорее нормативным ориентиром в исследованиях общественных настроений. Кроме того, тему демократии подхватил новый, ставший издаваться с 1991 г., журнал ПОЛИС («Политические исследования»): в пересекающемся наборе ключевых слов в публикациях обоих журналов в ПОЛИСе наиболее часто встречается «демократия», а в СоцИсе – «гражданское общество».

Стоит отдать должное СоцИсу, который всегда поддерживал дискуссионный формат размещения статей – в рамках одного номера или в подряд издающихся номерах. Отдельные вопросы привлекали внимание редакции и авторов на протяжении многих лет, и проблема концептуализации понятия «гражданское общество» стала одной из них. Н.Ю. Беляева одной из первых отметила изменения в подходах: от попытки связать его с концепцией социалистического плюрализма до чрезвычайной политизации и противопоставления государству [Беляева, 1995: 110]. В статье Ю.М. Резника [1994] природа

гражданского общества раскрывалась с точки зрения эволюции целостной общественной системы, критике подверглись представления о его независимости и оппозиции государству. Примечательно, что этот вопрос еще не раз будет обсуждаться на страницах журнала в 2000-х гг., но уже в новых общественно-политических условиях.

В 1990-е гг. распространение получили электоральные исследования (В.С. Комаровский, О.М. Грабарь, В.Н. Зыбцев, А.Н. Саунин). Особый интерес вызывали проблемы методологии проведения опросов (Ю.А. Левада А.А. Ослон, Е.С. Петренко, В.Э. Шляпентох), социальные предвыборные технологии (А.Н. Колесников, Д.А. Левчик), региональный избирательный процесс (С.Г. Зырянов, А.С. Корецкий, Ю.Е. Растов). Выборы федерального парламента и референдум по новой Конституции страны 1993 г., деятельность более полутора тысяч общественных, политических и религиозных организаций, включая 64 политические партии, создавали совершенно новую политическую ситуацию. Ее изучение способствовало обособлению области знания, где идеологические позиции становились предметом, а не методом анализа. Социолог И.В. Задорин и вовсе считает, что именно из электоральных исследований выросла эмпирическая политическая социология [Задорин, 2011].

В середине 1990-х гг. в журнале был дан старт таким темам, как политический процесс (В.К. Левашов), политическая элита (Р.В. Рывкина), политические ориентации (В.Э. Бойков, Д.П. Гавра, В.С. Мокрый, Н.В. Соколов, Д.Б. Цыганков), политическое сознание (Ж.Т. Тощенко), политическое поведение (Д.А. Левчик, Э.Г. Левчик, Г.И. Осадчая), гражданское общество (Н.Ю. Беляева, О.Н. Яницкий), политическая культура (В.Н. Иванов, В.Ф. Шаповалов, А.И. Зимин). В конце 1990-х гг. происходит разветвление и появление новых тем: власть и бюрократия (В.Э. Бойков, Г.П. Зинченко, В.П. Макаренко, Н.В. Романовский, В.Г. Смольков), политическая конфликтология (А.В. Глухова, А.В. Дмитриев, А.В. Кинсбургский, Л.И. Никовская, Е.И. Степанов, Л.Н. Тимофеева, Д.М. Фельдман, А.Н. Чумиков), политический маркетинг (В.П. Дубницкая, И.Л. Недяк, М.И. Тарарухина), региональный политический процесс (Ф.Х. Мухаметшин, В.Г. Немировский, Ю.Р. Хайруллина).

Параллельно политическая социология отмежевывается от политологии. Политология сосредотачивается на проблемах политической жизни «сверху», со стороны политических институтов, в то время как политическая социология идет «снизу», от человека и от общества с его социальной стратификацией, доминирующими типами личности, социально-экономическими обстоятельствами формирования массового и индивидуального политического сознания [Бойков, 2008]. В конце 1990-х гг. на страницах журнала констатируется обретение политической социологией статуса самостоятельного направления.

Таким образом, в 1990-х гг. можно видеть, как реальность вырывалась «из-под опеки» идеологии, несмотря на стремление сохранить влияние последней. Прежние идеологические конструкции пытались адаптировать новые концепты, которые не были до конца осмыслены и которые, в свою очередь, не могли описать множасьщиеся противоречия, расколы и конфликты в обществе.

2000-е – начало 2010-х гг.: осмысление предыдущего этапа. Вступление в новый век ознаменовалось подведением общих итогов предыдущего «либерального» десятилетия и осмыслением произошедших трансформаций. Масштаб, динамика и радикальный характер перемен затрудняли анализ и прогнозирование. В профессиональной среде росла неудовлетворенность как теоретическим уровнем исследований [Сорокин, 2017; Кара-Мурза, 2016], так и ролью социологии в общественном развитии [Горшков, 2011]. На страницах журнала стали чаще появляться статьи обобщающего характера, в которых периодизация как метод позволяла выявить и сопоставить тенденции, и по смежным тематикам, которые открывали новые грани социополитической реальности.

Проблемы развития гражданского общества в России по-прежнему оставались в фокусе внимания редакции и авторов журнала. В публикациях прослеживаются два основных нарратива – «неготовность» и «отставание». Примером первого можно назвать статьи

С.Г. Кирдиной-Чэндлер и С.А. Басова, опубликованные в 2012 г. С.Г. Кирдина-Чэндлер обосновывала, что особенности и перспективы развития гражданского общества определяются матрицей доминирующих институтов. По ее мнению, термин «гражданское общество» должен быть исключен из научного дискурса в силу его неопределенности по отношению к России и заменен термином «гражданское участие», который означал бы промежуточный этап усвоения необходимого опыта и знания [Кирдина, 2012: 69].

Той же логике следует С.А. Басов, который предлагал разделить социальную реальность, воплощенную в форме гражданских отношений, и определенную совокупность ценностей, т.е. социальные явления и идеи, взаимодействия и добродетели, сущее и должное [Басов, 2012]. Констатируя, что в современных исследованиях гражданского общества оценочные суждения преобладают над анализом того, как объективно устроено и функционирует гражданское общество, автор призывал отказаться от идеализированной модели «хорошего» общества «моральных» и «ответственных» граждан, а исследовать относительно самостоятельные гражданские отношения между людьми, направленные на интеграцию общества как органичного целого, его самоорганизацию [там же: 81].

Примером нарратива об отставании развития гражданского общества в России являются работы В.В. Петухова, который находил параллели в условиях развития гражданского общества в России и в развитых демократиях: экономический кризис 2008–2009 гг., рост численности и эмансипация российского среднего класса, кризис партийной системы. По мнению этого исследователя, в России в 2000-е гг. имело место сочетание двух тенденций: 1) структурирование гражданского общества как совокупности независимых от государства акторов и каналов коммуникаций; 2) постепенное дистанцирование гражданского общества от публичной политики. Это значит, что развитие гражданского общества в России шло так же, как и в развитых европейских странах, но с опозданием примерно на 20 лет [Петухов, 2012].

Если говорить об отдельных направлениях политической социологии, то на страницах журнала продолжали публиковаться статьи по электоральной социологии, политической регионалистике, политической элитологии. Заметно вырос интерес авторов к проблемам гражданского общества, гражданской активности (Н.М. Великая, Е.В. Грунт, Е.Н. Заборова, А.М. Кацва, С.Г. Климова, С.А. Магарил, Л.И. Никовская, И.А. Халий, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, А.В. Семенов, М.С. Цапко), политического сознания и поведения (О.В. Бабайцев, Е.И. Башкирова, И.В. Грошев, Л.Е. Душицкий, В.А. Иванова, Г.И. Козырев, Н.В. Лайдинен, Н.А. Нартова, В.О. Рукавишников, С.А. Чориев) – можно сказать, эти темы стали ведущими.

Совершенно новые направления представляли собой исследования политического насилия и терроризма (Г.К. Варданянц, В.Н. Иванов, Ф.Н. Ильясов, Э.Н. Ожиганов, А.Д. Толмач), политических технологий (Г.А. Борщевский, Е.Н. Давыборец, О.А. Игнатьева, Ю.В. Ирхин, Г.А. Малышева, О.М. Михайленок, Л.В. Сморгун), политического консультирования и моделирования (Г.И. Марченко, А.П. Михайлов). Вместе с тем сократилось число работ по проблемам федерализма и местного самоуправления, деятельности политических партий, политической культуры. Все это связано с изменениями в политическом ландшафте страны, приоритетах государства, общественных настроениях.

2014–2024 гг.: новая повестка – новые вызовы. Ключевыми событиями в жизни страны за последнее десятилетие стали воссоединение Крыма с Россией и проведение специальной военной операции на Украине, которые сильно повлияли на настроения в обществе. Диапазон их оценок – широк, выводы исследователей – зачастую противоречивы. При этом заметно, насколько различны аналитические подходы в двух социологиях – «формальной» и «неформальной» (если воспользоваться определениями В. Воронкова и Е. Здравомыслова). Для первой характерны поиски в теоретических рамках социологии войны, кризисной повседневности, культурной травмы, патриотической мобилизации. Вторая оперирует терминами «нормализация насилия», «милитаризация общества», «имперский синдром», «ресентимент», «эффект сплочения (*rally 'round the flag effect*)». Есть и то,

Рис. 2. Распределение публикаций в «Социологических исследованиях» 2000–2020-х гг. по политической социологии и смежным тематикам

что их объединяет – это принятие сегодняшней ситуации как результата взаимовлияния внешних и внутренних факторов. Отсюда «призывы» к метатеоретизированию, кросскультурным исследованиям, сочетанию макро- и микроизмерений, определению социальных смыслов – «скрытых», «сложных», «гибридных».

В то же время имеет место не просто уточнение отдельных концептов, как в предыдущий период, но и отказ от некоторых теорий как неприменимых к российским реалиям. Глобализация парадоксальным образом дала возможность на практике апробировать ведущие теории и одновременно убедиться, что современная социальная наука отнюдь не универсальна и объективна. Интерпретация российской реальности в концептах западного социологического мейнстрима столкнулась с иным мировоззрением, иными отношениями и ожиданиями, иным пониманием истории и текущих событий.

Происходящие в обществе изменения и общий настрой в социальных науках не могли не сказаться на отражении развития политической социологии в журнале. При сохраняющейся устойчивости тематической структуры журнала [Ядова, 2021: 289] в количественном и содержательном наполнении рубрик произошли определенные изменения (рис. 2).

Практически сошли на нет публикации по проблемам демократии, политической регионалистике, электоральной социологии, лидерству и конкуренции в политике, политическому насилию. Напротив, выросло число работ по проблемам международной и внешней политики. В целом авторы стали чаще затрагивать геополитические сюжеты в разных контекстах, а исследование «мягкой силы» стало трендом. Политические конфликты и протесты в публикациях получали исключительно региональную (Хабаровск, Хакасия) или зарубежную «прописку»

(Армения, Беларусь, Казахстан, страны Юго-Восточной Азии). Уровень политического сознания и гражданского активизма тестируется в основном на локальных молодежных группах (Вологодская область, Санкт-Петербург, Саратов).

Гражданское общество как ключевая тема политической социологии сохраняет свою актуальность, но речь уже идет не об отставании или проживании промежуточного (подготовительного) этапа, а об отступлении, шаге назад. Авторы констатируют, что хотя консервативная, традиционалистская, патриотическая повестка дня воспринимается отдельными слоями общества по-разному [Халий, 2017], в целом она ведет к снижению гражданской компетентности и еще большему отказу граждан от участия в политике и общественной жизни [Гаврилюк и др., 2016]. Сокращение социальной базы гражданского активизма, безусловно, повышает его значимость, но вряд ли дает повод для оптимизма в плане создания новых форм и практик политического представительства [Петухов, 2019]. Авторы как бы снова возвращают читателя к «невыученным урокам» начала 1990-х гг., подчеркивая, что поле политики в российских условиях должно прорасти в первую очередь «снизу», путем взаимодействия рефлексирующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций, соотносенных с целями всего общества [Недяк и др., 2020: 51].

Политическая социология оказалась внутренне противоречивой, как и изучаемая ею реальность, что не могло не сказаться на уровне научных дискуссий и презентации результатов исследований [Баскакова, 2013]. Понятия, содержание которых расходилось с объективной реальностью, становились новыми идеологемами. Эпистемологический опыт зачастую допускал слишком много моральных оценок, исторических обобщений, ссылок на традиции и просто отсылку к здравому смыслу, чтобы выработать рациональные представления о политике как предмете исследования, достаточные и необходимые в том числе для принятия политических и управленческих решений.

Заключение. Особенность политической социологии заключается в ее «двойной» междисциплинарности – предметной (государство и общество) и теоретико-методологической (социология и политология). Политика как динамично меняющаяся сфера жизни, со свойственной ей латентными процессами, непубличными дискуссиями и интенциями участников, добавляет к этому дополнительное измерение. Отсюда – трудности построения, обоснования и практического применения теоретических моделей. На примере феномена и понятия гражданского общества мы видим различие и взаимосвязь онтологии и эпистемологии политики. Концепты, идеологемы, референции, дискурсы, нарративы – все это в совокупности образует промежуточный (когнитивный) уровень, где взаимодействуют субъект и объект познания. Объективная реальность «начинает “растворяться” в ценностно-исторических системах координат, а эпистемология конструирует новую реальность, которая приобретает онтологические основания» [Ключарев, 2022: 12].

Развитие политической социологии на страницах СоцИса – это история взаимоотношений государства и общества, опосредованная коллективным научным поиском. Заслуга журнала заключается в поддержании постоянной дискуссии в репрезентации актуальных проблем. Знание о сложной и динамичной социополитической реальности формировалось посредством взаимодействия редакции, авторов, рецензентов, читателей, а также в их лице опосредовано – российских и зарубежных институтов и исследовательских организаций. В таком контексте журнал можно рассматривать как пример коммуникативной рациональности, которая помогала преодолевать идеологические догматы советского периода, увлечение лозунгами перестройки, растерянность начала 1990-х, новые мифы и идеологемы XXI в.

Сегодня политическая социология должна сформулировать новые задачи. Этап осмысления прошедших реформ и причин дедемократизации общества, с точки зрения получения значимых научных результатов, в целом завершен. Более важным становится изучать теорию и практики гражданского участия и гражданской солидарности независимо от их масштаба и сферы проявления. В современных условиях возрастает роль и ответственность социолога как профессионала и гражданина, а вместе с этим – роль журнала как уникальной площадки для формирования современной эпистемы политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 3–17.
- Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики в России: становление и современное состояние // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 1. С. 129–162.
- Баскакова Ю.М. О некоторых особенностях публикаций в российских политологических и социологических научных изданиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 153–162.
- Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74–82.
- Беляева Н.Ю. Гражданские ассоциации и государство // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 109–114.
- Бойков В.Э. Генезис идей политической социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 95–100.
- Волков Е.Ю. Социология политики как отрасль социологической науки // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 42–50.
- Волков Ю.Г. Идеологическое затмение // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 3–9.
- Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.
- Горшков М.К. Российская социология: между обществом и властью (Неюбилейные заметки в связи с юбилеем) // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 19–22.
- Горшков М.К., Тощенко Ж.Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х – 2010-е гг.) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016.
- Губа К.С. Издавая «СоцИс», или Проблема легитимности в советской социологии // Экономическая социология. 2015. № 5. С. 20–45.
- Гудков Л.Д. Политическая социология будет развиваться по мере расширения пространства политики и участия в ней / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 116–139.
- Де Барделебен Дж., Паммет Дж.Х. Отношение россиян к референдумам // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 11–26.
- Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 г.: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 6–23.
- Задорин И.В. Эмпирическая политическая социология в России выросла из электоральных исследований / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 140–159.
- Заславская Т.И. Роль социологии в ускорении развития советского общества // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 3–15.
- Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 26–34.
- Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.
- Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6.
- Кон И.С. Эпоху не выбирают // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999. С. 110–131.
- Красин Ю.А. Политические аспекты социологии // Социологические исследования. 1979. № 1. С. 64–71.
- Лисицкая Е.Ю. Опыт сравнения социологического теоретизирования в российских и зарубежных научных журналах // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 130–138.
- Микешина Л.А. Социология и эпистемология: необходимость взаимодействия // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250002153-1.
- Недяк И.Л., Павлова Т.В. и др. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42–53. DOI: 10.31857/S013216250008323-8.
- Осипов Г.В. Человеческий фактор ускорения (к вопросу о разработке социологической концепции) // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 11–18.
- Ослон А.А. Политическая социология – часть политики, социология политики – часть социологии / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 160–178.
- Отчет о журнале «Социологические исследования» на Бюро Отделения философии и права АН СССР // Социологические исследования. 1975. № 3. С. 224–226.

- Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60.
- Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
- Политическая социология: учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.
- Резник Ю.М. Формирование институтов гражданского общества // Социологические исследования // 1994. № 10. С. 21–29.
- Руткевич М.Н. О роли субъективного фактора в современной России // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 31–38.
- Сорокин П.С. Российская социологическая традиция в международном научном дискурсе: особенности, проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 121–122.
- Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 48–55.
- Социалистический плюрализм (обсуждение «за круглым столом» АПН и редакции «Социологических исследований») // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 6–24.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция идей политической социологии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 14–24.
- Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э. Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 22–29.
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980 год. Очерки: уч. пос. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЕУ в СПб., 2012.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.
- Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.
- Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993 в России г. (критический анализ) // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 3–10.
- Ядова М.А. Актуальная политическая повестка российских социологических журналов // Политическая наука. 2021. № 4. С. 287–309. DOI: 10.31249/poln/2021.04.13.
- Burawoy M. Public Sociology. Between Utopia and Anti-Utopia. Cambridge: Polity Press, 2021.
- Sartori G. From the Sociology of Politics to Political Sociology // Government and Opposition. 1969. Vol. 4. № 2. P. 195–214. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1969.tb00173.
- Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging Political Sociology in Russia and Russian Transformation // Current Sociology. 1996. Vol. 44. № 3. P. 40–52.

Статья поступила: 23.04.24. Финальная версия: 30.06.24. Принята к публикации: 25.07.24.

POLITICS IN THE JOURNAL "SOTSIOLOGICHESKIYE ISSLEDOVANIYA": BETWEEN IDEOLOGY AND EPISTEME

TROFIMOVA I.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina N. Trofimova, Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (itnmv@mail.ru).

Abstract. Each historical era is characterized by its own "episteme" – a general system of thinking and scientific theorizing. The episteme of politics in Russian sociology was formed in conditions of confrontation between ideology and scientific analysis, state patronage and academic freedom. The main stages are highlighted: 1) the first decade 1974–1984; 2) Perestroika 1985–1990; 3) 1990s; 4) 2000s. The journal «Sotsiologicheskiye issledovaniya» is considered as a specific form of representation of professional knowledge and ways of knowing, determined by the current level of development of the discipline and the concept of the journal itself. The increasing complexity of the thematic structure, transdisciplinary approach, and the project-based and discussion-based nature of publications help overcome the epistemological uncertainty of politics.

Keywords: political sociology, ideology, episteme, journal «Sotsiologicheskiye issledovaniya», scientific publications, thematic structure.

REFERENCES

- Alexander J. (2009) Power, politics and the civil sphere. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–17. (In Russ.)
- Amelin V.N., Degtyarev A.A. (1997) Sociology of politics in Russia: formation and current state. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 6. No. 1: 129–162. (In Russ.)
- Baskakova Yu.M. (2013) On peculiarities of Russian political science and sociology scientific publications. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 153–162. (In Russ.)
- Basov S.A. (2012) Civil society and civil relations: the search for meaning. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 74–82. (In Russ.)
- Belyaeva N. Yu. (1995) Civil associations and the state. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 109–114. (In Russ.)
- Boykov V.E. (2008) Genesis of ideas in political sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 95–100. (In Russ.)
- Burawoy M. (2021) *Public Sociology. Between Utopia and Anti-Utopia*. Cambridge: Polity Press.
- De Bardeleben J., Pammett J.H. (1995) Attitude of Russians to referendums. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 11–26. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Stepanov E.I., Chumikov A.N. (1996) Russian society in 1995: conflictological examination (first half of the year). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–23. (In Russ.)
- Firsov B.M. (2012) *History of Soviet sociology: 1950–1980. Essays: textbook*. 2nd ed., rev. and additional. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Foucault M. (2006) *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*. P. 3. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Gavrilyuk V.V., Malenkov V.V., Gavrilyuk T.V. (2016) Modern models of Russian civic consciousness. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 97–106. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2011) Russian sociology: between society and power (Non-anniversary notes in connection with the anniversary). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 19–22. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Toshchenko Zh.T. (2018) Main milestones in the development of domestic sociology (late 1950s – 2010s). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016. (In Russ.)
- Guba K.S. (2015) Publishing “Sotsis”, or the Problem of Legitimacy in Soviet Sociology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. No. 5: 20–45. (In Russ.)
- Gudkov L.D. (2011) Political sociology will develop as the space of politics and participation in it expands. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 116–139. (In Russ.)
- Has civil society taken place in Russia (“round table”). (2007) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 48–55. (In Russ.)
- Kara-Murza S.G. (2016) ISPI RAS responds to the challenges of the time. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 26–34. (In Russ.)
- Khaliy I.A. (2017) Patriotism in the Russia: typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–74. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2012) Civil society: moving away from ideologeme. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 63–73. (In Russ.)
- Kliucharev G.A. (2022) Ontological issues in sociological interpretation: towards posing the question. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6. (In Russ.)
- Kon I.S. (1999) You can’t choose an era. In: *Russian sociology of the sixties in memoirs and documents*. St. Petersburg: RHGI: 110–131. (In Russ.)
- Krasin Yu.A. (1979) Political aspects of sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 64–71. (In Russ.)
- Lisitskaya E. Yu. (2014) Experience of comparison of sociological theorizing in Russian and foreign scientific journals. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 130–138. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2018) Sociology and epistemology: the need for interaction. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250002153-1. (In Russ.)
- Nedyak I.L., Pavlova T.V. et al. (2020) Political field and zone of power: ideal type varieties and an empirical verification. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 42–53. DOI: 10.31857/S013216250008323-8. (In Russ.)
- Osipov G.V. (1987) The human factor of acceleration (on the issue of developing a sociological concept). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 11–18. (In Russ.)

- Oslo A.A. (2011) Political sociology is part of politics, sociology of politics is part of sociology. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 160–178. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2012) Civil participation in the context of political modernization of Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 48–60. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2019) Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/5013216250007743-0. (In Russ.)
- Political sociology: textbook*. (2017) Ed. by Zh.T. Toshchenko. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Report on the journal “Sociological Research” at the Bureau of the Department of Philosophy and Law of the USSR Academy of Sciences (1975) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 224–226. (In Russ.)
- Reznik Yu.M. (1994) Formation of institutions of civil society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–29. (In Russ.)
- Rutkevich M.N. (1995) On the role of the subjective factor in modern Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 31–38. (In Russ.)
- Sartori G. (1969) From the Sociology of Politics to Political Sociology. *Government and Opposition*. Vol. 4. No. 2: 195–214. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1969.tb00173.
- Shlapentokh V.E. (1995) Pre-election polls of 1993 in Russia (critical analysis). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–10. (In Russ.)
- Socialist pluralism (round table discussion of the APN and the editors of Sociological Research) (1988) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 6–24. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2017) Russian sociological tradition in international scientific discourse: features, problems and prospects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 121–122. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1994) Evolution of ideas in political sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 14–24. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E. (1990) Political sociology: state, problems, prospects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 22–29. (In Russ.)
- Volkov Yu.E. (1982) Sociology of politics as a branch of sociological science. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 42–50. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (1994) Ideological eclipse. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–9. (In Russ.)
- Voronkov V., Zdravomyslova E. (1996) Emerging Political Sociology in Russia and Russian Transformation. *Current Sociology*. Vol. 44. No. 3: 40–52.
- Yadova M.A. (2021) Current political agenda of Russian sociological journals. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 4: 287–309. DOI: 10.31249/poln/2021.04.13. (In Russ.)
- Zadorin I.V. (2011) Empirical political sociology in Russia grew out of electoral studies. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 140–159. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (1987) The role of sociology in accelerating the development of Soviet society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–15. (In Russ.)

Received: 23.04.24. Final version: 30.06.24. Accepted: 25.07.24.

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИСЕ (2014–2023)

КАРЛОВА Екатерина Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Воронеж, Россия (ekaterina-n-karlova@yandex.ru).

Аннотация. Представлен анализ состояния и перспектив развития российской военной социологии, нашедших отражение в публикациях журнала «Социологические исследования» 2014–2023 гг. Статья является логическим продолжением ранее проведенного И.В. Образцовым анализа институционализации отечественной военной социологии в 1974–2013 гг. Таким образом, подведены итоги 50-летней деятельности «Социологических исследований» по поддержке и развитию военной социологии в России. На основе тематического контент-анализа публикаций и анализа количественно-качественных характеристик авторского состава сделаны выводы о снижении количества исследований проблем армии в последний десятилетний период, а также о росте числа материалов по исторической проблематике и перспективах формировании социологии войны как новой области междисциплинарного знания. Авторский состав публикаций трансформируется в направлении расширения регионального и международного разнообразия, снижения числа авторов, представляющих военное ведомство. Отмечаются такие проблемные вопросы развития военной социологии, как закрытый характер результатов исследований в войсках и сужение традиционной военно-социологической проблематики. Потенциал социологии в изучении войн и вооруженных конфликтов пока остается нереализованным, находя выражение в освещении в основном периферийных тем.

Ключевые слова: военная социология • журнал «Социологические исследования» • социология армии • социология войны

DOI: 10.31857/S0132162524070097

Контекст развития российской военной социологии. Настоящее исследование продолжает работу профессора И.В. Образцова по выявлению тенденций институционализации военной социологии, проведенную на основе анализа публикаций журнала «Социологические исследования» (СоцИс) в 1974–2013 гг. [Образцов, 2014а; 2014б]. Полувековой юбилей журнала, флагмана российской социологии, – повод для дальнейшего анализа эволюции военной социологии как научной субдисциплины. Тренды ее развития определяются рядом объективных факторов, которые оказывают определенное влияние на тематику и авторский состав научных публикаций в СоцИс.

Во-первых, анализируемое десятилетие (2014–2023) оказалось наполнено военно-политическими событиями, на практике воплотившими теоретические концепции «новых» [Scott et al., 2022] и «гибридных» войн [Hoffman, 2007; Libiseller, 2023]. Характерное для них сочетание военных и невоенных методов противоборства с привлечением разных акторов и использованием всех возможных средств деструктивного воздействия на экономическую, политическую и информационную сферы общественной жизни [Сержантов и др., 2021] проявились уже в ходе начавшегося в 2014 г. вооруженного конфликта на Донбассе, переросшего в 2022 г. в специальную военную операцию (СВО), а также в эскалации в 2023 г. палестино-израильского конфликта. Данные обстоятельства существенно меняют социальные характеристики и функции главного объекта военной социологии – вооруженных сил, актуализируют изучение их функционирования в новых условиях.

Во-вторых, в современной науке признанным трендом является рост исследований сложных социальных явлений на междисциплинарном уровне [Кирдина-Чэндлер, 2020]. Война и вооруженные силы, несомненно, относятся к таковым и требуют изучения методами как военных наук, так и широкого круга социальных и гуманитарных дисциплин, о чем свидетельствует и зарубежный опыт. Так, например, 2/3 статей ведущего американского журнала по военной социологии «Вооруженные силы и общество» (Armed Forces & Society) носят междисциплинарный и интернациональный характер [Sookermary et al., 2017: 432]. В условиях продолжения СВО на Украине можно прогнозировать дальнейшее увеличение числа междисциплинарных исследований, посвященных влиянию военного конфликта на социальные институты, отношения и процессы российского общества.

В-третьих, продолжает снижаться потенциал ведомственной модели развития военной социологии, функционирующей исключительно в научных и образовательных организациях Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ) [Образцов, 2019]. Монопольное право на проведение исследований в Вооруженных Сил РФ (ВС РФ) специализированными ведомственными научно-исследовательскими подразделениями¹ значительно сокращают возможности для изучения широкого круга социальных проблем ВС РФ. Кроме того, в период СВО значительная часть вопросов функционирования военной организации отнесена к служебной тайне в области обороны, что делает работу военных социологов еще более закрытой для научного сообщества. Определенное развитие ведомственного сегмента данной научной отрасли происходит за счет функционирования на базе Военного университета МО РФ системы подготовки кадров высшей научной квалификации и диссертационного совета по социологическим наукам.

В рамках данной статьи предпринята попытка дать оценку состоянию и перспективам развития отечественной военной социологии на основе результатов тематического контент-анализа публикаций журнала СоцИс за 2014–2023 гг. и анализа количественно-качественных характеристик авторского состава.

Исходные данные и методология анализа. На начальном этапе исследования были пересмотрены критерии отбора публикаций для анализа и их тематическое распределение.

Тематический рубрикатор в обзоре за 1974–2013 гг. включал материалы, сфокусированные на проблемах вооруженных сил, военно-гражданских отношений, историческом опыте и памяти о войне [Образцов, 2014а; 2014b]. Такое фактическое отождествление военной социологии с социологией армии (социологией военной организации / вооруженных сил) было характерно для российской науки 1990–2000-х гг., до сих пор данный подход встречается в ряде современных отечественных [Военная социология, 2018] и зарубежных работ [Handbook of the Sociology, 2018].

Ирландский социолог С. Малешевич подчеркивает, что, даже в Европе и США, несмотря на существование специализированных ассоциаций и журналов, посвященных военной социологии, они в основном сосредоточены на изучении военно-гражданских отношений и редко занимаются изучением войны как социологического феномена, не сводимого к военной деятельности [Malešević, 2010]. Вместе с тем в последних определениях термина «военная социология», в ее предметную область включается война как социальное явление, социальные причины и последствия войн и вооруженных конфликтов². Социологической интерпретации войны уделяется несколько глав в американском учебнике по военной социологии [Scott et al., 2022], а в монографии международной группы авторов социологический анализ современных войн используется для понимания новых требований к вооруженным силам [Military Mission, 2020].

¹ С сентября 2002 г. – Научно-исследовательский (социологический) центр ВС РФ; с сентября 2020 г. – Центр социологического и психологического мониторинга МО РФ.

² Образцов И.В. Военная социология // Портал. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/voennaia-sotsiologija-00aa9b> (дата обращения: 06.03.2024).

Поэтому в настоящем исследовании анализируются статьи как по социологии армии, так и по социологии войны. Для выявления трендов в более широкой исторической ретроспективе (1974–2023), соответствующие данные за период 1974–2013 гг. [Образцов, 2014b: 17] были перераспределены по четырем укрупненным рубрикам.

Для анализа отобрано 73 материала, опубликованных в журнале «Социологические исследования» в 2014–2023 гг. Из них 13 статей не относятся напрямую к военной социологии, но описывают современную «гибридную социально-политическую реальность, противоречиво соединяющую «правила игры» мирного и военного времени» [Левашов, Новоженина, 2022: 139]. Они включают материалы по политической предыстории СВО, национальной консолидации и росту военного патриотизма в России после «Крымского кризиса», образу России в общественном мнении зарубежных государств.

Для проведения количественного анализа каждая публикация кодировалась по переменным: тематика, число цитирований в РИНЦ, наличие данных эмпирического исследования, пол авторов, их принадлежность к вооруженным силам (продолжительный военный опыт службы и/или аффилиация с военной организацией), их научная квалификация, тип аффилированного учреждения (НИО или вуз) и их локация (страна, город).

Структурные изменения потока публикаций. Анализ динамики публикационной активности показал значительное снижение количества исследований в тематической рубрике «Социология армии» за последние 20 лет (рис.). Это свидетельствует о глубоком кризисе в данной области социологического знания.

За последние десять лет опубликовано всего 9 статей в узком тематическом диапазоне: военное образование и наука [Передняя, 2014; Абрамов, 2015; Карлова, 2016; 2021], культура и религия в армии [Суркова, 2015; Веремчук, Крутилин, 2016], доверие в военной организации [Барановский, 2019], ретроспективный анализ военных потерь [Сущий, 2019], а также одна рецензия на книгу [Шишкина, 2014].

В то же время значительно выросло число материалов по исторической проблематике за счет публикации как архивных материалов, так и анализа исторического опыта эмпирических исследований проблем войны и армии. Авторы журнала последовательно уделяли значительное внимание Великой Отечественной войне: в 1974–2003 гг. материалы по данной теме составляли 5%, в 2004–2013 гг. – 23%, в 2014–2023 гг. – 18%. Это свидетельствует

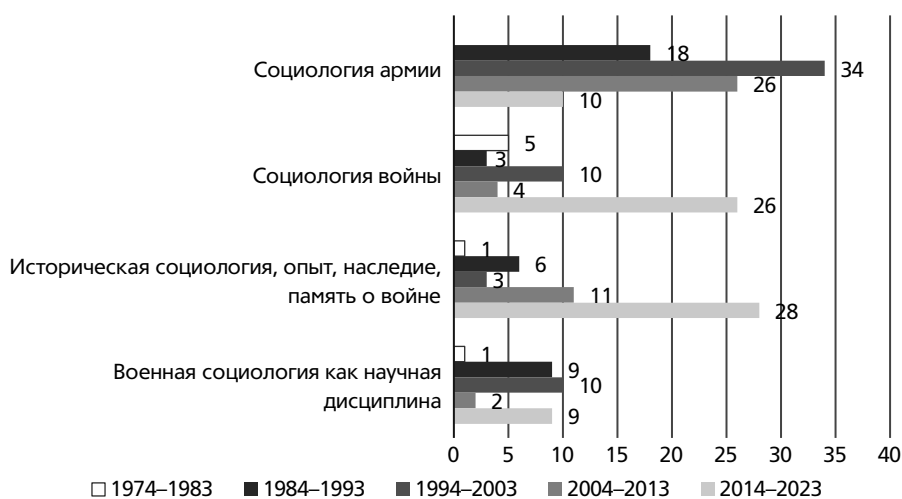

Рис. Динамика распределения публикаций в «Социологических исследованиях» по тематическим рубрикам военной социологии (количество публикаций в 1974–2023 гг.)

Таблица

**Количественные показатели публикаций по военной социологии
и их авторского состава (2014–2023 гг.)**

Тематика публикаций	Количество материалов	Среднее число цитирований РИНЦ / медиана	Наличие исследования	Количество авторов (чел.), из них:	профессиональные военные (чел.)	мужчины (чел.)	доктора наук, академики (чел.)	кандидаты наук (чел.)
Социология армии	10	10,8 / 7	8	9	4	6	4	5
Военная социология как научная дисциплина	9	5,1 / 4	0	6	4	4	4	2
Историческая социология, опыт, наследие, память о войне, в том числе:	28	5,9 / 3	20	27	6	24	9	10
память о Великой Отечественной войне	13	10,5 / 6	9	18	2	15	9	7
опыт социологических исследований	15	2 / 1	11	9	4	8	2	1
Социология войны, в том числе:	26	7,9 / 4	14	30	2	25	16	11
социология и философия войны: концепции, теории	7	9,4 / 9	0	6	2	6	6	0
конфликт на Украине	12	5,7 / 5	11	14	0	12	8	4
социальные последствия войны	2	3,5 / 3,5	1	3	0	2	0	3
военный патриотизм, образ России как военной державы	4	25,3 / 4,5	2	6	0	5	1	4
информационные войны	1	15,0 / 15	0	1	0	0	1	0
Всего	73	7,9 / 4	42	66	12	55	30	26

об актуальности сохранения исторической памяти как базиса национальной идентичности и источника консолидации российской нации.

Объем тематической рубрики «Социология войны» существенно увеличился за счет включения в нее статей, отражающих динамику конфликта на Украине и различные грани гибридной войны. За последние 40 лет относительно стабильным остается лишь объем материалов, посвященных разработке теоретико-методологических основ военной социологии как отрасли социологической науки.

В таблице представлены количественные характеристики опубликованных материалов по военной социологии в 2014–2023 гг.

Следует отметить, что публикации по военной социологии не относятся к числу популярных, они интересны относительно узкому кругу читателей: среднее число цитирований статей по военной социологии в РИНЦ ниже, чем в целом по журналу (7,9 против 19,6). Наибольший читательский интерес вызывают публикации по социологии армии, коммеморациям Великой Отечественной войны и теоретическим основам изучения войн – именно эти темы набрали наибольшее число цитирований.

По сравнению с предыдущим 40-летним периодом произошли коренные изменения в составе авторов публикаций. Если в 1974–2013 гг. более 70% авторов составляли бывшие и действующие кадровые военнослужащие, то в последнее десятилетие всего 18% авторов имели продолжительный опыт военной службы или работы в военных организациях. Авторский состав публикаций по социологии войны и исторической памяти

о Великой Отечественной войне почти полностью представлен учеными, не имеющими отношения к вооруженным силам. С ростом доли гражданских исследователей военной тематики можно было ожидать значительного роста представленности авторов-женщин. Однако в области военных исследований по-прежнему доминируют мужчины – 83,3%, хотя в общем авторском составе журнала мужчины составляют 44%. Демаскулинизация военной социологии, таким образом, еще не произошла.

Более половины авторов имеют ученую степень по социологическим наукам (54,4%). Доктора и кандидаты социологических наук являются авторами почти всех публикаций по традиционной тематике – по проблемам вооруженных сил и военной социологии как научной дисциплины. Наибольшую междисциплинарность демонстрирует выделенная нами рубрика «Социология войны», авторы которой имеют ученые степени как по социологическим, так и по историческим, философским, экономическим, политическим, филологическим и др. наукам. В публикациях на историческую тематику активное участие принимают историки и философы, а социологи составляют меньшинство.

По критерию *регионального представительства* лидерство принадлежит московским авторам, их статьи – 57% общего объема работ по военной социологии. Вдвое меньше опубликованных материалов подготовлены учеными из других российских регионов: 11 статей представлено авторами из южной части центральной России (Белгородской, Ростовской, Воронежской, Курской областей), 6 материалов – авторами Урало-Поволжских регионов (Самарской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областей). Характерно, что для освещения ситуации на Донбассе редакторы «Социологических исследований» привлекали представителей двух конфликтующих сторон, представлявших «разделенный» Луганский национальный университет: в Луганске – им. В. Даля [Яковенко, 2019], в Старобельске – им. Т. Шевченко [Кононов, 2019].

В рассматриваемый период 2014–2023 гг. единственным центром развития военной социологии в России является Военный университет МО РФ (г. Москва), сохранивший, хотя и в усеченном виде, систему подготовки социологических кадров и представивший три публикации в «Социологические исследования». Аналогичное количество материалов, но по исторической проблематике, подготовили авторы из Белгородского государственного национального исследовательского университета. Другие вузы и НИО представлены единичными исследователями.

В анализируемый период удалось расширить международную представленность материалов: шесть статей по военно-социологической проблематике были подготовлены учеными из Нидерландов, Ирландии, Польши, КНР и Южной Кореи. Для сравнения, за весь предыдущий период 1974–2013 гг. в журнале было опубликовано по данной тематике всего две статьи зарубежных авторов (из США и Словакии).

Планируемое и реально достигнутое. При подведении итогов институционализации военной социологии в России в 1974–2013 гг. в качестве перспективных И.В. Образцовым были намечены [Образцов, 2014b: 18] следующие направления развития журнальной рубрики «Военная социология»:

- 1) привлечение в авторский коллектив военных социологов МО РФ;
- 2) стимулирование междисциплинарных исследований;
- 3) публикация ярких фрагментов из классических отечественных и зарубежных работ по военно-социологической проблематике;
- 4) привлечение зарубежных авторов.

Насколько удалось реализовать эти замыслы и какие коррективы внесла в них реальность?

Первое направление оказалось, к сожалению, практически нереализованным. Социологи из образовательных и научно-исследовательских организаций военного ведомства, ранее достаточно регулярно выступавшие авторами журнала, в последнее десятилетие активности не проявили. Здесь сказалось и проведение ряда реорганизаций исследовательских подразделений, и проблемы воспроизводства кадров военных социологов,

определенные различия в академической культуре гражданских и военных ученых, в разной степени соответствующих публикационным критериям «Социологических исследований», а также, самое главное, правовые ограничения и сложности с обнародованием результатов проведенных в войсках исследований.

В развитии междисциплинарного подхода наметились определенные перспективы при разработке достаточно широкой проблематики по социологии войн и вооруженных конфликтов. Здесь особое внимание редакция журнала уделяла привлечению авторов для рассмотрения различных аспектов военного конфликта на Донбассе: проблем внешнеполитических ориентаций украинского общества [Яковенко, 2015; Сущий, 2023], анализа концепта «русского мира» и его демографического потенциала на Украине [Митрофанова, Сущий, 2017], вопросы поддержки молодежью политики России в отношении Крыма [Ядова, 2016], жизни мирного населения в зоне военного конфликта [Кононов, 2019] и в приграничной зоне [Симонян, 2023], сложности проведения социологических исследований в условиях боевых действий [Яковенко, 2019], характера отношения российского общества к СВО [Звоновский, Ходыкин, 2022; 2023] и других вопросов.

Хотя в рассматриваемых публикациях война получает осмысление с позиций междисциплинарного подхода, для получения полного представления об этом явлении не хватает ключевого элемента – исследований состояния вооруженных сил и других субъектов военного конфликта, их социальной структуры, форм социального взаимодействия и управления, трансформации социальных отношений и процессов под воздействием боевой обстановки. В том виде, в каком социология войны представлена в публикациях журнала сейчас, ее можно охарактеризовать скорее как «околовоенную социологию», затрагивающую в основном периферийные темы.

Третье и четвертое направления развития военно-социологической проблематики развивались наиболее успешно.

В частности, в рассматриваемый период опубликовано 15 материалов, представляющих исторический опыт эмпирических исследований. Среди них – исследования в годы Первой мировой [Дюбюк, Захаров, 2015; Образцов, 2015а] и Гражданской войн [Образцов, 2021], в межвоенный период в РККА [Шпильерн, Рейтынбарг, Нецкий, 2017; Образцов, 2018b; Хлебцевич, 2019], в войсках в годы Второй мировой войны [Образцов, 2015b; Степанова, Барановский, 2020], и Вооруженных силах СССР [Образцов, 2022]. Большинство этих материалов написано или подготовлено к публикации постоянным автором журнала и членом редколлегии профессором И.В. Образцовым. Можно сказать, «Военная социология» во многом стала его «авторской» рубрикой, и это еще одна особенность анализируемого периода – значительное число прежних авторов либо ушли из жизни, либо переключились на другую проблематику, а нового поколения российских военных социологов пока не появилось.

На страницах журнала российские читатели получили возможность впервые познакомиться с оригинальными работами современных и именитых представителей зарубежной военной социологии: польской исследовательницы А. Барановской, представившей процесс институционализации военной социологии в Польше [Барановская, 2019]; голландского ученого Дж. Сутерса, раскрывшего эвристический потенциал классических социологических теорий для изучения различных аспектов современной военной социологии [Сутерс, 2021,] и ирландского социолога С. Малешевица, активно разрабатывающего проблематику социологии войны и насилия [Малешевич, 2021].

Выводы. Результаты анализа военно-социологической проблематики в публикациях журнала «Социологические исследования» за 2014–2023 гг. и их соотнесение с данными предыдущего сорокалетнего периода (1974–2013) позволили выявить следующие тренды, репрезентирующие основные черты современной военной социологии в России.

Деятельность специализированных научно-исследовательских подразделений военного ведомства и результаты их исследований в войсках носят в современной России закрытый характер, так что военная социология во многом продолжает оставаться наукой

«для служебного пользования». Ввиду отсутствия реальной информации о проблемах функционирования ВС РФ социология армии как подраздел военной социологии ограничена в развитии, количество публикаций по данной проблематике неуклонно снижается. При этом рост числа материалов исторической направленности выглядит диспропорциональным по отношению к нереализуемым задачам исследования современного социального института армии, его отношений с другими сферами общественной жизни, социальных причин и последствий войн и вооруженных конфликтов.

В публикациях СоцИса продолжается наметившаяся в предыдущее десятилетие тенденция развития междисциплинарного подхода при изучении проблем войны как социального явления. В последнее десятилетие появилось много публикаций, посвященных концептуализации данной области научного знания, анализа социального и политического контекста и последствий войн, реакции на военные действия общественного мнения. При этом социологическое осмысление вопросов войны и мира остается неполным без проведения исследований на месте конфликтов, без изучения мнений и опыта его непосредственных участников. Однако в условиях гибридной войны и рисков разглашения конфиденциальной информации в период проведения СВО на это рассчитывать не приходится.

Наметившаяся тенденция к интернационализации публикаций по проблематике военной социологии (расширение количества авторских материалов ведущих западных зарубежных исследователей) в условиях санкционных ограничений практически не имеет дальнейших перспектив. В то же время низкий уровень развития данной отраслевой социологии в дружественных России странах, к сожалению, не позволяет привлекать их авторов к сотрудничеству с журналом.

Несмотря на растущую актуальность своего предмета, военная социология в России находится на задворках развития социологической науки, продолжая оставаться уделом отдельных ученых-энтузиастов. Отсюда и ограниченный состав авторов рубрики «военная социология», и сужение ее проблематики. Вместе с тем, очевидно, что происходящая в настоящее время геополитическая трансформация, предстоящее возвращение домой ветеранов СВО и их социальная адаптация, восстановление мирной жизни в новых субъектах РФ потребуют всестороннего социологического изучения совместными усилиями как ведомственных, так и гражданских ученых. Поэтому остается выразить надежду, что во многом нереализованный потенциал военной социологии со временем найдет проявление в публичном пространстве, в том числе и на страницах журнала «Социологические исследования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Об эффективности военного образования // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 140–144.
- Барановская А. Военная социология в Польше: особенности становления и развития // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 127–136.
- Барановский М.В. Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 137–145.
- Веремчук В.И., Крутилин Д.С. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 79–88.
- Военная социология: теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. В.Ф. Бондаренко. М.: Военный ун-т, 2018.
- Дюбюк Е., Захаров А. Война и костромская деревня // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 152–161.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50.
- Карлова Е.Н. Воспроизводство социальной структуры вооруженных сил в системе военного профессионального образования // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 81–91.

- Карлова Е.Н. Кадровая поддержка военной науки: опыт научных рот // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 89–93.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. Социология и междисциплинарные исследования: по следам одной рубрики // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 3–15.
- Кононов И.Ф. Донбасс: лаборатория войны, место социальной катастрофы // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 152–163.
- Левашов В.К., Новоженкина О.П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149.
- Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 80–93.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.
- Образцов И.В. «Война, всколыхнув деревню, связала ее с миром» (к 100-летию Первой мировой войны) // Социологические исследования. 2015а. № 7. С. 148–152.
- Образцов И.В. «Несокрушимая и легендарная» на закате советской эпохи // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 123–134.
- Образцов И.В. Аналитические материалы информационно-статистического отдела политического управления РККА (1924–1926 гг.) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 55–70.
- Образцов И.В. Процесс институционализации военной социологии в России и его отражение в публикациях журнала «Социологические исследования» (часть II) // Социологические исследования. 2014b. № 11. С. 13–20.
- Образцов И.В. Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. 2014а. № 7. С. 134–145.
- Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168–173.
- Образцов И.В. Социологические исследования в войсках в годы Второй мировой войны: анализ зарубежного опыта // Социологические исследования. 2015b. № 11. С. 97–107.
- Образцов И.В. Рец. на: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020 // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 164–168.
- Передня Д.Г. Латентные последствия сокращения наборов в военные вузы // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 83–89.
- Сержантов А.В., Смоловый А.В., Долгополов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к настоящему – технологии «гибридных» войн // Военная мысль. 2021. № 2. С. 20–27.
- Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 136–143.
- Степанова Е.Е., Барановский М.В. Применение опросных технологий в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 35–43.
- Суркова И.Ю. «Фасад» и «закулисье» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 133–139.
- Сутерс Д. Социология и военные исследования: расширяя горизонты с помощью классиков // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 67–80.
- Суций С.Я. Потери российской армии в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе (1999–2012): социально-демографический анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 27–42.
- Суций С.Я. Социологический мониторинг внешнеполитических ориентаций украинского общества (2000–2020-е гг.) // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 77–93.
- Хлебцевич Е.И. Изучение читательских интересов красноармейцев // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 142–156.
- Шишкина Е. Рец. на: Суркова И.Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013 // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 154–156.
- Шпильрейн И., Рейтынбарг Д., Нецкий Г. Язык красноармейца // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 156–187.
- Ядова М.А. Крымский кризис-2014 глазами молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 50–58.
- Яковенко А.В. Социолог в условиях вооруженного противостояния в Донбассе // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 143–151.
- Яковенко А.В. Проблемы внешнеполитического самоопределения Украины // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 128–133.
- Handbook of the Sociology of the Military / Ed. by G. Caforio, M. Nuciari. N. Y.: Springer, 2018.

- Hoffman F.G. Conflict in the 21-st Century. The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Libiseller Ch. 'Hybrid warfare' as an academic fashion // Journal of Strategic Studies. 2023. No. 46. Vol. 4. P. 858–880.
- Malešević S. The Sociology of War and Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Military Mission Formations and Hybrid Wars: New Sociological Perspectives / Ed. by T.V. Brønd, U. Ben-Shalom, E. Ben-Ari. L., N. Y.: Routledge, 2020.
- Scott W.J., de Angeles K.M., Segal D.R. Military Sociology. A Guided Introduction. L., N. Y.: Routledge, 2022.
- Sookermany A. Mc D., Sand T.S., Ender M.G. Authorship and Affiliation in Armed Forces & Society: Developmental Trends Across Volumes 1–41 // Armed Forces & Society. 2017. No. 43(3). P. 415–435.

Статья поступила: 14.03.24. Финальная версия: 14.06.24. Принята к публикации: 25.07.24.

DEVELOPMENTAL TRENDS OF MILITARY SOCIOLOGY IN RUSSIA (based on the analysis of publications in *Sociological Studies*, 2014–2023)

KARLOVA E.N.

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin», Russia

Ekaterina N. KARLOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher of Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin», Voronezh, Russia (ekaterina-n-karlova@yandex.ru).

Abstract. The article presents an analysis of the state and prospects of military sociology in Russia, reflected in *Sociological Studies* for the period 2014–2023. The article is a logical continuation of the previously begun work on the analysis of military sociology institutionalization in Russia for the period 1974–2013. Thus, the results of the 50-year activity of the journal's editorial board on the support and development of military sociology in Russia are summarized. Based on the thematic content analysis of publications and an analysis of quantitative and qualitative authorship characteristics, conclusions are drawn about a decrease in the number of studies of army problems in the last ten years, an increase in the number of materials on historical issues and prospects for the formation of the sociology of war as a new field of interdisciplinary knowledge. The authorship is being transformed to wards expanding regional and international diversity, reducing the number of authors representing the military department. Such problematic issues of military sociology development as the closed nature of research results in the military and the narrowing of traditional military sociological issues are stated. The potential of military sociology in the study of wars and armed conflicts remains unrealized, finding expression in the coverage of peripheral topics.

Keywords: military sociology, *Sociological Studies*, publications, sociology of the army, sociology of war.

REFERENCES

- Abramov A.P. (2015) On the effectiveness of military education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 140–144. (In Russ.)
- Baranovskaya A. (2019) Military sociology in Poland: Features of formation and development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 127–136. (In Russ.)
- Baranovsky M.V. (2019) Trust in a military organization (experience of sociological research). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 137–145. (In Russ.)
- Bartosz A.A. (2022) The laws and principles of hybrid warfare. *Voennaya mysl'* [Military thought]. No.10: 6–14. (In Russ.)
- Dyubyuk E., Zakharov A. (2015) War and the Kostroma village. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 152–161. (In Russ.)
- Handbook of the Sociology of the Military.* (2018) Ed. by G. Caforio, M. Nuciari. 2nd ed. New York: Springer.
- Hoffman F.G. (2007) *Conflict in the 21-st Century. The rise of hybrid wars.* Arlington: Potomac Institute for Policy Studies.
- Karlova E.N. (2016) Personnel support of military science: Experience of scientific mouths. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 89–93. (In Russ.)

- Karlova E.N. (2021) The reproduction of the social structure of the armed forces in the system of military vocational education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 81–91. (In Russ.)
- Khlebevech E.I. (2019) Study of the reader's interests of the Red Army *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 142–156. (In Russ.)
- Kirdina-Chendler S.G. (2020) Sociology and interdisciplinary research: in the wake of one section. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–15. (In Russ.)
- Kononov I.F. (2019) Donbass: War Laboratory, place of social disaster. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 152–163. (In Russ.)
- Levashov V.K., Novozhenina O.P. (2022) Hybrid socio-political reality: essence, opinions of citizens and trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 139–149. (In Russ.)
- Libiseller Ch. (2023) 'Hybrid warfare' as an academic fashion. *Journal of Strategic Studies*. No. 46:4: 858–880.
- Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maleshevich S. (2021) End of the war? Sociological analysis of the main approaches to the study of war. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 80–93. (In Russ.)
- Military Mission Formations and Hybrid Wars: New Sociological Perspectives*. (2020). Ed. by T.V. Brønd, U. Ben-Shalom, E. Ben-Ari. London, New York: Routledge.
- Military sociology: theory and practice of research: collective monograph*. (2018) Ed. by Bondarenko V.F. Moscow: Voennyi un-t.
- Mitrofanova I.V., Sushchii S. Ja. (2017) Russians in Ukraine: geodemographic results of the Post-Soviet period and medium-term prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 45–58. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2022) "The indestructible and legendary" army at sunset of the Soviet era. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 123–134. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2014a) The process of institutionalization of military sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 134–145. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2014b) The process of institutionalization of military sociology in Russia and its reflection in the publications of the journal "Sociological Research" (part II). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 13–20. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2015a) "War, stirring the village, connected it with the world" (on the 100th anniversary of the First World War). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 148–152. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2015b) Sociological research in the troops during the Second World War: analysis of foreign experience. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 97–107. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2018) Analytical materials of the information and statistical department of the political department of the Red Army (1924–1926). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 55–70. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2019) Russian military sociology today. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 168–173. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2021c) Aksyonov V.B. Rumors, images, emotions. Mass mood of Russians during the war and revolution (1914–1918). Moscow: New Literary Review, 2020. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 164–168. (In Russ.)
- Perednia D.G. (2014) Latent consequences of reducing sets to military institutions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 83–89. (In Russ.)
- Scott W.J., de Angeles K.M., Segal D.R. (2022) *Military Sociology. A Guided Introduction*. London, New York: Routledge.
- Serzhantov A.V., Smolovyi A.V., Dologopolov A.V. (2021) The transformation of war content: from the past to the present; hybrid warfare technologies. *Voennaya mysl'* [Military thought]. No. 2: 20–27. (In Russ.)
- Shishkina E. (2014) Surkova I. Yu. Social policy in the system of civilian relations. Moscow: OOO "Variant", TsSPGI, 2013. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 154–156. (In Russ.)
- Shpilren I., Reitinbarg D., Netsky G. (2017) Language of the Red Army soldier. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 156–187. (In Russ.)
- Simonyan R. Kh. (2023) On the regional consciousness of students of the Russian-Chinese borderland. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 136–143. (In Russ.)
- Sookermany A. Mc D., Sand T.S., Ender M.G. (2017) Authorship and Affiliation in Armed Forces & Society: Developmental Trends Across Volumes 1–41. *Armed Forces & Society*. No. 43(3): 415–435.
- Stepanova E.E., Baranovsky M.V. (2020) The application of survey technologies during the Great Patriotic War. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 35–43. (In Russ.)
- Surkova I. Yu. (2015) "Facade" and "backstage" of the military profession: sociocultural analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 133–139. (In Russ.)
- Sushchii S. Ja. (2023) Sociological monitoring of foreign policy orientations of Ukrainian society (2000–2020s). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 77–93. (In Russ.)

- Sushchiy S. Ja. (2019) The losses of the Russian army during a counter-terrorist operation in the North Caucasus (1999–2012): socio-demographic analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 27–42. (In Russ.)
- Suters J. (2021) Sociology and military research: expanding horizons using classics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–80. (In Russ.)
- Veremchuk V.I., Krutinin D.S. (2016) Religious situation in the Armed Forces *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 79–88. (In Russ.)
- Yadova M.A. (2016) Crimean crisis-2014 through the eyes of the youth of the post-Soviet generation. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 50–58. (In Russ.)
- Yakovenko A.V. (2015) Problems of foreign policy self-determination of Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 128–133. (In Russ.)
- Yakovenko A.V. (2019) sociologist in the conditions of armed confrontation in the Donbass. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 143–151. (In Russ.)
- Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023) The perception of the Russians with the conflict with Ukraine: checking the hypothesis “spirals of silence”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 38–50. (In Russ.)
- Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2022) Reflection of the cultural power of the geopolitical narrative in the collective ideas of Russians about a special military operation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 38–53. (In Russ.)

Received: 14.03.24. Final version: 14.06.24. Accepted: 25.07.24.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА СОЦИС

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы публикационной активности журнала «Социологические исследования» по проблемам образования за 50 лет его работы. Характеризуются четыре периода: 1974–1989 гг., 1990–2000 гг., 2001–2010 гг., 2011–2024 гг. Раскрыта тенденция роста публикационной активности журнала по проблемам образования за прошедшие полвека. Показывается процесс формирования авторского актива по проблематике образования, включающего в свой состав ведущих социологов СССР и России. На первом этапе публикации отражали конституирование социологии образования как отрасли знания, ее взаимодействие с науками об образовании, «идеологическую» зависимость от позиции партийного руководства, а также интерес к школьному и профессионально-техническому образованию в стране. Специфика публикаций второго периода выражена интересом к высшему и социологическому образованию, к методологии исследования проблем образования. Журнальные статьи третьего этапа отражают расширение направлений исследований образования разных видов и уровней, а также доминирование проблематики высшего образования и вузовских общностей. На четвертом этапе актуализируется обращение к острым дискуссиям о судьбе российского образования в условиях институциональных реформ, социальных, экономических и политических вызовов, связи образования с другими сферами общества.

Ключевые слова: образование • социология образования • высшее образование • социологическое образование • публикационная активность журнала • историко-социологический анализ • периодизация социологии образования

DOI: 10.31857/50132162524070108

Введение: методология исследования. Развитие социологии образования нашло яркое отражение на страницах журнала «Социологические исследования» (СоцИс). В истории образовательной тематики издания прослеживается формирование объекта социологии образования как особой отрасли социологического знания. Образование предстает как социальная система, социальный институт, вид деятельности и взаимодействия образовательных общностей, а также как совокупность социальных фактов о них, взятых в их взаимосвязи и проинтерпретированных на языке социологического теоретико-эмпирического исследования. На материалах публикаций также можно выделить и структурировать предмет социологии образования, представляющий собой совокупность центральных проблем объекта изучаемой отрасли социологической науки.

Историко-социологический анализ публикационной активности журнала СоцИс по проблемам образования за 50 лет потребовал разработки подхода, учитывающего два условия: 1) соблюдение хронологических рамок издания журнала и выделение периодов, характеризующих основные направления его работы по данной проблематике; 2) выделение важных изменений в образовательной тематике и предметной сфере, касающихся различных аспектов образования любых уровней, видов, типов и субъектов. Учет этих двух условий дает возможность оценить деятельность журнала и его авторов в разные периоды активности издания, направленной на отражение процессов, происходящих в сфере образования и журнальной работы.

С учетом различий в доминирующей проблематике образования были выделены четыре этапа издательской деятельности: 1974–1989-й гг., 1990–2000-й гг., 2001–2010-й гг., 2011–2024-е гг. В рамках каждого периода обращалось внимание на содержание и направленность авторских публикаций, связанных с видами образования, различными элементами данного института, направлениями государственной образовательной политики, включая реформирование и модернизацию сферы образования, и с другими социально-образовательными процессами.

Классификация внутри каждого периода осуществлялась по определенным критериям, связанным с рубрикацией журнальных статей, далее происходил отбор наиболее значимых текстов по каждому периоду. Также использовано полуструктурированное интервью с Ж.Т. Тощенко (март 2024 г.), который стоял у истоков журнала и на протяжении всей полувековой его истории был активным участником его жизни – сначала в качестве члена редколлегии, затем главного редактора и с 2018 г. председателя редакционного Совета журнала. Его оценки базируются на доскональном знании всех процессов и периодов работы журнала, являются значимым источником информации и анализа проблем, поставленных в статье. Он был вовлечен в самый широкий диапазон обсуждений и решений проблем работы журнала – от написания статей по проблемам социологического образования [Тощенко, 2008] до выработки стратегических решений.

При отборе статей журнала СоцИс мы ориентировались на три главные «образовательные» рубрики – «Социология образования», «Социологическое образование» и «Кафедра. Консультации». Они появились и утвердились уже в рамках первого периода издательской деятельности журнала (1974–1989). Значительная часть материалов, свидетельствующих о развитии социологии образования, также содержалась в рубрике «Факты. Комментарии. Заметки». Однако они не были использованы в силу их фактологического характера. Учитывалось также, что статьи по проблемам образования иногда публиковались и в рубриках «Социология молодежи», «Прикладные исследования», «Первые шаги». Отдельные статьи, носившие теоретико-методологический характер, выходили под рубрикой «Теория. Методология». Все эти материалы были включены в анализ. Важными были также «круглые столы» по проблемам образования.

Постепенно вокруг этих рубрик сформировался свой авторский «актив», который, по нашим подсчетам, включает более 120 социологов, многие из них внесли вклад в развитие отечественной социологии образования¹.

В общей сложности на страницах журнала за 50 лет было опубликовано свыше 550 статей по проблематике образования. По десятилетиям распределение выглядит

¹ Р.Н. Абрамов, П.А. Амбарова, А.А. Андреев, А.Ю. Андреев, А.Л. Арефьев, Е.В. Балацкий, Л.Н. Банникова, Е.С. Баразгова, Г.С. Батыгин, Б.И. Бедный, Н.М. Блинов, И.С. Болотин, В.Н. Боряз, М.А. Буданова, В.Г. Васильев, Ю.Р. Вишневский, В.В. Водзинская, Ю.Г. Волков, Ю.Е. Волков, В.В. Вольчик, В.В. Гаврилюк, З.Т. Голенкова, С.И. Голод, М.К. Горшков, А.О. Грудзинский, Б.А. Грушин, А.В. Дмитриев, В.И. Добренков, М.Е. Добрускин, Б.З. Докторов, Г.З. Ефимова, Г.Т. Журавлев, Е.Н. Заборова, Т.И. Заславская, В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, А.Г. Здравомыслов, Ф.Г. Зиятдинова, Ю.А. Зубок, В.Н. Иванов, С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.С. Капто, В.М. Квачахия, А.Г. Кислов, Г.А. Ключарев, Т.Л. Клячко, Л.Н. Коган, А.А. Козлов, Л.Ф. Красинская, О.К. Крокинская, Ю.С. Колесников, И.С. Кон, Д.Л. Константиновский, Г.Б. Кораблева, А.С. Кулагин, Я.И. Кузьминов, М.В. Курбатова, Н.С. Ладыжец, Н.И. Лапин, Ю.В. Латов, Н.В. Латова, Р.В. Ленков, В.Т. Лисовский, Вал.А. Луков, Н.Г. Малошонов, В.А. Мансуров, Н.А. Матвеева, А.А. Матуленис, А.В. Меренков, В.Г. Мордкович, А.Ю. Мягков, В.Я. Нечаев, А.А. Овсянников, В.Б. Ольшанский, Г.П. Орлов, Г.И. Осадчая, А.М. Осипов, Г.В. Осипов, Б.С. Павлов, Г.С. Погосян, Н.Е. Покровский, Е.С. Попова, Е.В. Пряимова, С.Д. Резник, Ю.М. Резник, Б.Г. Рубин, Л.Я. Рубина, М.Н. Руткевич, Б.А. Ручкин, Э.А. Саар, Г.И. Саганенко, М.Б. Сапунов, З.М. Саралиева, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов, Е.Э. Смирнова, А.Ю. Смоленцева, В.С. Собкин, М.М. Соколов, М.Х. Титма, Н.Д. Сорокина, В.Н. Стегний, Ж.Т. Тощенко, И.О. Тюрина, И.М. Фадеева, Ф.Р. Филиппов, Б.М. Фирсов, И.Д. Фрумин, А.Г. Харчев, В.Г. Харчева, Ф.А. Хохлушкина, Г.А. Чередниченко, М.Ф. Черныш, И.С. Чириков, В.И. Чупров, С.А. Шаронова, Г.Ф. Шафранов-Кучев, Ф.Э. Шереги, В.Н. Шубкин, Е.А. Шуклина, М.М. Юдкевич, В.А. Ядов, Е.А. Якуба.

таким образом: 1974–1990-е гг. – 65 публикаций, 1991–2000-е гг. – 126, 2001–2010-е гг. – 185, 2011–2024-е гг. – 178. Эти данные приводятся без учета текстов «круглых столов» по проблемам образования, на каждом из которых выступало от 10 до 20 человек, и рубрик «Факты. Комментарии. Заметки», «Научная жизнь», «Книжное обозрение».

Первый период (1974–1989). Проблемы образования стали рассматриваться на страницах журнала с самых первых его номеров. Этим журнал заявил, что одной из главных тем станут проблемы образования. За прошедшие полвека практически не было ни одного номера (из более чем 460), в котором не появилась хотя бы одна публикация по вопросам образования. В среднем за год публиковалось 11 текстов по этой тематике, но были годы, когда их число возрастало до 18–20 статей (2005, 2006, 2013, 2012, 2019 и др.). В первые годы, когда журнал еще не стал ежемесячным, выходило по 1–3 текста в год (1974–1976, 1981–1983).

Первой крупной теоретико-методологической публикацией, открывшей работу журнала, была статья известного советского обществоведа В.Г. Афанасьева «Обучение и образование в условиях научно-технической революции (социальные аспекты)» [Афанасьев, 1974]. В ней автор проводил различия между обучением как взаимодействием его субъекта и объекта и образованием как социальной системой и институтом, но главным в статье был анализ влияния научно-технической революции (НТР) на процесс «систематизации» и «институционализации» образования. Автор доказывал, что НТР резко повышает требования к общеобразовательному и профессиональному уровню работника. Соответственно, на первое место выдвигаются социальные функции образования в социалистическом обществе, главная из которых – подготовка образованной, разносторонне развитой личности, владеющей современными научными знаниями [там же: 34–35]. Особое внимание автор уделял проблемам переподготовки, совершенствования и переучивания специалистов и рабочих.

Если в статье В.Г. Афанасьева, наряду с социологическими, анализировались широкие социальные проблемы развития образования в советском обществе, то Ф.Р. Филиппов [1974] сосредоточился именно на социологических аспектах образования. Ценность статьи определялась постановкой вопроса о необходимости разработки научного аппарата социологии образования и ее центрального понятия – «образования» [там же: 15]. Автор считал важным сформулировать основные социологические аспекты образования применительно к системе общего и специального образования. Он рассматривал общее образование как социально интегрирующий фактор, содействующий сближению социальных групп, становлению социальной однородности общества [там же: 16]. Особо выделялась группа социологических проблем образования, требующих немедленного исследования. Среди них – ориентация молодежи на образование и стимулы к его получению. В связи с такой постановкой проблемы рассматривались и функции образования молодежи [там же: 24].

Остановимся на особенностях первого периода, когда журнал выходил четыре раза в год (1974–1986) и в конце 1980-х (1987–1989) – шесть раз в год. Начальный период был ознаменован появлением и формированием первых, вскоре ставших основными, рубрик по вопросам образования: «Социология образования», «Социологическое образование», «Прикладные исследования», «Факты. Комментарии. Заметки», «Социология молодежи», «Теория. Методология». Были и иные рубрики, включавшие в себя тексты по самым разным социологическим проблемам, включая образовательные: «Социология за рубежом», «Социологические исследования в странах социализма», «Научная жизнь», «Книжное обозрение». Проводились «круглые столы» по проблематике образования.

Появлялось немало публикаций о развитии всех видов образования в республиках СССР. Были отражены в той или иной форме данные об исследованиях образования в каждой из них. Развитию публикационной активности журнала в этом направлении способствовало постепенное формирование актива авторов, исследовавших различные проблемы образования. Роль лидеров в этом процессе принадлежала Ф.Р. Филиппову

и М.Н. Руткевичу. Своей публикационной активностью были заметны представители ряда союзных республик – Украины (В.И. Паниотто, М.Е. Добрускин), Белоруссии (Г.П. Давидюк), Литвы (А.А. Матуленис), Эстонии (М.Х. Титма) и др.

Среди наиболее существенных проблем развития образования, нашедших отражение в публикациях: реформы образования, развитие профессионального начального и среднего образования и подготовка молодого пополнения рабочего класса в системе профтехобразования, а также студенчества в высшей школе. По поводу последнего необходимо особо отметить роль Всесоюзного исследования по проблемам высшей школы [Филиппов, 1977].

В апреле 1984 г. было принято постановление Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Практически в каждом из номеров 1984 г. публиковались статьи по проблемам реформы. Центральная идея реформы – переход ко всеобщему профессиональному образованию молодежи. Однако реализовать эту идею можно, как полагал М.Н. Руткевич, решая проблемы, которые во многом выходят за рамки системы образования [Руткевич, 1984: 19]. Был поставлен вопрос о соответствии субъективного фактора жизненным планам молодежи и ее социально-профессиональной ориентации – объективному, изменяющимся потребностям общества [там же: 20]. Решать эту проблему предстояло системе общего и профессионального образования. Нарастало противоречие между ориентацией подавляющего большинства выпускников школы на поступление в вуз либо в техникум и «потребностями общества, которое нуждалось в пополнении образованной молодежи всех социальных групп, и прежде всего рабочего класса и колхозного крестьянства» [там же: 21]. Наиболее сложные задачи, намеченные реформой и выделенные социологом, были определены как увеличение удельного веса выпускников 9-х классов, поступающих в ПТУ, примерно в 2 раза, и совмещение профессиональной подготовки с получением полного среднего образования в 10–11-х классах. В статье подчеркивалось, что для решения проблем и задач реформы необходимо развертывание социологических исследований, учитывающих специфику регионов, республик, областей, крупных центров, малых городов, поселков, деревень [там же: 28].

Рассматривая отражение особенностей первого периода в публикациях по проблематике образования, Ж.Т. Тощенко справедливо отмечает в своем интервью, что на начальном этапе первого периода большое внимание уделялось материалам о школе и профессионально-техническом образовании и гораздо меньшее – о высшем образовании. Статьи о высшей школе стали активно появляться в печати во второй половине 1980-х гг. и далее. Ж.Т. Тощенко особенно подчеркнул важную роль Новосибирской и Уральской социологических школ в развитии вопросов социологии образования на страницах журнала СоцИс на первом этапе. Среди научных лидеров, отцов-основателей этих школ – В.Н. Шубкин (Новосибирск), М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов (Свердловск).

Интерес представляют первые попытки журнала отразить взаимодействие социологии образования с науками об образовании, в первую очередь с педагогикой и психологией. Этой проблеме был посвящен «круглый стол» журнала и Академии педагогических наук [Социологические проблемы..., 1979], в котором приняли участие 16 социологов и педагогов. Руководили его работой А.Г. Харчев и президент АПН СССР академик В.Н. Столетов.

На страницах журнала нередко выступали руководители сферы образования – министры и их заместители. Так, большой интерес представлял материал «О перспективах дальнейшего развития социологического образования в СССР», в котором была отражена встреча А.Г. Харчева, Ф.Р. Филиппова и заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР Н.И. Мохова [О перспективах..., 1978]. Обсуждался широкий круг проблем – от понимания социологии как науки до издания первых учебников по социологии и открытия профессиональной подготовки социологов. Последний вопрос оказался предметом достаточно острой дискуссии. Н.И. Мохов делал акцент на том, что

государство не знает, сколько понадобится стране социологов, поэтому вопрос об их подготовке нужно снять и не поднимать. Руководители журнала придерживались принципиально иной трактовки проблемы и считали, что вопрос назрел и требует своего решения. Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что перспективы развития социологического образования обсуждались уже тогда, когда его еще не было.

Много статей посвящалось рассмотрению поведения и интересов различных групп участников образовательного взаимодействия. По нашим подсчетам, больше всего внимания было уделено студентам, что объясняется легкой доступностью для социологов объекта исследования. Отметим несколько значимых статей по проблемам студенчества этого периода [Рубина, 1978; Лисовский, 1980].

В материалах первого этапа ощущалась сильная зависимость от официальных партийных и государственных решений. Позднее В.В. Костенко и Г.А. Яковлев проанализировали ситуацию сокращения активности в журнале, возникшую в эти годы и связанную с наступлением реакции в социологии, уходом из Института социологии после появления в 1972 г. нового директора ряда ведущих социологов страны [Костенко, Яковлев, 2014]. В этот период происходил процесс, названный «разгоном» социологии и значительным замедлением ее институционализации. Авторы статьи полагали, что из социологии в то время уходила элита, а вместо нее появились менее известные и реже цитируемые ученые. Однако в это время удалось сохранить науку и привлечь к публикациям перспективных авторов, в чем велика заслуга первого редактора СоцИса А.Г. Харчева.

Второй период (1990–2000). Специфика этого периода на страницах журнала может быть определена с позиций: 1) повышенного интереса к высшей школе, становлению и развитию социологического образования, рассмотрению многочисленных вопросов его методического обеспечения, развитию негосударственного образования, к анализу студенчества и активизации его деятельности; 2) активного внимания к методологии исследования образования в целом.

В этот период количество публикаций по проблематике образования выросло в 2 раза. Это обстоятельство объясняется, во-первых, переходом на ежемесячный выпуск издания, во-вторых, резко возросшим интересом к высшему образованию, особенно к негосударственному и социологическому, увеличением числа вузов, студентов и преподавателей, в-третьих, значительной активизацией социологического образования, в-четвертых, расширением социологической аспирантуры и возможностей защит диссертаций по социологии.

Среди других особенностей данного периода следует назвать появление большого количества разных по жанру статей о социологическом образовании, особенно о преподавании отдельных социологических дисциплин и методике проведения занятий. Практически в каждом номере публиковались статьи о студенчестве. Появлялись рубрики «под» отраслевые социологии, в том числе близкие к тематике социологии образования или смежные с ней: «Социология молодежи», «Социология науки», «Социология культуры», «Социология семьи», «Социология управления». Быстро «набирает обороты» рубрика «Кафедра. Консультации», ориентированная на помощь преподавателям. Учащается проведение «круглых столов». Появляются публикации по проблемам негосударственного, послевузовского и дополнительного профессионального образования.

В некоторых номерах журнала второй половины 1990-х гг. публиковались подборки статей, подготовленных авторами из российских регионов. Среди них было много материалов о «нестоличном» образовании и его проблемах. В таком качестве выступили социологи Урала (1997, № 10), Нижнего Новгорода (1999, № 12), Института социологии и экономики Уральского государственного профессионально-педагогического университета в Екатеринбурге (2000, № 6). Эти публикации свидетельствовали о большом потенциале социологии в регионах России и ее активном развитии, включая социологию образования.

Появление подобных подборок было, с одной стороны, инициативой социологов этих регионов, с другой – получило полную поддержку нового главного редактора журнала. В своем интервью Ж.Т. Тощенко отмечал, что не все московские социологи встретили

эту инициативу с пониманием, было и «ворчание» по поводу того, что журнал слишком много места и внимания уделяет региональной социологии. А через некоторое время стало понятно, что одним из стратегических направлений работы журнала является поддержка социологических исследований и социологического образования в регионах.

В отдельных номерах журнала статьи по проблематике образования попадают в раздел «Теория. Методология» (напр., [Руткевич, 1996; Татарова, 2000]), что свидетельствует о теоретическом развитии отрасли. Кроме того, проблемы образования во многих публикациях показаны в тесной связи с проблемами развития экономики, предпринимательства, социальной политики, государственного и муниципального управления.

Большое внимание уделяется особенностям преподавания и изучения социологии в отдельных типах вузов – техническом, педагогическом, университете, негосударственном. Рассматриваются особенности методики проведения различных видов занятий. Много публикаций было посвящено работам методического характера – задачникам по социологии, социологическим практикумам. Этот интерес был следствием превращения социологии в обязательную дисциплину. Преподаватели социологии получили возможность увидеть на страницах журнала проекты и программы различных социологических курсов.

Второй период посвящен в значительной степени высшему образованию. Назовем лишь несколько работ (см.: [Харчева, Шереги, 1994; Шереги, Харчева 1996; Сиверцева, 1994; Радаев, 1994; Добрусин, 1995; Вишневский, Рубина, 1997]).

Выделим результаты исследования высшей школы в семи вузовских центрах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Иркутске, Томске, Саратове, Уфе) по программе «Общественное мнение» [Харчева, Шереги, 1994]. Было опрошено 1324 студента естественных, технических, гуманитарных и сельскохозяйственных специальностей, 964 преподавателя и 381 руководитель вузов по ряду актуальных проблем очередной вузовской реформы. Менее половины (43–45%) опрошенных считали качество преподавания в российских вузах в основном соответствующим требованиям времени. Большая же часть опрошенных высказала мнение о том, что качество преподавания соответствует современным требованиям либо лишь частично, либо вообще не соответствует [Харчева, Шереги, 1994: 41]. Важным аспектом реформирования высшей школы стало введение в вузах России многоуровневой системы образования. По этому вопросу наблюдался существенный разброс мнений, особенно среди студентов и преподавателей, с одной стороны, и руководящих работников вузов – с другой. Последние оценивали реформу гораздо выше, считая, что это будет способствовать сближению российского образования с международными образовательными стандартами. Как показали результаты исследования, каждый третий (29%) студент и каждый четвертый (23%) преподаватель были уверены, что рейтинговая система в их вузах не работает. Те же, кто считал ее действующей, оценили ее невысоко [там же: 43].

Интерес представляют данные о миграционных настроениях студентов. Установки на учебу или стажировку за границей были достаточно сильны. Более половины опрошенных тогда хотели учиться за рубежом [там же: 49–50]. Повышенный интерес к учебе за границей был явно выражен у студентов всех вузов, но в несколько меньшей степени – у гуманитариев. Предпочтительными для поездок странами оказались США, Англия, Франция, Германия. Одобряли стремление своих детей уехать за границу 95% родителей [там же: 51].

Помимо повышенного интереса к публикациям о высшей школе была заметно выражена тенденция к рассмотрению методологии исследования образования как системы и социального института. Здесь следует назвать ряд ключевых работ [Болотин, Козлова, 1997; Зиятдинова, 1998; Нечаев, 1999; Зборовский, 2000; Кораблева, 2000].

Дискуссионный характер приобрела проблема соотношения социологического и педагогического подходов к исследованию образования. В.Я. Нечаев выступил против жестких разграничений предметов социологии образования и педагогики, обосновывая позицию их сближения. Это означало, что социология должна исследовать учебный процесс и его структуру, учебный план, программу, технологию учебного процесса, методику

обучения – вместо того, чтобы сосредоточиться на выявлении общественного мнения вокруг школы, образования в целом, отношения учащихся, студентов, педагогов к важнейшим проблемам их образования, социальной активности и другим.

В полемике с такой точкой зрения Г.Е. Зборовским [2000: 26] был поставлен вопрос: не означает ли предложенный подход распрямления социологии образования в педагогике и растворения социологического подхода к образованию в педагогическом? Суть проблемы была в том, что, имея общий объект исследования – образование, каждая отрасль знания, занимающаяся его изучением, обладает собственным, специфическим предметом, на основе которого и возникают различающиеся подходы – социологический, педагогический, экономический и др. Так, если объектом в социологии образования является образование как система и информация о ней, то предметом выступает образование как социальный институт. При этом институциональный анализ образования предполагает изучение не только его организации, но и социальных общностей, форм деятельности и взаимодействия различных групп и слоев.

Взаимосвязь наук об образовании видится в возможностях использования различных методов и подходов для изучения близких, но не одних и тех же проблем. Специфика той или иной отрасли научного знания не может не накладывать своего отпечатка на существо анализа образования. Одним из инструментов сближения социологического и педагогического подходов В.Я. Нечаев считал социокоммуникативный подход в рамках институционального анализа образования [Нечаев, 1999: 90]. Однако конкретного его рассмотрения в статье предложено не было. В ходе полемики был сделан вывод о необходимости дальнейшего анализа поставленной проблемы.

Третий период (2001–2010). В это десятилетие журнал приобретает постоянный актив авторов, пишущих по проблемам образования, его различных видов и уровней. Появляются результаты сравнительных исследований. Большой интерес приобретает проблематика перспектив социологического образования, в целом развития вузов. Увеличивается число публикаций о социологическом образовании за рубежом. Быстро растет интерес к проблемам высшего образования, в том числе к проведению специальных «круглых столов». На основании результатов проведенной Всероссийской переписи населения 2002 г. публикуется аналитика по образованию в России.

В рамках третьего периода на страницах СоцИса было опубликовано 185 статей по проблематике образования, а также пять «круглых столов», в которых приняло участие более 70 человек. По такому критерию, как продуктивность текстов по тематике образования, третий период оказался самым насыщенным за все четыре периода 50-летней истории журнала.

Главной особенностью данного периода стал продолжающийся интерес к высшей школе. Подавляющее большинство статей (более 130) было посвящено высшей школе, социальным общностям студентов и педагогов, организации учебного и научного процессов в вузе, развитию социологического образования. На организованных «круглых столах» в основном обсуждались проблемы высшей школы: «Инновационные образовательные технологии и методы в преподавании» (2001, № 10); «Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности» (2003, № 5); «Педагогический персонал вузов сегодня: тенденции изменений» (2005, № 5), «Риск в образовании молодежи» (2006, № 5), «Высшая школа России: разнообразие форм, ресурсы, перспективы» (2006, № 8).

Примерно в 30 статьях рассматривались проблемы школьников, учителей, преимущественно профессионального дополнительного образования и некоторые иные вопросы (например, различия позиций депутатских объединений Госдумы в связи с разработкой стратегии образования [Смолин, Комаров, 2003]).

Третий период ознаменовался ростом публикаций, отразивших тенденцию увеличения масштабов производства и воспроизводства научно-педагогических работников, а также количества студентов (см., напр.: [Саралиева, Балабанова, 2002]). Обсуждается интеграция социологического образования в вузе и научных исследований [Лапин и др., 2002]. В ряде

статей дается анализ тенденций развития современного социологического образования. Большое место занимают публикации о социологическом образовании в свете Болонского процесса, внедрении его опыта, о достижениях и разочарованиях. Осуществляется анализ новых моделей университетов, в том числе предпринимательского [Грудзинский, 2003; Осипов, Иванов, 2004; Розов, 2007]. Освещается западный опыт развития образования в целом, и высшего в особенности. Впервые появляется аналитика теневых отношений в сфере высшего образования [Шевченко, Гаврилов, 2005; Леонтьева, 2009].

С появлением в 1990-е годы других периодических изданий по социологии возросла конкуренция. В своем интервью Ж.Т. Тощенко прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Моя позиция всегда была одинаковая, я всегда приветствовал коллег. Более того, мы давали даже информацию в “Научной жизни”, доводили до сведения читателей, что появился такой-то журнал, например, «Высшее образование в России», который, наряду с другими статьями, начал публиковать социологические материалы. Были попытки создать и региональные журналы по социологии образования. К сожалению, не все из них потом выжили. Так что на расширение проблематики и освещение социологического образования я всегда реагировал очень ответственно и приветственно».

Таким образом, четко выраженная доминанта данного периода – материалы, посвященные высшему образованию: проблемам социальных общностей студентов и педагогов, учебного, научного и воспитательного процесса, становления и развития высшего, в том числе социологического образования. Отметим две статьи, где, как нам кажется, подводится определенный итог первого десятилетия XXI в. по двум направлениям исследований – образованию в целом [Константиновский, 2008] и социологического образования в России [Буланова, 2008].

Четвертый период (2011–2024). За этот период было опубликовано около 180 статей по проблемам образования, не считая выступлений на «круглых столах», публикаций в рубриках «Факты. Комментарии. Заметки», «Научная жизнь», «Книжное обозрение» и др.

Если говорить о качественных особенностях периода, то центральные позиции по-прежнему занимало освещение проблем высшего образования, но появились важные новации. В частности, все большую актуальность стала приобретать аналитика проблем связей и разрывов высшего образования, экономики, рынка труда и научно-технологического развития [Ключарев, 2015; Дежина, Ключарев, 2018; Ключарев, 2020; Ключарев, Тюрина, 2023].

На страницах журнала активно публиковались дискуссионные материалы, касающиеся развития образования в целом, и в особенности – высшего. Здесь лидирующие позиции заняли преподаватели и ученые ряда ведущих университетов страны и Института социологии ФНИСЦ РАН. Очевидной стала публикационная активность аспирантов и научных сотрудников НИУ ВШЭ, в первую очередь Института образования.

Заметное место занимали дискуссии о будущем высшего образования, о моделях университетов, их соответствии специфике российского образовательного ландшафта. Широко обсуждалась проблема создания университетов мирового класса на территории нашей страны. Этому активно способствовали тенденции усиления интереса к российскому образованию среди иностранных студентов, резкий рост их численности в отечественных вузах, особенно в период до пандемии и затем СВО, то есть до 2020 г. Стало больше появляться материалов, посвященных проблемам адаптации зарубежных студентов.

Традиционно в публикациях по проблемам образования особый акцент был сделан на старшеклассниках и выпускниках школ, а также абитуриентах и студентах. Особенно выделяются статьи с анализом траекторий учащейся молодежи на всех уровнях образования, путей развития отечественного общего и профессионального образования. Здесь заметную роль играли и продолжают играть опубликованные результаты исследований Центра образования Института социологии ФНИСЦ РАН.

Журнал отражает процессы «оптимизации» и «реструктуризации» высшего образования: сокращение численности вузов, студентов, научно-педагогических работников,

не всегда оправданные слияния очень разных по характеру и направленности деятельности вузов, снижение набора по многим специальностям (в том числе социологии) и др. В публикациях СоцИса показываются ограничения, связанные с модернизацией образования. Большое внимание уделяется новым дистанционным технологиям обучения и образования, особенно в связи с пандемией COVID-19.

Остановлюсь на двух статьях, с одной стороны, типичных по поднимаемой проблематике для публикаций этого времени, с другой – определенным образом отличающихся от многих текстов постановками проблем и способами их трактовки. Речь пойдет о статье Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [2013] и статье Ф.Э. Шереги и А.В. Кириллова [2017]. Обе статьи и поднятые в них проблемы продолжают оставаться актуальными и в 2020-х гг. В первой статье образование рассматривается как феномен социальной реальности, отношение к которому носит исторически обусловленный характер. По мнению авторов, в процессе формирования отношения молодежи к образованию целесообразно выделять два аспекта – базовый и социально-ситуационный. Базовый аспект отражает понимание смысла образования, выраженного в ценностных представлениях молодых людей. Социально-ситуационный аспект содержит в себе изменение базовых характеристик под влиянием социальных, экономических, политических и других факторов.

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров основное внимание уделяют важной теоретической проблеме – трактовке социокультурного механизма формирования отношения молодежи к образованию в целом и рассмотрению основных элементов этого механизма, представленных архетипами, габитусами, стереотипами и менталитетом. Каждый из них содержит взаимодействующие аспекты бессознательного и осознанного отношения к образованию, благодаря чему достигаются определенная целостность и единство всего процесса взаимодействия. Сам механизм формирования отношения к образованию как социальной реальности формируется и конструируется молодыми людьми через их деятельность. При этом они опираются на получаемое в процессе образования знание, которое придает им уверенность в реальности и полезности образования.

Во второй статье поднимаются сложные проблемы профессиональной деятельности научно-педагогических работников вузов. Авторы обращаются к вопросу об оценке востребованности специалистов интеллектуального труда. Часто речь идет просто о выпуске человека с дипломом о высшем образовании. Проведенное исследование показало, что в течение пяти лет после выпуска 60% специалистов переучиваются с целью приведения своей специализации в соответствие со спросом реальной экономики. В аспирантуре ситуация оказалась еще хуже: с защитой диссертации ее завершали не более 18–20%. В итоге вузы, часто не по своей вине, не участвуют в воспроизводстве инновационной социально-профессиональной структуры. Авторы считают, что сложившееся положение вещей генерирует два следствия: «чрезмерную загрузку администрацией вуза преподавателей фиктивной бюрократической отчетностью для имитации интенсивности труда (как следствие – нагрузка за одну ставку составляет в среднем 130% предписанного законом норматива) и невысокую оплату труда» [Шереги, Кириллов, 2017: 97]. Результатом ситуации являются данные опроса, согласно которому престиж преподавателя вуза в общественном мнении молодого поколения оказывается очень низким.

Еще одно следствие невысокой оплаты труда – вынужденность научно-педагогических работников искать дополнительную работу, что приводит к росту семейного бюджета на 25%, а интенсификации труда – на 150%. Так происходит «гонка» на выживание. Повышение профессионального уровня образования НТР осложняется, их труд приближается к конвейерному, качество профессиональной деятельности современных специалистов оказывается недостаточным. Характерным феноменом становится дисфункция вузов, т.е. воспроизводство ими консервативной социально-профессиональной структуры. Возникает массовый «воинствующий» непрофессионализм. Образуется дефицит и преподавателей, обладающих квалификацией высокого уровня. Для их подготовки требуется немало времени, значительное улучшение условий труда и его оплаты. Авторы полагают, что

«следует повысить – как минимум в 2 раза – зарплату преподавателей, одновременно снизив их учебную нагрузку на 40% и увеличив долю научной работы с активным привлечением в нее студентов, что будет содействовать активным формам обучения и усилит практическую составляющую профессиональной подготовки будущих специалистов» [Шереги, Кириллов, 2017: 97].

Заключение. Проведенное историко-социологическое исследование выявило взаимосвязь линий развития социологии образования в России и журнала СоцИс. С одной стороны, развитие отечественного образования и его социологических исследований стимулировало публикационную активность авторов журнала и обогащало его повестку. С другой стороны, статус ведущего журнала профессионального сообщества позволил укрепить позиции социологии образования и определенным образом задать перспективы ее движения.

Рассматривая статьи по образованию, опубликованные в СоцИсе в рамках четырех периодов, мы попытались определить доминирующую образовательную тематику каждого этапа издательской активности журнала. Публикации первого этапа отражали конституирование отечественной социологии образования как отрасли социологического знания – формирование интереса к ее объекту и ключевым проблемам, ее связи с науками об образовании и к отличиям от них. Особенностью данного этапа стали «идеологическая» окрашенность публикаций, а также преобладающий интерес к школьному и профессионально-техническому образованию. Кроме того, с самого начала журнал публиковал статьи, в которых образование показывалось в масштабах всей страны, погруженным в широкий общественный контекст.

Второй этап был отмечен зарождающимся интересом к высшему, в том числе негосударственному, и социологическому образованию в стране, к методологии исследования проблем образования. Особо следует отметить роль журнала и публикаций в нем, касающихся создания и популяризации социологического образования, отсутствовавшего в стране вплоть до 1990-х гг. Не будет преувеличением утверждать, что социологическое образование – в значительной степени «дитя» журнала и его авторского коллектива, работавшего и продолжающего свой упорный и нелегкий труд в сфере этого вида образования. Кроме этого принципиального отличия, деятельность журнала характеризовалась активным привлечением авторов из российских регионов. В целом также наблюдалось нарастание многообразия образовательной тематики и ее диффузия в публикациях «необразовательных» рубрик журнала.

Журнальные статьи третьего периода отражают расширение направлений исследований образования разных видов и уровней, а также доминирование проблематики высшего образования и вузовских общностей. Тенденции, сложившиеся в предыдущее время, в рамках третьего периода получили особое масштабирование – и по количеству статей, и по числу авторов, и по формату их представлений (аналитические статьи, «круглые столы», заметки). Как уже отмечалось, в это время проблемы отечественного образования авторы СоцИса начинают осмыслять в сравнительной перспективе на фоне его интеграции в мировое образовательное пространство.

Проведенный анализ публикаций четвертого этапа отчетливо показал, что их специфика связана с нарастанием проблем в отечественном образовании второго десятилетия XXI в. И социологи, и журнал незамедлительно откликнулись на множественные вызовы и обратились к острым дискуссиям о судьбе российского образования в условиях институциональных реформ, социальных, экономических и политических перемен, трансформации связей образования с другими подсистемами общества – государством, экономикой, рынком, бизнесом.

В результате выделения четырех периодов в «образовательной» истории журнала СоцИс и стремления определить специфику каждого из них, выделены сквозные линии, свидетельствующие о системности работы журнала и его авторов. Прежде всего, это интерес к отечественному образованию. На первых двух этапах он был обусловлен

историко-политическим контекстом (самозамкнутостью отечественной социологии и отечественного образования), на двух последующих – попыткой осмысления процесса интеграции российского образования в международное пространство. Кроме того, все четыре этапа характеризуются нарастающим трендом: происходил постоянный рост количества публикаций по социологии образования, числа их авторов, расширение географии авторского корпуса и образовательной тематики. И наконец, общей чертой, объединяющей все четыре рассмотренные периода, стало стремление журнала охватить проблемы образования как на теоретическом, так и эмпирическом уровнях. Это адекватно отразило уровень развития отечественной социологии образования, ее способность, с одной стороны, к фундаментальности в исследовании образования, с другой – к эмпирически точной фиксации актуальных противоречий. Возможно, выявленные сквозные линии продолжат свое развитие в качестве традиций на последующих этапах публикационной активности журнала СоцИс и станут ориентирами для отечественных социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев В.Г. Обучение и образование в условиях научно-технической революции (социальные аспекты) // Социологические исследования. 1974. № 1. С. 33–40.
- Болотин И.С., Козлова О.Н. Социология и образование // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 93–104.
- Буланова М.Б. Социологическое образование в России (1960-е годы – настоящее время) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 14–25.
- Вишневецкий Ю.Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х гг. // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56–69.
- Грудзинский А.О. Университет как предпринимательская организация // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 113–121.
- Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российское образование для инновационной экономики: «болевы точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48.
- Добрускин М.Е. Социально-психологический портрет вузовского педагога // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 137–141.
- Зборовский Г.Е. Образование: научные подходы к исследованию // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 21–29.
- Зиятдинова Ф.Г. Образование и наука в трансформирующемся обществе // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 66–71.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 78–90.
- Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49–56.
- Ключарев Г.А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 51–59.
- Ключарев Г.А., Тюрина И.О. Болонский процесс: успехи и сомнения // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 84–93.
- Константиновский Д.Л. Размышления о социологии образования // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 117–124.
- Кораблева Г.Б. Об институциональном подходе к исследованию связи профессии и образования // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 48–51.
- Костенко В.В., Яковлев Г.А. Состав авторов журнала «Социологические исследования», 1975–1982 гг. // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 123–130.
- Лапин Н.И., Осадчая Г.И., Ядов В.А. Опыт интеграции социологического образования в вузе в научных исследованиях // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 106–111.
- Леонтьева Э.О. Образование с изнанки: опыт пилотажного исследования «теневых» отношений в вузе // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 121–130.
- Лисовский В.Т. Принципы и критерии типологизации современного советского студенчества // Социологические исследования. 1980. № 3. С. 130–139.
- Нечаев В.Я. Новые подходы в социологии образования // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 84–91.

- О перспективах дальнейшего развития социологического образования в СССР // Социологические исследования. 1978. № 4. С. 183–186.
- Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 105–110.
- Радаев В.А. Мнения экспертов о высшем образовании // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 51–52.
- Розов Н.С. О моделях университета в современной России // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 71–75.
- Рубина Л.Я. Жизненные планы студенчества // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 128–135.
- Руткевич М.Н. Изменение социальной роли общеобразовательной школы в России // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 3–17; № 12. С. 58–70.
- Руткевич М.Н. Реформа образования, потребности общества, молодежь // Социологические исследования. 1984. № 4. С. 19–28.
- Саралиева З.Х.-М., Балабанов С.С. Воспроизводство научно-педагогических кадров // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 110–120.
- Сиверцева Н.А. Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 70–75.
- Смолин О.Н., Комаров А.Е. Стратегии образования: различия позиций депутатских объединений ГД // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 107–112.
- Социологические проблемы воспитания и обучения («круглый стол» журнала «Социологические исследования» и Академии педагогических наук СССР) // Социологические исследования. 1979. № 3. С. 53–74.
- Татарова Г.Г. Методологическая культура в контексте социологического образования // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 32–41.
- Тощенко Ж.Т. Чему учить социолога и с чего начинать // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 54–61.
- Филиппов Ф.Р. Роль высшей школы в изменении социальной структуры советского общества (итоги Всесоюзного исследования) // Социологические исследования. 1977. № 2. С. 42–51.
- Филиппов Ф.Р. Социологические проблемы образования в СССР // Социологические исследования. 1974. № 2. С. 15–24.
- Харчева В.Г., Шереги Ф.Э. Высшая школа в зеркале социологии // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 41–51.
- Шевченко И.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 117–123.
- Шереги Ф.Э., Кириллов А.В. Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 87–98.
- Шереги Ф.Э., Харчева В.Г. Социальные проблемы вузовской науки // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 76–81.

Статья поступила: 20.04.24. Финальная версия: 26.07.24. Принята к публикации: 29.07.24.

PROBLEMS OF EDUCATION ON THE PAGES OF THE SOCIS MAGAZINE

ZBOROVSKY G.E.

Ural Federal University, Russia

Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Research Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (garoldzborovsky@gmail.com).

Abstract. The article discusses the issues of publication activity of the journal «Socis» on education issues over 50 years of its work. The periodization of the journal's publishing activities on education issues is proposed. Its four periods are characterized: 1974–1989, 1990–2000, 2001–2010, 2011–2024. The article reveals the growth trend of the journal's publication activity on education issues over the past half century. The process of formation of the author's asset on the problems of education, which includes the leading sociologists of the USSR and Russia, is shown. At the first stage, a system of “educational” headings is being formed, the publications of which reflected the constitution of the sociology of education as a branch of knowledge, its interaction with the sciences of education, “ideological” dependence on the position of the party leadership, as well as interest in school and vocational education in the country. The specifics of the publications of the second period, characterized by an interest in higher and sociological education, and in the methodology of studying educational problems, are revealed. The journal articles of the third stage reflect the expansion of research areas of education of different types and levels, as well as the dominance of the problems of higher education and university communities. The specificity of the fourth stage is revealed – an appeal to acute discussions about the fate of Russian education in the context of institutional reforms, social, economic and political challenges, and the connection of education with other subsystems of society.

Keywords: education, sociology of education, journal headings, sociological education, periodization of publishing and publication activity of the journal, historical and sociological analysis, periodization of the sociology of education.

REFERENCES

- Afanasyev V.G. (1974) Training and education in the conditions of the scientific and technical revolution (social aspects). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 33–40. (In Russ.)
- Bolotin I.S., Kozlova O.N. (1997) Sociology and education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 93–104. (In Russ.)
- Bulanova M.B. (2008) Sociological education in Russia (1960s – present). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 14–25. (In Russ.)
- Dezhina I.G., Klyucharev G.A. (2018) Russian education for the innovative economy: «pain points». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 40–48. (In Russ.)
- Dobruskin M.E. (1995) Socio-psychological portrait of a university teacher. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 137–141. (In Russ.)
- Filippov F.R. (1974) Sociological problems of education in the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 15–24. (In Russ.)
- Filippov F.R. (1977) The role of higher education in changing the social structure of Soviet society (results of the All-Union research). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 42–51. (In Russ.)
- Grudzinsky A.O. (2003) University as an entrepreneurial organization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 113–121. (In Russ.)
- Kharcheva V.G., Sheregi F.E. (1994) Higher school in the mirror of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 41–51. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2015) «Gap» of education and the labor market: opinions of experts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 49–56. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2020) On the training of engineering personnel for high-tech industries (employers' view). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 51–59. (In Russ.)
- Klyucharev G.A., Tyurina I.O. (2023) The Bologna process: successes and doubts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 84–93. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (2008) Reflections on the sociology of education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 117–124. (In Russ.)

- Korableva G.B. (2000) On the institutional approach to the study of the relationship between profession and education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 48–51. (In Russ.)
- Kostenko V.V., Yakovlev G.A. (2014) The composition of the authors of the journal «Sociological Research», 1975–1982. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 123–130. (In Russ.)
- Lapin N.I., Osadchaya G.I., Yadov V.A. (2002) The experience of integrating sociological education in higher education in scientific research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 106–111. (In Russ.)
- Leontieva E.O. (2004) Education from the inside out: the experience of a pilot study of «shadow» relations at a university. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 121–130. (In Russ.)
- Lisovsky V.T. (1980) Principles and criteria of typologization of modern Soviet students. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 130–139. (In Russ.)
- Nechaev V. Ya. (1999) New approaches in the sociology of education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 84–91. (In Russ.)
- On the prospects for further development of sociological education in the USSR (1978). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 183–186. (In Russ.)
- Osipov A.M., Ivanov S.V. (2004) University as a regional corporation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 105–110. (In Russ.)
- Radaev V.A. (1994) Opinions of experts on higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 51–52. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2007) On university models in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 71–75. (In Russ.)
- Rubina L. Ya. (1978) Life plans of students. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 128–135. (In Russ.)
- Rutkevich M.N. (1984) Educational reform, the needs of society, youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 19–28. (In Russ.)
- Rutkevich M.N. (1996) Changing the social role of secondary schools in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–17; No. 12: 58–70. (In Russ.)
- Saralieva Z.H.-M., Balabanov S.S. (2002) Reproduction of scientific and pedagogical personnel. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 110–120. (In Russ.)
- Sheregi F.E., Kharcheva V.G. (1996) Social problems of university science. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 76–81. (In Russ.)
- Sheregi F.E., Kirillov A.V. (2017) The work of a university teacher: creativity or «survival»? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 87–98. (In Russ.)
- Shevchenko I.O., Gavrillov A.A. (2005) On shadow economic relations in the field of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 117–123. (In Russ.)
- Sivertseva N.A. (1994) Higher School of Russia: features of the post-revolutionary reform. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 70–75. (In Russ.)
- Smolin O.N., Komarov A.E. (2003) Strategies of education: differences in the positions of deputy associations of the State Duma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 107–112. (In Russ.)
- Sociological problems of education and training («round table» of the journal «Sociological Research» and the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR) (1979). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 53–74. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2000) Methodological culture in the context of sociological education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 32–41. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (2008) What to teach a sociologist and where to start. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 54–61. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. Time of acme. Sociological research is 40 years old (2014). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–7. (In Russ.)
- Vishnevsky Yu.R., Rubina L. Ya. (1997) The social appearance of the students of the 90s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 56–69. (In Russ.)
- Zborovsky G.E. (2000) Education: scientific approaches to research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 21–29. (In Russ.)
- Ziyatdinova F.G. (1998) Education and science in a transforming society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 66–71. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprova V.I. (2013) Sociocultural mechanism of formation of youth's attitude to education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 78–90. (In Russ.)

С.Я. СУЩИЙ

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ФОКУСЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ И РАКУРСОВ (1990–2020-е гг.)

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В статье изучены основные направления социологических исследований русского населения ближнего зарубежья, установлена количественная, тематическая динамика, географические приоритеты публикаций, посвященных данному проблемному комплексу. Выявлено смещение публикационной активности от крупных форм (авторские и коллективные монографии, сборники статей) к научной периодике, количественный пик которой пришелся на вторую половину 2000-х гг. Из ведущих российских социологических журналов максимальное внимание проблематике зарубеж-ных русских уделял журнал «Социологические исследования», на который пришлось более 40% всего проанализированного массива публикаций (около 200 названий). Про-фессиональное сообщество, первоначально состоявшее почти исключительно из ис-следователей московских академических структур, постепенно расширялось, включая специалистов из Санкт-Петербурга и самих постсоветских стран. С конца 2000-х гг. су-щественно вырастает активность ученых из российских регионов. В содержательном разрезе происходила постепенная тематическая детализация исследований, смещение к более частным ракурсам и узким группам анализируемого русского населения. В тер-риториальном плане интерес этносоциологов распределялся крайне неравномерно – ¼ всех публикаций было посвящено русским четырех стран (Казахстана, Эстонии, Лат-вии, Украины). При этом русские общины Южного Кавказа, Таджикистана, Туркмении практически выпали из исследовательского фокуса, притом что их адаптация к новым условиям функционирования была весьма сложной.

Ключевые слова: ближнее зарубежье • русское население • тематика и география исследований • публикационная активность • профессиональное сообщество

DOI: 10.31857/S0132162524070119

Русское население ближнего зарубежья (далее – БЗ) попадает в исследовательский фокус российских исследователей практически с момента распада Советского Союза. Что закономерно – появление огромной (более 25 млн чел.) демографической группы «зару-бежных» русских сделало русский вопрос одним из центральных в актуальной повестке отечественной социологии. Тем более что уже с середины 1980-х гг., по мере роста кризис-ных явлений в сфере межнациональных взаимодействий СССР, возрастал интерес специа-листов к русскому населению союзных республик. И ряд этносоциологических разработок первых постсоветских лет фактически продолжил исследования предыдущего периода¹.

Формы публикационной активности исследований русского населения БЗ, ее основные «площадки» в научной периодике. Об интенсивности исследовательского интереса свидетельствует само количество крупных авторских и коллективных работ,

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-28-00974.

¹ Показательна в этом отношении первая постсоветская коллективная монография о русских, вышедшая в 1992 г., но обобщающая результаты исследований, выполненных в последние годы функционирования СССР [Русские..., 1992].

фиксирующих трансформацию этнополитического и правового статуса русских в новых государствах; позиции в социально-экономической и социокультурной сферах; масштабы оттока и миграционные настроения, динамику гражданской и национальной идентичностей. В первую постсоветскую пятилетку (1992–1996) выходит более 15 монографий и сборников статей, посвященных данной проблематике [Савоскул, 2001: 32].

Значимой публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится в 1990-е гг. и научная периодика. Для выяснения общего вклада и уровня включенности в данную проблематику отдельных изданий нами были проанализированы публикации 1990–2020-х гг. группы высокорейтинговых российских социологических журналов, в которую помимо «Социологических исследований» (далее – СоЦис) вошли «Мир России. Социология. Этнология», «Социологический журнал», «Социологическое обозрение» (далее – СО), «Журнал социологии и социальной антропологии» (далее – ЖССА), «Журнал исследований социальной политики» (далее – ЖИСП), «Народонаселение». В данную группу были также включены «Этнографическое обозрение» (далее – ЭО) и «Дiasпоры» – журналы, активно публиковавшие статьи социоэтнологической направленности.

Было также учтено некоторое число статей, вышедших в других российских периодических изданиях. Критерием отбора являлось присутствие публикации в списке литературы хотя бы одной из отобранных статей восьми указанных журналов. В общей сложности было зафиксировано 195 статей, вышедших в 1992–2023 гг., из которых 162 были непосредственно посвящены анализу различных аспектов жизнедеятельности русского населения БЗ, еще в 33 публикациях проблематика русских являлась одним из значимых элементов содержания. К указанным журналам относились 148 статей, 47 публикаций вышли в других изданиях (табл. 1).

Анализ уровня включенности в данную тематику отдельных изданий обнаружил безусловную доминанту СоЦиса, в котором вышло 79 статей (в т.ч. 61 акцентированная на русской тематике) – более 40% всех учтенных публикаций. Для других социологических

Таблица 1

Проблематика русских БЗ в российской научной периодике, 1992–2023 гг.
(число публикаций)

Журналы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	Итого (1992–2023)
«Социологические исследования»	16* (15/1)**	15 (14/1)	23 (16/7)	10 (5/5)	11 (7/4)	4 (4/–)	79 (61/18)
«Этнографическое обозрение»	4 (4/–)	1 (–/1)	12 (12/–)	2 (1/1)	6 (4/2)	3 (2/1)	28 (23/5)
«Дiasпоры»	5 (3/2)	5 (5/–)	10 (10/–)	–	–	–	20 (18/2)
«Мир России. Социология. Этнология»	3 (2/1)	2 (2/–)	1 (1/–)	2 (2/–)	–	1 (–/1)	9 (9/2)
«Народонаселение»	–	1 (1/–)	1 (–/1)	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	5 (4/1)
«Журнал социологии и социальной антропологии»	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	–	–	–	3 (3/–)
«Социологический журнал»	3 (1/2)	1 (–/1)	–	–	–	–	4 (1/3)
Другие журналы	10 (9/1)	5 (5/–)	11 (10/1)	14 (14/–)	7 (7/–)	–	47 (45/2)
Всего	42(35/7)	31 (28/3)	59 (50/9)	29 (23/6)	25 (19/6)	9 (7/2)	195 (162/33)

Примечания. *Общее число статей. **В числителе число статей, непосредственно сосредоточенных на проблематике русских БЗ, в знаменателе – публикации, в которых «русская тема» являлась одним из важных элементов содержания.

журналов такие статьи были скорее исключением (3–9 публикаций), а в СО и ЖИСП они просто отсутствовали.

Многочисленный перевес СоцИса требует хотя бы краткой разъяснительной ремарки. Как представляется, дело не в повышенном внимании редакции журнала к проблематике русских БЗ. При всей важности данная тема представляла только отдельный кейс в рамках этносоциологии, которая, в свою очередь, являлась одним из множества тематических разделов журнала, охватывающих основные области современного социологического знания². Но следуют принять во внимание общие масштабы контента, публикуемого в анализируемых журналах. СоцИс единственный из них представляет ежемесячное издание (за вычетом критики, рецензий и информации о научных мероприятиях 12–15 статей в номере, 215 за год). Остальные социологические журналы ежеквартальные (7–10 статей в номере или 30–40 за год). При всем желании они не могли конкурировать с СоцИсом, если не по фронтальности интереса к социальной действительности, то по способности детально представлять результаты исследовательского поиска по каждому из крупных «рукавов» современного социологического знания³.

И основными «соперниками» СоцИса в анализируемой тематической области были ЭО и «Дiasпоры» (соответственно 28 и 20 статей). Отметим, однако, существенно иную публикационную стратегию, реализуемую в этих двух изданиях (прежде всего в ЭО). Если устойчивый интерес СоцИса к тематике русских БЗ выражался в достаточно равномерной издательской активности (2–3 статьи в год на протяжении всего постсоветского периода), то ЭО и «Дiasпоры» предпочитали публиковать такие статьи в рамках тематически специализированных номеров, в остальное время почти «забывая» о данной теме⁴. Иными словами, СоцИс на протяжении 1990–2020-х гг. уделял внимание проблемному комплексу русских БЗ фактически в режиме мониторинга. Тогда как ЭО и «Дiasпоры» осуществляли своего рода спорадические экспертные «замеры» этой тематики.

Таблица 2

Содержательное разнообразие публикаций
(число крупных тематических разделов)*

Журналы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
«Социологические исследования»	6	7	6	3	5	3	8
«Этнографическое обозрение»	2	1	4	1	3	3	7
«Дiasпоры»	2	4	4	–	–	–	6
«Мир России»	1	2	1	–	–	–	3

Примечание. *В целом было выделено 8 разделов. Подробнее о содержательной группировке в следующем параграфе.

² Справедливости ради оговорим, что публикации, посвященные русским БЗ, появлялись и в ряде других разделов СоцИса (в т.ч. в рубриках «Демография. Миграция», «Политическая социология», «Экономическая социология», «Историческая социология», «Социология семьи» и даже в «Социология права. Девиантное поведение»).

³ Иными словами, анализ активности ведущих российских социологических журналов в освещении любых других тематических блоков социологии с большой вероятностью обнаружит сходное количественное соотношение контента. Укажем только, что по нашим расчетам за 1992–2023 гг. в СоцИсе было опубликовано более 6,5 тыс. статей, в «Мире России...» около 900, в «Социологическом журнале» – 920, в «Социологическом обозрении» – за 2001–2023 гг. около 1050.

⁴ Из 28 статей, посвященных теме русских в БЗ ЭО и вышедших за весь постсоветский период 17 разместились в двух номерах (№ 2, 2008 г., № 5, 2017 г.). В журнале «Дiasпоры» 13 из 18 таких статей пришлось на пять номеров.

В целом данные публикационные стратегии дополняли друг друга, способствуя лучшему осмыслению процессов, происходящих с русским населением постсоветского пространства. Однако нельзя не отметить, что подход, реализуемый СоцИсом, создавал более детальную и стереоскопическую социологическую картину жизнедеятельности русского населения БЗ. Об этом, в частности, свидетельствует сохранявшееся на протяжении всего постсоветского периода тематическое разнообразие его публикаций, существенно превосходящее аналогичный показатель у ЭО и «Дiasпоры»⁵ (табл. 2).

Количественная динамика и тематическая специализация публикаций, посвященных русским БЗ. Первая половина 1990-х гг., повторимся, была отмечена выходом значительного числа монографий и сборников статей, исследующих проблематику русского населения БЗ. Сохраняется эта тенденция и в последующие годы. В 1996–2001 гг. появляется более 10 крупных работ, из которых можно выделить монографию С.С. Савоскула, обобщающее исследование этнополитического, социально-экономического, социокультурного положения русских во всех государствах БЗ; их взаимоотношения с титульными нациями, позиций во властных структурах и статусных профессиональных сообществах, миграционных настроений [Савоскул, 2001].

Но рубеж веков становится своего рода временной чертой, завершающей период повышенного интереса отечественного научного и экспертного сообщества к русской проблематике БЗ. Снижению исследовательской активности способствовало завершение процесса стремительной геодемографической динамики русских общин. Период масштабного миграционного оттока русских в Россию во всех странах БЗ заканчивается к 1995–1997 гг. К концу 1990-х гг. стабилизируются системные позиции русского населения каждой из постсоветских стран, приобретает известную устойчивость его новый статус, положение в общественно-политической, экономической и социокультурной сферах.

Существенным было и то, что ни в одной из постсоветских стран русские не продемонстрировали значительных способностей к самоорганизации для эффективной защиты своих политических, социально-экономических, культурно-языковых интересов и прав. А наиболее россиецентричная часть, максимально подходившая на роль ядра в этноконсолидационном процессе, предпочла такой организационной деятельности выезд в Россию. Данное обстоятельство не только сократило комплексный потенциал русских общин, но и позволило существенно снизить потенциальную конфликтогенность русского вопроса на всем постсоветском пространстве. Стало очевидно, что латентная протестность русского населения, несмотря на его все еще значительный демографический вес, не способна стать основой для масштабных сепарационных движений.

В публикационной сфере определенное снижение исследовательского интереса к русским на постсоветском пространстве находит выражение в резком сокращении числа крупноформатных работ. Если в 1990-е гг. их количество в целом было сопоставимо с потоком журнальных публикаций (около 30 и 40 соответственно), то в 2000-е гг. монографии и сборники статей уже «штучный продукт» и основной публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится научная периодика (90 статей).

Не изменяется это положение и в дальнейшем. Хотя растущая временная протяженность постсоветского периода стимулировала потребность к обобщению уже аккумулированного разнообразного материала. На рубеже – в начале 2010-х гг. появляется ряд крупных работ, подводящих итоги 20-летнего развития русского населения на всем постсоветском пространстве и в отдельных его странах/субрегионах. Отметим коллективное исследование: «Русские: этносоциологические очерки» [Русские..., 2012] и фундаментальную монографию А.Л. Арефьева, посвященную статусным позициям и широте распространения за пределами России (в т.ч. в каждой из стран БЗ) русского языка;

⁵ О тематическом разнообразии публикаций СоцИса на тему «русских» в БЗ свидетельствует даже тот факт, что в нем вышло 9 из 11 статей, вследствие своей содержательной специфики, не нашедших места в 8 разделах выполненной группировки и помещенных в «Другие темы».

учебно-образовательной, социокультурной и информационной инфраструктуры русского мира [Арефьев, 2012].

Из обобщающих работ, посвященных русским общинам отдельных постсоветских стран, выделим исследование этносоциологической динамики русских Молдовы [Остапенко и др., 2012] и ряд коллективных сборников, исследующих положение этнических меньшинств Балтии (большая часть материалов этих изданий посвящена русским макро-региона) [Этническая политика..., 2009; Проблема прав..., 2009].

Появляются отдельные крупные исследования и в последующие годы. Что, однако, не отменяло сохранения самой значимой (если не центральной) роли научных журналов в изучении проблематики русского населения постсоветского пространства (более 60 публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг.).

Для изучения содержательной структуры и тематической динамики данной периодики нами было выделено восемь крупных блоков изучения проблемного комплекса русских БЗ. Заметим, что детальная содержательная группировка публикаций представляет большую сложность. Более или менее отчетливо в отдельную группу выделяются статьи, связанные с анализом демографических и/или миграционных процессов. Большинство других публикаций содержательно захватывает несколько аспектов жизнедеятельности русских БЗ. Приходится выделять центральное ядро статьи, позволяющие отнести ее к определенной тематической «делянке». Но такая операция неотделима от предпочтений ее совершающего и неизбежно несет элемент авторского субъективизма.

Тем не менее выполненная группировка позволила зафиксировать общую тематическую структуру журнальных публикаций и происходившее во времени смещение исследовательского интереса по отдельным граням проблемного комплекса русских БЗ (табл. 3).

В 1990-е гг. в периодике отчетливо доминировали два тематических блока. Больше трети статей (35,7%) было сосредоточено на комплексном анализе процессов, протекавших в русских общинах всего постсоветского пространства, теоретическом осмыслении текущего состояния и дальнейших перспектив этого населения. Таким образом, изучение общих аспектов жизнедеятельности всего русского БЗ доминировало над исследованиями социальной конкретики, особенностей характерных для русских в отдельных

Таблица 3

Предметное поле российской научной периодики По проблемам русского населения БЗ, 1990–2020-е гг.

Тематические разделы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
Демография, миграция, система расселения	15	8	6	5	10	2	46
Социально-экономические и социопрофессиональные аспекты, «русский бизнес»	2	3	2	–	–	–	7
Социально-политические, этнополитические проблемы	4	–	7	4	3	–	18
Социокультурная, культурно-языковая, конфессиональная проблематика	–	3	7	2	1	1	14
Идентификационная и этноментальная динамика	3	3	10	2	1	2	21
Этносоциокультурные взаимодействия, межнациональные конфликты	2	7	5	4	1	–	19
Межнациональная брачность, ассимиляционная динамика	1	–	–	1	2	2	6
Комплексные, теоретико-концептуальные исследования	15	6	18	7	5	2	53
Другие темы	–	1	4	4	2	–	11

постсоветских странах. Оговорим, что такие «частные» исследования начали появляться уже в первой половине 1990-х гг. [Савин, 1996; Тишков, 1993]. Но до конца десятилетия они оставались единичными в потоке научной периодики.

Еще треть журнальных публикаций в 1990-е гг. анализировала демографо-миграционные процессы, содержащих в данный период много сходных черт у русского населения всего БЗ (масштабный отток в Россию, резкое ухудшение воспроизводственных показателей, трансформация идентичности у части смешанного населения). Как результат, все 15 статей, зафиксированных в этом разделе, изучали ситуацию в формате всего постсоветского пространства.

Значимой вехой в содержательной динамике научной периодики оказывается рубеж веков. Начало XXI в. проходит под знаком перехода исследователей русского БЗ от «общего к конкретному», как в пространственной фокусировке, так и в содержательном аспекте. Только в четырех статьях из 31 публикации 2001–2005 гг. (12,9%) анализируется русское население БЗ «в целом» (в 1990-е гг. этот показатель составлял 69%).

Почти вдвое (с 35,6 до 19,4%) сокращается доля комплексных/теоретических статей. Параллельно снижается интерес к демографо-миграционной тематике. Но происходит это поступательно (удельный вес таких публикаций сокращается с 25,8% в 2001–2005 гг. до 10,2% в 2006–2010-е гг.). В первой половине 2000-х гг. определенная активность на данном направлении поддерживается изучением первых постсоветских переписей населения прошедших в странах БЗ в 1999–2004 гг., сравнением их результатов с предыдущими расчетными оценками, с данными текущего демографического учета и миграционных служб постсоветских государств. Что, в частности, позволяет уточнить размеры миграционного оттока русских из ряда стран БЗ (Латвии, Казахстана и др.), а также констатировать значительные ассимиляционные потери некоторых русских общин (прежде всего на Украине, «потерявшей» между переписями 1989 и 2001 гг. около трех миллионов своего русского населения) [Митрофанова, 2017].

В целом же, внимание исследователей все больше фокусируется на широкой этносоциокультурной проблематике русских, включающей культурно-языковые, социоментальные, этноидентификационные, коммуникационные аспекты. Группируя публикации, мы разнесли этот проблемный комплекс на три тематических раздела. В действительности отнесение к одному из них для значительного числа статей было достаточно условным, поскольку содержательно они включали аспекты всех трех. В известной мере эти разделы можно рассматривать в качестве одного большого направления, которое с начала XXI в. становится центральным в изучении русского населения БЗ. По крайней мере, по показателю публикационной активности. Как в первой, так и во второй половине 2000-х гг. на него приходится около 40% всех журнальных статей (см. табл. 3).

Но вторая половина «нулевых» и время пиковой активности научной периодики, посвященной русским БЗ (около 60 статей). Что отчасти было связано с обсуждением социологами итогов 15–20-летнего пути, пройденного русскими БЗ по комплексной адаптации к новым условиям жизнедеятельности, фиксацией сложившейся колеи и векторов, по которым должно пойти дальнейшее развитие русских общин⁶.

Несмотря на то что основная часть русского населения БЗ к концу 2000-х гг. фактически смирилась с потерей былых статусных позиций и была ориентирована на дальнейшую адаптацию, большинство авторов (в т.ч. специалисты из стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья), скорее обнаружило транзитную ситуацию и/или новую точку неопределенности, чреватую сменой уже сложившихся векторов интеграционной динамики русского населения целого ряда стран БЗ (в т.ч. Украины, Казахстана и Средней Азии) [Алексеев, 2008; Мальгин, 2008; Мукомель, 2008].

⁶ Что снова повысило долю теоретико-комплексных статей в общем потоке журнальных публикаций – в 2006–2010 гг. она превысила 30%.

И в целом, исследования обнаруживали самую широкую вариативность жизненных стратегии русских в разных странах/макрорегионах БЗ, с которой напрямую коррелировали масштабы и направления их этнопсихологической, социоментальной, социокультурной динамики; подвижки в соотношении этнонациональной, гражданской (политической), локальной идентичностей [Апине, 2006; Савин, 2010; Савоскул, 2008]. Эта вариативность практически исключала возможность определения «общесистемного» вектора трансформации всего русского населения БЗ. А разнообразие ситуаций, фиксируемых в отдельных территориальных группах и сферах жизнедеятельности русских общин, нуждалась в постоянном мониторинге.

Пиковая интенсивность обсуждения проблемного комплекса русских БЗ в конце 2000-х гг. стала одной из причин определенного спада исследовательского интереса к этой тематике в последующие годы. Число посвященных ей публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг. заметно сокращается⁷. Однако тенденции, характерные для предыдущего периода, в т.ч. фокусировка на «частных» ракурсах и социальной конкретике русского населения отдельных стран/макрорегионов БЗ, сохранялись в полной мере. Исследовались этноментальные и социопсихологические особенности разных территориальных и социодемографических групп русских, их социальное самочувствие, специфика межэтнической коммуникации с титульными народами и русскоязычными диаспорами, социально-политические и культурно-языковые проблемы.

Проведение в 2009–2014 гг. в большинстве стран БЗ вторых переписей населения вновь активизирует геодемографическое направление научного поиска (более четверти статей, вышедших в 2010-е гг.). Результаты переписей и данные текущего учета позволяют исследователям сделать вывод о значимой (в ряде стран БЗ, центральной) роли ассимиляционного фактора в демографических потерях русского населения. Данное обстоятельство, в свою очередь, активизирует изучение комплекса воспроизводственных процессов. Исследуется динамика межнациональной брачности русских, национальная структура их основных брачных партнеров; варианты самоидентификации смешанного потомства и удельный вес биэтнофоров в составе русского населения [Митрофанова, 2017; Суций, 2020].

Наиболее активно в этом направлении изучались русские общины стран Балтии, Молдовы, Казахстана. Очень высокие уровни межнациональной брачности фиксировались у русского населения Литвы и Молдовы, в несколько меньшей степени – Латвии [Апине, 2006; Мазур, 2012; Остапенко, 2012]. Заметное усложнение идентификационного комплекса у русских Балтии, в различных соотношениях сочетавших этническую русскую, региональную балтийскую и европейскую социокультурную компоненты, позволило отдельным исследователям еще в 2000-е гг. предположить формирование в этом постсоветском макрорегионе нового субэтнуса – «еврорусских»⁸ [Симонян, 2004].

В целом этносоциологами было обнаружено несколько сценариев социокультурной, языковой и воспроизводственно-ассимиляционной динамики русских БЗ. В одном варианте значительная часть русского населения ориентировалась на комплексную интеграцию в основные сферы жизнедеятельности своих стран, быстро осваивала государственный язык, демонстрировала активную брачность с представителями титульного народа и массовый отказ смешанным потомством таких семей от русской идентичности (Молдова, Литва) [Мазур, 2012; Остапенко, 2012]. Но ориентация на социально-экономическую интеграцию, высокий уровень владения «титульным» языком молодыми поколениями русских могли и не сопровождаться активной аккультурацией и стремлением к ускоренной

⁷ Причем нисходящая динамика фиксировалась и внутри самого этого периода – среднегодовое число статей сократилось с 5–6 в первой половине 2010-х гг. до 2–3 в начале 2020-х гг.

⁸ Заметим, что это предположение не было поддержано научным сообществом, включая исследователей из самих стран Балтии, детально анализировавших структуру идентичностей местного русского населения (в т.ч. разных возрастных поколений, социопрофессиональных групп, территориального генезиса) [Апине, 2006; Матулионис, Фреюте-Ракаускаене, 2014].

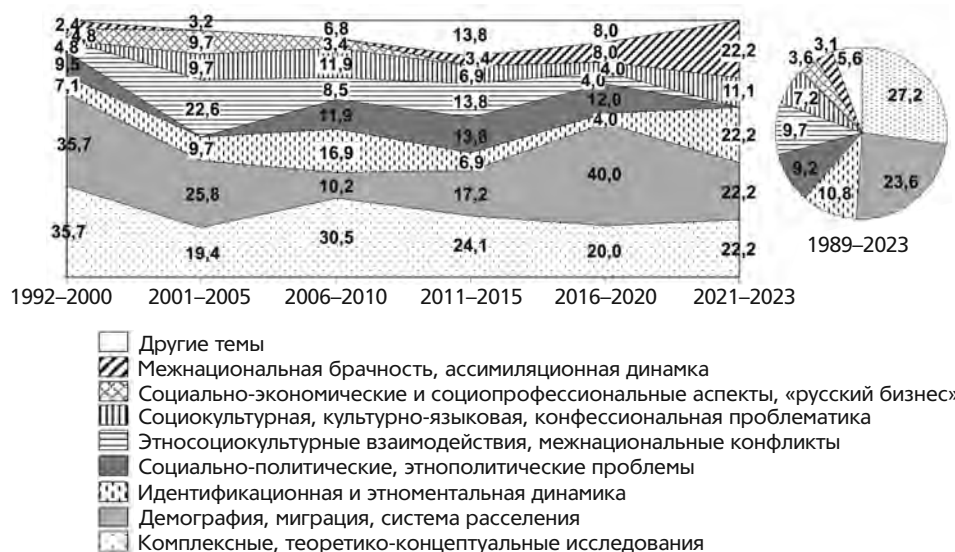

Рис. Динамика тематической структуры журнальных публикаций, посвященных проблемам русских БЗ, 1990–2020-е гг. (%)

ассимиляции (сценарий русских общин Латвии, Эстонии, отчасти Беларуси и Украины) [Волков, 2012; Волков, Полещук 2019].

В двух южных макрорегионах БЗ (Южный Кавказ и Центральная Азия) русские демонстрировали достаточно высокую устойчивость по отношению к социоэтноментальному и культурно-языковому давлению внешней этнокультурной среды [Савин, 2010; Суций, 2022; Цыряпкина, 2015]. При этом масштабная миграционная убыль 1990–2000-х гг. обусловила быстрый демографический закат русских общин в ряде стран (Армения, Грузия, Таджикистан, Туркмения, отчасти Азербайджан). А в странах, сохранивших значительную численность русского населения, оно, не замыкаясь в себе, к началу XXI в. оформилось в качестве самостоятельного полюса этнокультурного притяжения, ассимилирующего русскоязычные меньшинства своих стран (Казахстан, Киргизия, Узбекистан) [Суций, 2022].

На всем протяжении постсоветского периода в центральной зоне этого интереса присутствуют теоретический дискурс, обсуждение общих адаптационных стратегий и возможных перспектив развития, а также особенности геодемографической и миграционной динамики (в общей сложности более половины изученного массива публикаций) (рис.).

Не выпадала из поля зрения специалистов и тематика, связанная с этносоциокультурной, культурно-языковой, идентификационной, этнопсихологической динамикой русского населения (18%). В последние 5–10 лет заметно вырос интерес к проблемам межнациональной брачности русских. Однако почти все эти публикации относятся к русской общине Казахстана, хотя актуальность темы в настоящее время высока для большинства стран БЗ.

Нельзя не отметить явный дефицит работ, детально исследующих социопрофессиональные ниши и экономические специализации русского населения, его позиции в элитных и массовых профессиональных сообществах своих стран. Такие публикации оставались единичными в 1990–2000-е гг., а в дальнейшем практически исчезли из научной периодики (см. табл. 3). Что отчасти могло объясняться практической сложностью

развернутого анализа этой темы, отсутствием статистики о национальной структуре работников основных сфер социально-экономической деятельности стран БЗ⁹.

Географические аспекты исследовательского интереса (по массиву журнальных публикаций). Анализ географии специалистов занятых проблематикой русских БЗ обнаруживает ее существенную трансформацию во времени. Центральным трендом, очевидно, можно считать постепенное расширение¹⁰. Если в первое постсоветское десятилетие профессиональное сообщество – это почти исключительно специалисты из московских научных структур (прежде всего академических: ИЭА РАН, отчасти из Института социологии РАН и др.), то с рубежа XXI в. к исследованиям русских БЗ все более активно подключаются ученые из Санкт-Петербурга и самих постсоветских стран, в первую очередь из Латвии, Эстонии, Казахстана.

Причем не только представлявшие русское/русскоязычное население данных стран, но и титульные национальные сообщества¹¹. Появляются работы, выполненные специалистами из научных и вузовских центров Украины (в т.ч. Днепропетровска, Мелитополя, Одессы, Симферополя). А в самой России с конца 2000-х гг. происходит все более отчетливое смещение исследовательской активности из столиц в регионы, фиксируемое по территориальной локации публикующихся ученых, представляющих множество российских центров (в т.ч. Барнаул, Калининград, Краснодар, Псков, Ростов-на-Дону).

Но куда большее значение имеет география самих исследований. Обнаруживается крайне неравномерное распределение внимания специалистов к проблематике русских различных стран и макрорегионов постсоветского пространства. Среди очевидных лидеров были страны Балтии (прежде всего Эстония и Латвия), а также Казахстан и Украина. Из 117 публикаций, посвященных русским общинам отдельных стран БЗ, 88 (75,2%) анализировали проблематику русского населения в четырех перечисленных (табл. 4). Отметим и устойчивость этой группы (за исключением Украины), привлекавшей максимальное внимание исследователей на протяжении всего постсоветского периода.

При этом в 1990–2020-е гг. не появилось статей о русских Туркмении, Таджикистана, Азербайджана. Единичные публикации были посвящены русским общинам Беларуси, Грузии, Армении, Абхазии. Отчасти явный дефицит внимания к ним компенсировался «макро-региональными» статьями, анализировавшими положение русских в масштабе всей Средней Азии или Южного Кавказа. Но если первому макрорегиону было посвящено девять публикаций, то второму только две. В целом же и на уровне макрорегионов безусловное лидерство принадлежало русскому населению Балтии (18 статей)¹².

Причины столь значительного разбега исследовательского интереса к отдельным странам и макрорегионам БЗ множественны. Но фиксируется прямая корреляция между уровнем включенности проблемных аспектов жизнедеятельности русских общинам отдельных стран в российскую научную периодику и наличием в этих странах

⁹ Но в отдельных случаях не используются и реально существующие возможности. Например, размещенная на сайте Статистического управления Эстонии информация позволяет выполнить диахронное исследование позиций русских в экономике этой страны, сравнить уровень их зарплат, безработицы, других важных социально-экономических характеристик с показателями титульного сообщества.

¹⁰ В данном случае мы рассматриваем только русскоязычную его часть, оставляя в стороне исследователей из научных центров дальнего Зарубежья. Для последних была характерна обратная тенденция. После пикового всплеска в 1990-е гг., интерес к русским БЗ резко сократился, как и число специалистов, занятых данной проблематикой [Савоскул, 2008].

¹¹ Отметим, что мы анализируем только российскую научную периодику. Но как свидетельствуют списки источников в статьях «титульных» этносоциологов стран БЗ, публиковавшихся в российских журналах, тематика, связанная с русскими общинами, активно обсуждалась научными сообществами данных стран (см., напр.: [Матулионис, Фрейте-Ракаушене, 2014]).

¹² Отметим также крайне редкое обращение исследователей к сравнению русского населения из разных постсоветских макрорегионов или отдельных стран к ним относящимся. Причем все эти единичные публикации включали Казахстан и страны Балтии (чаще остальных Эстонию).

Таблица 4

**Число статей, посвященных русскому населению различных стран/макрорегионов БЗ,
1992–2023 гг.**

Страны и макрорегионы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
<i>Страны БЗ</i>							
Латвия	1	3	4	3	4	1	16
Литва	–	1	3	2	1	–	7
Эстония	2	6	11	2	3	–	24
Молдова	–	–	1	4	–	–	5
Казахстан	3	5	7	11	4	2	32
Киргизия	1	–	3	–	–	–	4
Таджикистан	–	–	–	–	–	–	0
Туркмения	–	–	–	–	–	–	0
Узбекистан	–	2	4	2	1	–	9
Украина	–	6	6	1	2	1	16
Беларусь	–	–	1	–	–	–	1
Грузия	–	–	1	–	1	–	2
Армения	–	–	–	–	–	1	1
Азербайджан	–	–	–	–	–	–	0
Абхазия	–	–	1	–	–	1	2
<i>Макрорегионы БЗ</i>							
Прибалтика	2	4	4	2	6	–	18
Средняя (Центральная) Азия	2	–	4	2	1	–	9
Южный Кавказ	1	–	–	–	1	–	2
БЗ в целом	29	4	7	2	5	2	49

исследовательских групп или отдельных специалистов, занятых данной проблематикой. Так, лидерство по числу журнальных публикаций Эстонии и Латвии в значительной степени являлось заслугой группы местных исследователей, из которых выделим В.В. Волкова и В.В. Полещука (соответственно семь и пять статей)¹³. Из 16 публикаций, посвященных русским Украины, девять были написаны исследователями, представлявшими ее и научные и вузовские центры. Аналогичная ситуация была и с русской общиной Казахстана, активно изучаемой собственными специалистами (А.Н. Алексеенко, И.С. Савин и др.).

Коррелировала активность изучения русских общин и с размером последних, их удельным весом в структуре местного населения. Украина и Казахстан на всем протяжении постсоветского периода оставались крупнейшими средоточиями русского населения за пределами России. Показательно в этом плане и то, что относительно небольшая русская община Литвы гораздо реже становилось объектом изучения, чем русские Латвии и Эстонии (соответственно 7, 16 и 24 статьи).

Но надо учитывать, что в ряде постсоветских стран (прежде всего на Южном Кавказе и в Средней Азии), фиксируемая уже к началу XXI в. малочисленность русских, являлась результатом их стремительной убыли в 1990-е гг., т.е. свидетельством очевидной проблемности процесса адаптации к новым условиям жизнедеятельности. В теории это обстоятельство должно было повышать к ним интерес специалистов, но в реальности

¹³ Речь только об их публикациях в анализируемом массиве журнальной периодики, помимо которых у данных авторов имелось множество статей в коллективных сборниках и разделы в монографиях, посвященных русским Балтии.

эти русские общины, как было сказано, почти полностью выпали из исследовательского фокуса российской этносоциологии.

Причем в отличие от Балтии или Казахстана в странах Южного Кавказа и Средней Азии (за исключением Узбекистана) не нашлось собственных исследователей проблематики местного русского населения. Что могло указывать на практически полную утрату позиций русского (и шире – русскоязычного) меньшинства в научных сообществах данных стран.

А динамика публикаций посвященным русским Украины свидетельствует, что уровень проблемности мог находиться в обратной корреляции с исследовательским интересом (12 статей в 2000-е гг. и только три в 2010-е). Причины данного явления нуждаются в самостоятельном изучении. Но три очевидны – с середины 2010-х гг. проведение социологических исследований на Украине для российских специалистов максимально усложняется. Параллельно данная проблематика постепенно табуируется и для украинских социологов. При этом часть исследователей обеих стран сознательно отстраняется от тематики, замыкающей на себе слишком много прямых и косвенных проекций нарастающего системного конфликта двух государств и обществ.

Но можно указать и прямо противоположный пример соотношения интереса и проблемности. Русская община Беларуси оказалась явно недоисследованной, как раз по причине своей внешней «беспроблемности»¹⁴. Действительно, Беларусь была единственной страной БЗ, в которой этноцентричные практики не использовались властью в процессе нациестроительства (по крайней мере, с начала президентства А.Г. Лукашенко в 1995 г.) [Савоскул, 2001].

Однако минимальная конфликтность русско-белорусского этнополитического и социокультурного взаимодействия не снимала проблемы устойчивого демографического воспроизводства русской общины страны. В 2000-е гг. темпы ее убыли были одними из самых высоких на постсоветском пространстве (–31,3%). В целом за 1989–2019 гг. численность русских в Беларуси сократилась почти вдвое (с 1,34 млн до 0,71 млн чел.). Изучение причин этого явления представляет интерес для понимания внутренних этнодемографических алгоритмов, определявших динамику русского населения даже в максимально комфортном для него иноэтническом окружении за пределами Российского государства.

Итак, значительный массив публикаций (несколько десятков монографий и сотни статей) свидетельствует о постоянном и значительном интересе исследователей к проблематике русского населения БЗ. Но территориальное распределение данного интереса на всем протяжении постсоветского периода оставалось крайне неравномерным и почти половина русских общин БЗ до сих пор минимально/слабо изучена российской этносоциологией.

Методы исследования. Как уже отмечалось, разработки начала 1990-х гг. в известной мере являлись продолжением исследований советского времени. Своей инерцией обладали и применяемые методы, в числе которых некоторое время сохранялись массовые опросы русского населения. К примеру, в 1992–1996 гг. группой С.С. Савоскула были проведены опросы в пяти странах БЗ (в Молдавии, Литве, Эстонии, Киргизии, на Украине – в общей сложности было опрошено около 5,3 тыс. человек) [Савоскул, 2001: 21]. Масштабные опросы в это время проводили и другие исследовательские группы (в т.ч. под руководством Ю.В. Арутюняна в Грузии, Н.М. Лебедевой в Азербайджане и Армении) [Грузия..., 1997; Лебедева, 1995].

Постсоветские переписи населения, которые начали проводиться в странах БЗ с конца 1990-х гг. (к настоящему времени в большинстве стран их состоялось уже по 2–3) дали достаточно детальную статистику по численности русского населения, его территориальному размещению и формам расселения. В отдельных случаях в результатах переписей присутствовала информация и о половозрастной структуре русских (в т.ч. в региональном разрезе). Ряд национальных комитетов статистики стран БЗ (в частности, Казахстана

¹⁴ Показательно, что для нее единственной не было сделано своего раздела в обстоятельной монографии С.С. Савоскула, посвященной русским всего БЗ [Савоскул, 2001].

и Киргизии) публиковал данные о показателях естественного воспроизводства русского населения. Эта обширная информационная база позволила в 2000–2010-е гг. исследователям включить в свою работу методы и подходы, принятые в демографии и социальной географии [Митрофанова, 2017; Суций, 2020].

Параллельно трансформировались структура и масштабы эмпирических исследований, проводимых российскими социологами. Финансово и трудозатратное анкетирование значительных групп русских БЗ (выборки размером в 600–1500 респондентов, как правило, представляющих разные региональные сообщества, городское и сельское население) постепенно сменяется значительно более камерной практикой экспертных опросов и интервьюирования отдельных целевых групп (этноактивистов, студенческой молодежи, представителей бизнеса). Более акцентированной на определенных аспектах социальной жизнедеятельности русских БЗ становится и тематика таких исследований¹⁵ [Матулионис, 2014; Цыряпкина, 2015].

Но существенно сократившись, не исчезает и практика «больших» опросов. Распространенной ее формой становится анкетирование студенческой молодежи в рамках совместных разработок российских специалистов с исследователями из вузов стран БЗ [Симонян, 2023]. Однако значительное число опросов русского (русскоязычного) населения в 2000–2010-е гг. проводилось уже самостоятельно специалистами постсоветских стран, прежде всего Балтии [Волков, 2012; Волков, Полещук, 2019].

Перспективы исследовательского поиска. Как свидетельствует динамика потока журнальных публикаций, интерес к русским БЗ в отечественной социологии начал сокращаться с конца 2000-х гг. (с 10–12 статей в год в 2006–2010-е гг. до 5–6 в 2010-е и 3–4 в 2020-е гг.). А крупноформатные исследования (монографии, сборники статей) становятся редким явлением с начала XXI века. Но, как представляется, существуют известные предпосылки для возвращения внимания специалистов к данной проблематике.

В 2019–2022 гг. в половине постсоветских стран были проведены очередные переписи населения, еще не ставшие предметом детального анализа. Даже поверхностное знакомство с их результатами обнаруживает тренды, которые нуждаются в более глубоком изучении. В частности, количественная динамика русских Латвии, Казахстана, Киргизии в 2010-е гг. указывает на утрату русскими общинами способности ассимилировать представителей русскоязычных диаспор. Более того, сравнительный количественный анализ русского населения и русскоязычных общин в этих странах, а также в Беларуси и Эстонии свидетельствует, что в последний межпереписной период часть смешанного населения, ранее самоопределявшегося в качестве русского стало выбирать другие компоненты своей этнической принадлежности.

Повторим, речь идет о периоде до начала СВО. Между тем с начала 2022 г. задача комплексного изучения особенностей демографического воспроизводства русского населения БЗ, его статусных позиций и этносоциокультурной динамики заметно актуализируется. Резкое обострение геостратегического противостояния России и коллективного Запада серьезно проблематизировало жизнедеятельность русских общин в ряде постсоветских стран, потребовало расширения адаптивных практик в условиях возросшего этнополитического прессинга, общественной россиебоязни и русофобии. Масштабы и характер этих практик заметно варьируют между странами, предполагая изучение и сравнительный анализ.

Самостоятельным кейсом, демонстрирующим максимальную актуальность, является комплексное изучение основных аспектов жизнедеятельности русских на Украине, вплоть до начала 2020-х гг. являвшихся крупнейшей территориальной группой русского народа за пределами Российской Федерации [Митрофанова, 2017]. Очевидно, что

¹⁵ Заметим, что они включались в инструментальную практику этносоциологов, изучающих русских БЗ уже в 1990-е гг., но только в XXI в. становятся распространенной формой прикладных исследований.

в существующих обстоятельствах речь не идет о составлении точной детальной картины происходящих процессов, но об аналитическом «прощупывании» масштабов и устойчивости фиксируемых трендов.

Существенно трансформировалось с начала 2022 г. миграционное движение русских между Россией и рядом других постсоветских стран. По экспертным оценкам, в течение 2022 г. в пределы БЗ переехало (чистый отток) порядка 0,5–1,0 млн граждан России [Zavadskaya, 2023], самую значительную часть которых составляли русские. Появление в постсоветском пространстве новой достаточно многочисленной группы русского населения актуализирует ряд социодемографических вопросов, в т.ч. предполагает анализ количественной и половозрастной структуры этой группы, особенностей ее пространственного распределения по странам и субрегионам БЗ; форм и интенсивности ее взаимодействия с титульными сообществами и русским старожильческим населением; оценку краткосрочных и более отдаленных демографических перспектив.

Особенно значимую роль такие исследования имеют для Грузии и Армении, в которых группа русских релокантов в 2022–2023 г. кратно превосходит размеры местных русских общин (в Грузии соответственно 45–50 тыс. и 18–20 тыс. чел, в Армении – 30–35 тыс. и 15 тыс.)¹⁶. При определенных обстоятельствах эта миграционная волна в состоянии существенно увеличить демографический потенциал русских общин, серьезно (если не кардинально) трансформировать их социодемографические характеристики.

Максимальное число релокантов оказалось в Казахстане (около 150 тыс. чел.). В силу значительной численности местного русского населения, потенциальное влияние на него этой миграционной волны может быть ограниченным. Но для отдельных территориальных групп казахстанских русских релоканты могут оказаться значимым фактором дальнейшей динамики, а значит, и объектом социологического исследования.

В целом за три постсоветских десятилетия численность русских БЗ сократилась в 2,2–2,5 раза (с 25,3 млн до 10,3–11,6 млн чел.) [Сущий, 2020: 10]. Но в пределах постсоветского пространства по-прежнему остаются многие миллионы людей, не просто говорящих и думающих на русском языке, но относящих себя к русскому народу, продолжающих оставаться его составной частью.

И вопрос о перспективах этого населения, вынесенный в название одной из публикаций, посвященных русским БЗ («Демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира?» [Хоперская, 2012]) будет оставаться открытым на самую долгосрочную перспективу. В реальной практике русских на постсоветском пространстве реализовывались самые разные жизнедеятельные стратегии, которые широко варьировали и прихотливо соотносились в зависимости от периода и страны БЗ (макрорегиона); результирующей множества этнополитических, социокультурных, социально-экономических переменных; гецивилизационного выбора их стран и особенностей взаимодействия с Российской Федерацией, системного состояния последней.

Но значимая роль русских БЗ в сохранении и воспроизводстве гецивилизационных контуров всего Русского мира в сочетании с высокой проблемностью этой части русского народа, на наш взгляд, является гарантией ее самого долгосрочного сохранения в фокусе отечественной этносоциологии и сопряженных с ней направлений социологического поиска.

¹⁶ Zavadskaya M. The war-induced exodus from Russia: A security problem or a convenient political bogey? // FIIA BRIEFING PAPER358. Finnish institute of international affairs. March 2023. URL: <https://www.fiia.fi/en/publication/the-war-induced-exodus-from-russia>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н. Русские в орбите государственной политики // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 13–15.
- Алине И.К. Изменение идентичности русских в современной Латвии. // *Социологические исследования*. 2006. № 10. С. 65–70.
- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI вв. М.: ЦСП, 2012.
- Волков В.В. Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 54–63.
- Волков В.В., Поleshuk В.В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // *Социологические исследования*. 2019. № 2. С. 59–67. DOI: 10.31857/S013216250004008-1.
- Грузия: Столичные жители. Сер. «Этносоциология в цифрах». М.: ИЭА РАН, 1997.
- Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Мазур Ю.Ю. Сохранение этнокультурной идентичности и проблемы образования: русские в Литве // *Вестник Балтийского федерального университета*. 2012. № 6. С. 31–38.
- Мальгин А.В. Русские в ближнем зарубежье: что за «адаптацией»? // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 13–15.
- Матулионис А.В., Фреюте-Ракаускаене М. Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект // *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. № 1. С. 88–114.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // *Социологические исследования*. 2017. № 8. С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050.
- Мукомель В.И. Кто мы? Откуда мы? Куда идем? // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 15–18.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации. // *Социологические исследования*. 2011. № 5. С. 61–71.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012.
- Проблема прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. М.: Русская панорама, 2009.
- Русские: этносоциологические исследования / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 2011.
- Русские: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992.
- Савин И.С. Русские в современном Казахстане // *Социологические исследования*. 2010. № 8. С. 81–88.
- Савин И.С. Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 5. С. 39–57.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Савоскул С.С. Немного об изучении русских нового зарубежья // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 2. С. 33–41.
- Симонян Р.Х. Новый Балтийский субэтнос – «Еврорусские» // *Социология власти*. 2004. № 2. С. 59–76.
- Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) // *Социологические исследования*. 2023. № 5. С. 108–116. DOI: 10.31857/S013216250025806-9.
- Суций С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // *Социологические исследования*. 2022. № 8. С. 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7.
- Суций С.Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы // *Социологические исследования*. 2021. № 9. С. 26–41. DOI: 10.31857/S013216250015744-1.
- Суций С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.
- Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 110–124.
- Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный лопатой или хранители русского мира? // *Этнопанорама*. 2012. № 3–4. С. 5–12.
- Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2015. № 3. С. 18–28.
- Этническая политика в странах Балтии. ИЭА. М.: Наука, 2013.

Статья поступила: 13.05.24. Финальная версия: 14.06.24. Принята к публикации: 30.07.24.

RUSSIANS OF THE NEAR ABROAD IN THE FOCUS OF RUSSIAN SOCIOLOGY: THE EVOLUTION OF RESEARCH APPROACHES AND ANGLES (1990s – 2020s)

SUSHCHIY S. Ja.

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Russia

Sergey Ja. Suschiy, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the RSF No. 24-28-00974.

Abstract. The article examines main directions of sociological research on the Russian population of the near Abroad, establishes quantitative, thematic dynamics, territorial priorities of publications devoted to this problem complex. A shift in publication activity has been revealed from large forms (author's and collective monographs, collections of articles) that dominated in the 1990s to scientific periodicals, the quantitative peak of which occurred in the second half of the 2000s. Of the leading Russian sociological publications "Sociological Studies" paid maximum attention to the problems of foreign Russians. The professional community, initially consisting of researchers from Moscow academic structures, gradually expanded to include specialists from St. Petersburg and the post-Soviet countries themselves. Since the late 2000s, the activity of researchers from Russian regions has been growing significantly. In the context of content, there was a gradual thematic detailing of research, a shift to more specific angles and narrow groups of the analyzed Russian population. Geographically, the interest of ethnosociologists was extremely unevenly distributed – three quarters of all publications were devoted to Russians from four post-Soviet countries (Kazakhstan, Estonia, Latvia, Ukraine). At the same time, the Russian communities of the South Caucasus, Tajikistan, and Turkmenistan practically fell out of the research focus, despite the fact that their adaptation to the new conditions of functioning was quite difficult.

Keywords: Near Abroad, Russian population, research topics and geography, publication activity, professional community.

REFERENCES

- Alekseenko A.N. (2008) Russians in the orbit of state policy. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 13–15. (In Russ.)
- Apine I.K. (2006) Changing the identity of Russians in modern Latvia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 65–70. (In Russ.)
- Arefyev A.L. (2012) *The Russian language at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: CSP. (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V. (ed.) (2011) *Russians: Ethnosociological studies*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Ethnic politics in the Baltic States*. IEA. (2013) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Georgia: Metropolitan Residents* (1997) Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Khoperskaya L.L. (2012). Russian compatriots in Central Asia – a demographic resource, a cut-off hunk or the guardians of the Russian world? *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. No. 3–4: 5–12. (In Russ.)
- Lebedeva N.M. (1995) *The New Russian Diaspora: A Socio-psychological analysis*. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology. (In Russ.)
- Mazur Yu. Yu. (2012) Preservation of ethnocultural identity and problems of education: Russians in Lithuania. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta*. [Bulletin of the Baltic Federal University]. No. 6: 31–38. (In Russ.)
- Malgin A.V. (2008) Russians in the near abroad: What is the "adaptation"? *tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 13–15. (In Russ.)
- Matulionis A.V., Freyute-Rakauskene M. (2014) The identity of the Russian ethnic group and its expression in Lithuania and Latvia. Comparative aspect. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 88–114. (In Russ.)
- Mitrofanova I.V., Suschiy S. Ya. (2017) Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050. (In Russ.)

- Mukomel V.I. (2008) Who are we? Where are we from? Where are we going? *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 15–18. (In Russ.)
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A., Nesterova S.L. (2012) *Russians in Moldova. Twenty years later... (ethnological research)*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (2011) Russians in Moldova: socio-demographic transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 61–71.
- Russians: *Ethnosociological essays*. (1992) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Savin I.S. (2010) Russians in modern Kazakhstan. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 81–88. (In Russ.)
- Savin I.S. (1996) The ethnic aspect of the modern socio-economic situation in Kazakhstan. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 5: 39–57. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the new Abroad: The choice of fate* Moscow: Nauka.
- Savoskul S.S. (2008) A little bit about the study of the Russians of the new Abroad. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 33–41. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2004) The New Baltic subethnos – “Eurorussian”. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 2: 59–76. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2023) The specifics of the identity of students of the borderlands of Russia and Ukraine (on the example of Belgorod and Kharkov State Universities). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 108–116. DOI: 10.31857/S013216250025806-9. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2021) Russians in the South Caucasus: factors of dynamics in the post-Soviet period and geodemographic prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 26–41. DOI: 10.31857/S013216250015744-1. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2020) Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 2: 6–30. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2022) Russians in the countries of Central Asia: geodemographic trends of the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1993) Russians as minorities (the example of Estonia). *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 110–124. (In Russ.)
- The problem of the rights of national minorities in Latvia and Estonia*. (2009) Moscow: Russkaya panorama. (In Russ.)
- Tsiryapkina Yu.N. (2015) Russians in Uzbekistan: language practices and self-identification (on the example of field research in Ferghana). *Tomskij zhurnal LING i ANTR* [Tomsk Journal of LING and ANTR]. No. 3: 18–28. (In Russ.)
- Volkov V.V., Poleshchuk V.V. (2019) The current state of interethnic communication in Latvia and Estonia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 59–67. DOI: 10.31857/S013216250004008-1. (In Russ.)
- Volkov V.V. (2012) Integration of society in Latvia: the positions of ethnic minorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 54–63. (In Russ.)

Received: 13.05.24. Final version: 14.06.2024. Accepted: 30.07.2024.

Ю.Ю. БЕЛОВА, И.В. ЗАДОРИН

СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ПРАКТИК ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ: ЧТО (НЕ)ВИДИТ СОЦИОЛОГИЯ

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний, доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований НИУ «Высшая школа экономики» (ybelova@hse.ru); ЗАДОРИН Игорь Вениаминович – руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (zadorin@zircon.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Статья подготовлена к 50-летию журнала «Социологические исследования». Проанализирован массив статей ($N = 29$) на тему норм и практик заботы о здоровье, опубликованных в журнале в период с 2010 по 2023 г. Для валидации представленных в издании исследований и полученных результатов качественного контент-анализа используются данные восьми опросов общественного мнения исследовательской группы ЦИРКОН и НИУ «Высшая школа экономики», проведенных в рамках разных проектов в 2010–2023 гг., в том числе с участием авторов (пять из них репрезентируют население РФ, три – касаются отдельных регионов и городов России). Выявлены тематические лакуны в области современной социологии здоровья (вопросы изменения представлений о здоровой среде обитания, продвижения средств поддержания здоровья, развития индустрии физкультуры и спорта, возникновения модных тенденций на здоровый образ жизни, распространения «культуры трезвости» как тренда сохранения здоровья, сохранения ментального здоровья, границ продуктивности в заботе о здоровье, самозффективности и веры в изменение состояния здоровья, трансформации смыслов здоровьесбережения, в т.ч. включения здоровья в жизненные цели людей и его восприятия как условия самореализации, воспитания культуры здоровья и потребности заботы о нем, поддержки соответствующих социальных инициатив и образовательных новаций). Определено, что упоминаемые аспекты здоровья оцениваются в логике освобождения от «нездоровья» (излечения болезней), однако наблюдаемые тенденции скорее движутся в направлении «обретения» здоровых привычек (сохранение, сбережение здоровья). Вместе с тем исследования взаимодополняют друг друга и позволяют выстроить логику представленности темы заботы о здоровье, охватив все ее основные звенья: от анализа теоретических аспектов до обсуждения инновационных практик заботы о здоровье. В целом анализ наблюдающихся тенденций в изменении отношения к здоровью и сопутствующих практик позволяет говорить об изменениях в социальных нормах в отношении заботы о здоровье.

Ключевые слова: социология здоровья • здоровье • здоровый образ жизни • забота о здоровье • сохранение здоровья • ценность здоровья • самооценка здоровья

DOI: 10.31857/S0132162524070127

На заре своего существования журнал «Социологические исследования» (СоцИс) представлял социологию здоровья как область, которая развивалась в рамках социологии медицины и здравоохранения. Однако за 50 лет своего развития издание стало свидетелем не только отделения социологии здоровья от социологии медицины, но даже смены парадигм в этой смежной области. Застав время, когда социология здоровья только начала путь своего становления в 1990-е гг. [Дмитриева, 2003], сегодня журнал

демонстрирует, что интерес исследователей существенно сместился в эту относительно новую область социологического знания. На смену рубрике «Социология медицины» в 2004 г. пришла рубрика «Социология здоровья и медицины», а с 2011 г. выходила и отдельная рубрика «Социология здоровья». Таким образом, исследовательский фокус постепенно смещается к практикам предотвращения заболеваний и выработки здоровых привычек, находящихся в зоне ответственности самого человека. Вместе с тем сохраняется интерес авторов журнала и к сугубо медицинским аспектам поддержания физической активности человека, вопросам распространенности заболеваний (эпидемий), обращения людей за медицинской помощью, их удовлетворенности оказанными медицинскими услугами, взаимодействия в системе врач – пациент, цифровизации здравоохранения и т.п. Подобные сдвиги наблюдаются не только в России, но и в мире в целом – на уровнях сферы здравоохранения и индивидуальных практик происходит переключение с вопросов лечения болезней к вопросам их предупреждения [Журавлева, Петренко, 2023: 81–82]. Это подтверждают и статистические данные за 2010–2022 г. Наряду с сокращением числа больниц в 1,2 раза, число амбулаторно-поликлинических организаций в России увеличилось в 1,4 раза¹.

Предметная область социологии здоровья весьма широка. С точки зрения ряда авторов журнала [Зайцева, Лебедева-Несевря, 2013, Дмитриева, 2020, Фадеева, 2022 и др.], она включает в себя анализ факторов риска, условий, стимулов и барьеров сохранения здоровья, субъективного восприятия, оценки и самооценки здоровья, отношения к нему, практик поведения в отношении здоровья и т.п. В фокусе социологии здоровья находится также исследование мер социальной профилактики заболеваний, охраны здоровья, формирования культуры здоровьесберегающего поведения, прогнозирования изменений поведения в отношении здоровья и т.д. Рассматриваемой в статье теме наиболее релевантны такие направления исследований социологии здоровья, как активизм в области здоровьесбережения и взаимодействие субъектов сохранения здоровья, отношение разных социальных групп к рискам здоровья, их интерпретация. Наиболее перспективным направлением исследований авторами журнала отмечается исследование когнитивно-поведенческих моделей заботы о здоровье в условиях социальных угроз, сегментация населения в отношении здоровья, изучение адаптационных стратегий, а также используемых каналов передачи информации о здоровьесберегающих практиках и восприимчивости к этой информации [Дмитриева, 2020]. Все перечисленное так или иначе определяет специфику процесса формирования соответствующих практик, для обозначения которых в наиболее широком смысле используется понятие «забота о здоровье». Практики заботы о здоровье включают в себя как обращение к институциональной медицине и использование различных источников информации о здоровье, так и соблюдение здорового образа жизни во всем его многообразии [Ермолаева, 2015].

С учетом упомянутых обстоятельств и наблюдаемого смещения фокуса рубрик журнала в область социологии здоровья, вызывает интерес то, как журнал отражает нормы и практики заботы о здоровье, перестраивает ли свой предмет под его современные смыслы. Хотелось проследить, как представленные в журнале исследования улавливают происходящие сдвиги и их движущие силы. Важно также понять, происходит ли трансформация исследовательского интереса вслед за возникающими тенденциями и свидетелем какой социологии здоровья является журнал, перешагнувший полувековой рубеж.

Настоящее аналитическое исследование фокусируется на интерпретациях заботы о здоровье с точки зрения воспринимаемых социальных норм и соответствующих практик поведения. Цель исследования – выявление фиксируемых в журнале тенденций заботы

¹ Число больничных организаций на конец отчетного периода. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31581>; Число амбулаторно-поликлинических организаций на конец отчетного года. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33473> (дата обращения: 10.06.2024); Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. Росстат, 2023. С. 226.

о здоровье в контексте смещения фокуса с традиционных/инструментальных практик (связанных с обращением за медицинской помощью) к инновационным практикам (связанным с изменением образа жизни) и валидация этих тенденций путем их сопоставления с результатами опросов общественного мнения. В целом мы исходим из широких представлений о процессе становления практик заботы о здоровье, когда инновационные идеи и практики в этой области распространяются в сетях отношений между людьми и бросают вызов устоявшимся социальным нормам поведения [Centola, 2018: 96]. При этом группы, в которых преобладают сильные связи, лучше способствуют распространению новых социальных норм, так как единомыслие и групповая солидарность необходимы для противостояния устоявшимся нормам [Guilbeault et al., 2018: 8,15]. Таким образом, можно предположить, что становление выявленных новых практик заботы о здоровье будет находить отражение в соответствующих выводах социологических исследований о роли сильных связей в этом процессе.

Методы исследования. Исследование носит комплексный характер. Качественный контент-анализ опубликованных в журнале статей на тему заботы о здоровье за 2010–2023 гг. дополняется результатами общероссийских репрезентативных опросов, проведенных в том числе с участием авторов: 1) исследовательской группой “ЦИРКОН” (далее – ЦИРКОН) в 2018, 2019 и 2020 гг.; 2) Лабораторией экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ (далее – ЛЭСИ ВШЭ) при участии ЦИРКОН в октябре 2022 г.; 3) Институтом прикладных политических исследований НИУ ВШЭ (далее – ИППИ ВШЭ) в ноябре 2022 г.; 4) Российским мониторингом экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ (далее – РМЭЗ) за 2010 и 2022 гг.

На первом этапе исследования контент-анализу подверглись статьи СоцИса, в которых упоминается феномен здоровья и заботы о нем в контексте социальных норм и практик. Для исследования было важно, чтобы они были опубликованы в период с 2010 по 2023 г., поскольку перелом в практиках заботы о здоровье социологами начал фиксироваться примерно в начале 2010-х гг. Так, в одном из исследований упомянуто, что в 2012 г. сдвиги в нормах заботы о здоровье уже заметны, но эксперты пока избегали однозначных оценок: *«эксперты очень осторожно высказывались о положительных изменениях в сознании и поведении населения по формированию здорового образа жизни, тогда как мнение населения свидетельствовало об этом в гораздо большей степени»* [Карпикова, 2015: 55]. В это время первые подвижки в нормах и практиках заботы о здоровье, особенно среди молодежи, слабо поддавались интерпретации, но уже имели место.

Отбор публикаций для анализа начинался с выявления работ, содержащих в заголовке, ключевых словах и/или аннотации слово «здоровье» и его производные в разных склонениях ($N = 101$). Далее важно было выбрать статьи, в которых здоровье и его производные упоминались как самостоятельные категории в контексте социальных норм, практик, проблем и барьеров его сохранения ($N = 29$) (Приложение). Все статьи были закодированы сплошным способом.

В качестве источников данных, дополняющих результаты контент-анализа публикаций и валидирующих представленные в журнале исследования, используются результаты восьми опросов, проведенных в том числе с участием авторов статьи (пять из них репрезентируют население РФ, три – отдельные регионы и города России). В структуре анкет присутствовали вопросы на темы ценности здоровья, оценки его состояния, реализации здоровьесберегающих практик, удовлетворенности качеством и доступностью медицинского обслуживания и оценки инфраструктуры поддержания здорового образа жизни (в том числе спортивной).

Использованы результаты общероссийских опросов: 1) репрезентативного анкетного опроса ЦИРКОН «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России», проведенного в октябре 2018 г. ($N = 2400$); 2) репрезентативного анкетного опроса ЦИРКОН, проведенного в ноябре 2020 г. ($N = 4800$); 3) репрезентативного анкетного опроса ЛЭСИ ВШЭ об адаптивных и проактивных реакциях населения к событиям 2022 г., проведенного

в октябре 2022 г. (поле проведено группой ЦИРКОН) ($N = 2000$); 4) репрезентативного анкетного опроса ИППИ ВШЭ о социально-экономической ситуации в регионах России и проблемах, волнующих население, проведенного в ноябре 2022 г. ($N = 2500$); 5) опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2010 г. ($N = 16867$) и 2022 г. ($N = 11979$). Результаты региональных опросов: 1) репрезентативного анкетного опроса жителей Великого Новгорода о контроле и управлении факторами риска развития неинфекционных заболеваний, проведенного ЦИРКОН в 2018 г. ($N = 516$); 2) опроса населения городов Иваново, Новосибирск, Казань о профилактике неинфекционных заболеваний, проведенного ЦИРКОН в 2019 г. ($N = 500$ в каждом городе); 3) населения Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) о социально-экономическом развитии, проведенного ИППИ ВШЭ в ноябре 2022 г. ($N = 2149$).

Забота о здоровье: от лечения к поддержанию здорового образа жизни. В оценках того, что такое «забота о здоровье», «сохранение здоровья», «укрепление здоровья», «поддержание здоровья», «здоровый образ жизни» исследователи в целом исходят из широких представлений о здоровье как ценности и как состоянии, которое важно сберегать. Согласно опросам ЦИРКОН, с точки зрения иерархии ценностей, собственное здоровье и здоровье близких для большинства россиян по значимости устойчиво занимает первое место (76,5% – в 2018 г., 75,4% – в 2020 г.). Наименьшую ценность здоровье имело лишь для 1,5% опрошенных в 2018 г. и для 1,2% – в 2020 г. Аналогично, здоровье занимает первое место в иерархии ценностей молодежи старше 18 лет и имеет высокую значимость даже несмотря на то, что она увеличивается с возрастом (в 2020 г.: 18–24 года – 59%, 25–34 г. – 69%, 35–44 лет – 75%, 45–59 лет – 78%, 60 лет и старше – 86%). Кроме того, из всех угроз большинство людей опасается угрозы жизни и здоровью (в первую очередь в отношении близких, а затем в отношении себя) – 70 и 62% соответственно.

Как демонстрируют авторы журнала, современная молодежь воспроизводит царящую в российском обществе ценностную «консервативно-традиционалистскую модель» – согласно репрезентативному опросу жителей Белгородской области, Краснодарского края и Севастополя, проведенному в 2021 г., у подростков и молодежи в возрасте 16–29 лет, «здоровье» в иерархии ценностей занимает второе место после «семьи и ее благополучия» [Реутов и др., 2023: 99]. Распространяясь среди молодежи, «забота о здоровье», возможно, все больше становится «постматериалистической ценностью» (по Р. Инглхарту), как свидетельство перехода от ценностей «выживания» к ценностям «качества жизни».

Одновременно исследователи фиксируют улучшение ситуации в сфере пользования медицинскими услугами и расположенность к ним людей. Прежде всего отмечается высокое доверие институциональной медицине (73% в отношении врачей государственных организаций и 59% в отношении частных) [Богоягкова и др., 2022: 151]. Действительно, согласно данным РМЭЗ, в период с 2010 по 2022 г. возросла доля тех, кто обращается к врачу от одного до нескольких раз в год (с 58,4 до 68,7%). При этом значительно сократилась доля посещающих врача реже одного раза в год (с 26,8 до 19,4%). Результаты опросов ЦИРКОН, проведенных в отдельных городах (Иваново, Новосибирск, Казань) показывают, что даже среди болеющих раз в несколько лет, доля обращающихся с той или иной регулярностью к врачу, довольно высока – до 47%. Как показал опрос ИППИ ВШЭ 2022 г., удовлетворенных доступностью медицинских услуг чуть больше (27%), чем тех, кто не удовлетворен (25%) («скорее не удовлетворен» и «полностью не удовлетворен»). Столько же тех, кто «чем-то удовлетворен, а чем-то – нет» (25%). Вместе с тем в отношении оценки качества оказания медицинских услуг ситуация несколько хуже – недовольных больше (35,5%), чем удовлетворенных (24,8%). Качество работы медицинских организаций не высоко оценивалось и в начале 2010 г. По данным авторов журнала в 2012 г., например, в Иркутске у опрошенных оно имело среднюю оценку 3,3 балла [Карпикова, 2015: 55].

Кроме того, несмотря на фиксируемые позитивные сдвиги в отношении ценности здоровья, доверия институциональной медицине, удовлетворенности доступностью

медицинской помощи, авторы журнала отмечают проблемы в сфере заботы о здоровье. Так, на фоне высокого ценностного отношения к здоровью в обществе, по некоторым оценкам, здоровьесберегающее поведение не является популярным даже несмотря на уроки пандемии [Фадеева, 2022: 139]. Возможно, разрыв между высоким ценностным отношением к здоровью и невысоким стремлением к здоровьесбережению проявляется там, где медицинская помощь остается труднодоступной [Евдокимова, 2015: 97], ведь труднодоступностью люди обосновывают свое нежелание обращаться к врачам и лечиться [Вялых, 2015: 131]. Особенно остро эта проблема ощущается в сельской местности, где часто не обеспечены базовые условия для сохранения здоровья на уровне системы здравоохранения, и тогда *«здоровье имеет скорее инструментальную, чем терминальную ценность: быть здоровым не означает заботиться о нем, поддерживать соответствующий образ жизни. Быть здоровым – значит лечиться, иметь “свободный доступ” к врачам»* [Белова, 2017: 102]. В данном случае забота о здоровье мыслится в терминах возможностей доступа к медицинской помощи. В упомянутых аспектах журнал поднимает вопросы неравенства пользования медицинскими услугами, их качества и справедливости системы здравоохранения [Вялых, 2015, Карпикова, 2015; Мухарямова, Савельева, 2019 и др.]. Нужно сказать, что примеры труднодоступности медицины, вероятно, долго не потеряют актуальности, поскольку и в свежих публикациях описывается сложная ситуация [Неустроева, Самсонова, 2022: 93].

С другой стороны, современное понимание заботы о здоровье все больше связывается с самостоятельностью, личной ответственностью и самоконтролем [Богоямкова и др., 2022: 152]. Действительно, согласно опубликованным в СоцИсе исследованиям, ответственность за свое здоровье большинство опрошенных предпочитают брать на самих себя [Киселева, Стриелковски, 2016: 89]. При этом, как показывают другие исследователи, группа «самостоятельных», которые в том числе наиболее строго выполняют рекомендации врачей, имеет и более высокую самооценку здоровья по сравнению с другими группами [Журавлева, Петренко, 2023: 81–82].

Рассматривая феномен возрастающей субъектности в заботе о здоровье, важно отметить, что в середине 2010-х гг. большинство опрошенных заявляли, что предпочитают заниматься своим здоровьем самостоятельно: путем самолечения [Вялых, 2015: 130–131; Назарова, 2014], обращения к нетрадиционным методам лечения [Карпикова, 2015: 54] и ведения здорового образа жизни [там же]. В отношении самолечения доля тех, кто им занимается, согласно опросам ВЦИОМ, стабильна много лет (и в 2009, и в 2019 гг. она составляла 33%)². Кроме того, согласно данным РМЭЗ, в период с 2010 по 2022 г. она сократилась – с 27,5 до 22% (самолечение при возникновении проблем со здоровьем). В то же время важно принимать во внимание трансформацию смыслов понятий, традиционно относившихся к медицинским. То же «самолечение», которое представляется как больше вредящее здоровью, чем его сохраняющее [Фадеева, 2022, Дудина, 2023: 155], в «немедицинском» дискурсе интерпретируется как самостоятельная забота о здоровье, которая скорее сохраняет здоровье, чем ему вредит. Более того, самолечение благодаря массовизации профессиональной медицины (в т.ч. через повышение доступности высокотехнологичной самодиагностики и самореабилитации), которая во многом вытесняет «знахарство», сегодня все больше мыслится как забота о здоровье, основанная на профессиональных компетенциях и технологиях, в том числе цифровых. Аналогично, если в прошлом веке роль пациента ассоциировалась с ролью больного, то сегодня она предполагает широкий спектр реализации практик здорового образа жизни [Бессчетнова, Майорова-Щеглова, 2023]. Поэтому сегодня быть пациентом или заниматься самолечением – значит заботиться

² Тяжкий труд, бедность и старость: три причины болезней в России. ВЦИОМ, 2019. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tyazhkij-trud-bednost-i-starost-tri-prichiny-boleznej-v-rossii>; Бесплатная медицина и самолечение – российский рецепт спасения от болезней. ВЦИОМ, 2009. 28 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/besplatnaya-mediczina-i-samolechenie-rossijskij-reczept-spaseniya-ot-boleznej> (дата обращения: 29.03.2024).

о здоровье в широком смысле слова. В том числе это говорит о том, что забота о здоровье все больше смещается в поле здорового образа жизни. В свою очередь, по мере смещения самостоятельной заботы о здоровье из медицинского контекста в контекст здорового образа жизни, практики сохранения и поддержания здоровья все больше противопоставляются практикам самолечения и становятся социально одобряемыми, однако само значение самолечения может не меняться вовсе. В целом самостоятельность в заботе о здоровье скорее сопряжена со все большим тяготением общества к формированию у себя здоровых привычек, которые, с одной стороны, выражаются в исправном посещении врачей, а с другой – с ведением здорового образа жизни. Согласно опросу ВЦИОМ 2024 г., большинство россиян (76%) интересуется информационной повесткой, связанная с темами лечения, здоровья и здорового образа жизни³.

Формирование здоровых привычек поведения как другой элемент субъектности в заботе о здоровье представлен практиками здорового образа жизни в их традиционном понимании. В 2012 г. авторы журнала зафиксировали 22,7% респондентов с «безусловно положительным типом поведения», сообщивших, что не имеют ни одной перечисленной вредной привычки [Ермолаева, Носкова, 2015: 127]. В 2018 г. опрос ЦИРКОН в Великом Новгороде показал, что интересуются здоровым образом жизни 84% горожан. Согласно опросу ВЦИОМ 2024 г., сегодня 88% россиян сообщают, что придерживаются здорового образа жизни «почти всегда» (53%) и «иногда» (35%)⁴. Все это может свидетельствовать о том, что сдвиг в практиках самостоятельной заботы о здоровье скорее сопряжен не с практиками самолечения как антипода наблюдения у врача, а с поддержанием здорового образа жизни. Это согласуется с некоторыми выводами авторов журнала [Фадеева, 2022].

Забота о здоровье как образ жизни: на чем все же фокус? Согласно представленным в журнале исследованиям, основным фактором состояния здоровья рассматривается именно образ жизни, которому отводится главное место в разных возрастных группах опрошенных [Киселева, Стриелковски, 2016: 89]. Кроме того, вклад образа жизни в здоровье постепенно оценивается как более существенный, чем это было принято понимать ранее [Ермолаева, Носкова, 2015: 121], хотя образу жизни традиционно отводится ведущая роль [Лисицын и др., 2014]. В свою очередь, здоровый образ жизни включает в себя большое число элементов (факторов) – от высокой трудовой активности до отказа от психоактивных веществ [Лисицын, 2010: 7].

В публикациях, представленных в журнале, присутствует три основных подхода, отражающих смещение фокуса от инструментальных практик заботы о здоровье к инновационным, ориентированным на здоровый образ жизни. Первый подход связан с конкретными действиями людей, позволяющими идентифицировать их как потенциальных пользователей услугами системы здравоохранения, в том числе на уровне реализации инновационных «цифровых» практик заботы о здоровье (очное посещение врача, обращение к психологу или психиатру, пользование услугами телемедицины, контроль показателей здоровья медицинскими приборами, мобильными приложениями и устройствами, поиск информации о здоровье в разных источниках, участие в специальных мероприятиях по сохранению здоровья, проведение генетического анализа) (см., напр.: [Богомыикова и др., 2022: 148]). Соответственно, в качестве барьеров сохранения здоровья упоминаются преимущественно медицинские, связанные с функционированием системы здравоохранения государства и цифровым здоровьем. В этом подходе в меньшей степени присутствуют такие элементы здорового образа жизни, как физическая активность и спорт, питание, забота о психическом здоровье, селф-трекинг, участие в тематических марафонах, играх [там же: 152] и вовсе отсутствуют отказ от курения и употребления алкоголя.

³ Время, события, люди. ВЦИОМ, 2024. 1 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vremja-sobytyja-ljudi> (дата обращения: 03.07.2024).

⁴ Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ, 2024. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyj-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 03.07.2024).

Второй подход основан на комплексном понимании заботы о здоровье, под которой в равной степени подразумевается взаимодействие со сферой здравоохранения и соблюдение принципов здорового образа жизни, включая отказ от употребления психоактивных веществ. В таком случае упоминаются как медицинские барьеры сохранения здоровья, связанные с функционированием системы здравоохранения государства, так и недостатки образа жизни, включая физическую культуру, питание, потребление алкоголя [Белова, 2017: 101–102].

Третий подход главными заботами о здоровье обозначает практики, связанные с поддержанием образа жизни, свободного от вредных привычек, и в первую очередь от курения табака и употребления алкоголя. Признаками «здорового поведения» исследователи называют отказ от курения и алкоголя, регулярное питание, высокую физическую активность [Чиркова, 2023: 149]. Характеристики потребления алкоголя (частота, объем) считаются важными показателями образа жизни и степени заботы о здоровье [Кононова, 2016: 101]. И наоборот, равнодушное отношение к здоровью идентифицируется прежде всего через практики саморазрушающегося поведения (потребление алкоголя и табака) [Филоненко и др., 2019].

Результаты представленных в журнале исследований о практиках поддержания здоровья скорее соответствуют третьему подходу. Согласно некоторым выводам, люди поддерживали здоровье в первую очередь путем выработки поведенческих привычек и лишь потом через обращение за медицинской помощью [Варламова, Седова, 2010: 83–84; Карпикова, 2015: 55]. При этом понимание здорового образа жизни респондентами неизменно связывается прежде всего с отсутствием таких вредных привычек, как курение и потребление алкоголя, а затем с другими поведенческими привычками и актами (табл.). Это согласуется с данными Всемирной организации здравоохранения об основных факторах риска здоровью⁵.

Важно, что в современных публикациях стремление к здоровому образу жизни ассоциируется с молодежью [Филоненко и др., 2018; Филоненко и др., 2019]. Отмечается,

Таблица

Распределение и ранжирование ответов на вопросы о практиках заботы о здоровье

Наименование практики	Варламова и др., 2010	Карпикова, 2015	Ермолаева и др., 2015	Богомякова и др., 2022	ЦИРКОН, 2020
Отказ от курения	45,8% (1)	40,7% (2)	74,4% (1)	–	57,7% (1)
Отказ от алкоголя	41,5% (2)	37,8% (3)	71,9% (2)	–	49,2% (2)
Правильное питание	20,2% (5)	55,2% (1)	55,4% (4)	57,5% (6)	35% (3)
Физкультура, физ. упражнения, физ. активность, тренировки, спорт, в т.ч. любительский, оздоровительные практики	18,3% (6)	10,6% (7)	66,4% (3)	94,9% (2)	26,2% (4)
Своевременное обращение к врачам	17,7% (7)	29% (4)	–	98,8% (1)	–
Контроль показателей состояния здоровья с помощью приборов	–	–	–	91,3% (3)	–
Прием лекарств при первых признаках заболевания	27,6% (3)	–	–	–	–
Режим сна и отдыха	21,5% (4)	20,8% (5)	–	–	–

⁵ Основные показатели здоровья в Европейском регионе ВОЗ. 2020. С. 11. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/338903/WHO-EURO-2020-1887-41638-56894-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 03.06.2024).

Окончание таблицы

Наименование практики	Варламова и др., 2010	Карпикова, 2015	Ермолаева и др., 2015	Богомякова и др., 2022	ЦИРКОН, 2020
Поиск информации о здоровье в Интернете	–	–	–	79,3% (4)	–
Избегание переедания	–	–	47,7% (5)	–	–
Просмотр ТВ-передач, чтение лит-ры о здоровье	14% (9)	–	–	62,3% (5)	–
Оздоровительные/укрепляющие процедуры самостоятельные	–	17,8% (6)	–	–	–
Соблюдение правил личной гигиены	–	–	47,4% (6)	–	–
Регулярное прохождение профилактических медосмотров, диспансеризация	12,1% (11)	–	40,3% (7)	–	–
Контроль показателей состояния здоровья с помощью гаджетов и мобильных приложений	–	–	–	48,7% (7)	–
Прием БАД, витаминов	17,6% (8)	–	–	–	–
Чтение пабликов, постов блогеров, просмотр видео в Интернете, посвященных вопросам здоровья	–	–	–	47,4% (8)	–
Избегание физического перенапряжения на работе и в быту	–	11,4% (8)	–	–	–
Умение справляться с эмоциями	–	–	34% (8)	–	–
Избегание умственного и нервного переутомления	–	3,7% (9)	–	–	–
Посещение психолога, психотерапевта, медитации, забота об эмоциональном состоянии	–	–	–	46,3 (9)	–
Посещение форумов и сетевых сообществ, посвященных вопросам здоровья	–	–	–	32,5% (10)	–
Соблюдение режима дня	13,6% (10)	–	–	–	–
Участие в марафонах и играх (снижение веса, бег, контроль питания и т.д.)	–	–	–	27,4% (11)	–
Дистанционное посещение врача	–	–	–	25,2% (12)	–
Отслеживание контента блогеров, рассказывающих о здоровье	–	–	–	13,7% (13)	–
Проведение генетического анализа	–	–	–	9,6% (13)	–
Распространение информации о своем здоровье, опыте выздоровления и т.д. в сетевых сообществах или на специализированных форумах	–	–	–	8,9% (14)	–

Примечания. Ответы на вопросы: «Что лично вы предпринимаете для поддержания/укрепления своего здоровья?», «Как вы считаете, что включает в себя понятие “здоровый образ жизни”?», «Какими способами вы поддерживаете состояние здоровья?», «Делаете ли вы что-либо из перечисленного на карточке для укрепления своего здоровья?» и т.п. Указаны доли респондентов, выбравших соответствующий ответ, и в скобках ранг этого ответа по степени распространенности.

что отношение студенческой молодежи к здоровью меняется в пользу его сбережения [Филоненко и др., 2019]. В целом здоровый образ жизни уверенно лежит в плоскости компетенций и интереса молодых людей, которые считают, что в российском обществе созданы условия для проявления соответствующей активности [Реутов и др., 2023: 102].

Инновационные практики заботы о здоровье в образе жизни россиян. Акцент на интересе к здоровому образу жизни подростков и молодежи в статьях не случаен – некоторые наблюдения показывают, что именно в поколении миллениалов здоровье стало мыслиться как часть жизненного проекта, а не просто как ресурс повышения продуктивности жизнедеятельности⁶. В следующем молодом поколении зумеров проектный подход к здоровью постепенно сменился повседневной рутинизацией технологического мониторинга здоровья⁷. Действительно, цифровые технологии и пользовательские сервисы стали распространяться с появлением на свет «зумеров», к тому времени уже задав вектор цифровых поколенческих изменений в предшествующем поколении младших миллениалов [Радаев, 2020: 32, 34]. Действительно, еще в 2014 г. авторами журнала фиксировались тенденции сопротивления «информатизации» здравоохранения, в том числе связанные с утратой медиками статуса носителей «сакрального знания» [Павленко, Петрова, 2016: 105], однако сегодня цифровая составляющая заботы о здоровье стала привычным явлением. При этом важно, что потенциал цифровых технологий в заботе о здоровье особенно проявил себя в годы пандемии COVID-19 [Богомякова и др., 2022: 145; Вершинина, Лядова, 2022: 105].

«Цифровое здоровье» авторы журнала называют наиболее «продвинутой» практикой заботы о нем, поскольку оно предполагает активную роль человека как пациента, который «перестает быть лишь объектом медицинского вмешательства, а наравне с врачом производит новое знание о своем теле» [Богомякова и др., 2022: 153]. «Цифровое здоровье» определяется ВОЗ как область практической деятельности, связанная с разработкой и использованием цифровых технологий для улучшения здоровья⁸.

В связи с распространением этой практики предполагается, что цифровизация здравоохранения порождает новый тип пациента, характеризующегося осознанностью, автономностью, вовлеченностью в заботу о собственном самочувствии и готовностью брать ответственность за собственное здоровье на себя [Богомякова и др., 2022]. По мнению исследователей, «здоровьеориентированному поведению, формированию индивидуальной ответственности в отношении своего здоровья» способствует специфика цифровых технологий «предлагать оптимальные решения благодаря оценке всех возможных альтернатив, по крайней мере, столь же быстро, как это делают технические устройства» [Вершинина, Лядова, 2022: 110]. Другие исследователи указывают, что к пользованию телемедициной побуждают оперативность, возможность экономии сил и времени, а также удобство обращения к сервису [Богомякова и др., 2022: 148]. Таким образом, с точки зрения тенденций цифровизации здравоохранения забота о здоровье мыслится не только с позиции возрастающей самостоятельности в этой сфере, но и как инструмент автономной калькуляции всех альтернативных решений, привлекательный с точки зрения возможностей осознанно просчитать эффекты такой заботы. Однако хотя появление «цифрового здоровья» можно считать важной вехой в повышении автономности и самоконтроля в заботе о здоровье, автономность в этом деле способна формировать культуру вины, которая ассоциируется исключительно с недостатками личного поведения, что способно наносить здоровью большой ущерб [Greaney, Flaherty, 2020]. Кроме того, в отношении таких новых цифровых сервисов заботы о здоровье, как телемедицина, отказ

⁶ Омельченко Е.Л., Нартова Н.А., Крупец Я.Н. Векторы поколенческой трансформации городской российской молодежи (доклад) // Грушинская социологическая конференция – 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G4ONYwkkqRE&feature=youtu.be> (дата обращения: 20.04.2024).

⁷ Там же.

⁸ WHO (2021). Global strategy on digital health 2020–2025. P. 39–40. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/344249> (дата обращения: 03.07.2024).

от обращения к ним респонденты связывают с опасениями, связанными с постановкой неправильного диагноза и назначением некорректного лечения, а также отказом от дополнительной ответственности за интерпретацию данных о здоровье [Богомякова и др., 2022: 149]. Поэтому наряду с позитивными эффектами чрезмерная самостоятельность в заботе о здоровье может нести риски, особенно в моменты, когда постулируемые «автономия», «информированность», «максимизация полезности», «осознанность», «ответственность» и прочее [Van de Velde et al., 2019] остаются за рамками возможностей человека в реализации практик сохранения здоровья [Greaney, Flaherty, 2020]. Более того, с точки зрения механизмов становления цифровых практик заботы о здоровье важно, что их распространение связывается с эффектами общности переживаний и взаимоподдержки, предметом которых является здоровье [Вершинина, 2022]. Это соотносится с выводами о том, что распространение новых социальных норм и практик зиждется на принципах стремления к солидаризации членов конкретной социальной группы, в которой эти нормы и практики утверждаются [Guilbeaul et al., 2018: 8, 15].

Другой инновационной практикой заботы о здоровье по результатам исследований, представленных в журнале, является отказ от курения и употребления алкоголя, которой в структуре здорового образа жизни отводится ведущая роль (см. таблицу). Если сопоставить представленные в журнале данные с результатами опросов общественного мнения, то можно прийти к аналогичным выводам. Действительно, согласно опросу ЦИРКОН 2020 г., при ответе на вопрос «Делаете ли вы что-либо из перечисленного на карточке для укрепления своего здоровья?» большинство россиян ответили, что не курят (57,7%) или не употребляют (или почти не употребляют) алкоголь (49,2%). При этом молодежь также ассоциирует укрепление здоровья прежде всего с отказом от курения (среди 18–24-летних – 57%, среди 25–34-летних – 54%) и употребления алкоголя (52 и 45% соответственно).

Что касается ситуации в части отказа от вредных привычек, опубликованные в журнале результаты начале 2010-х гг. показывали преобладание «разрушительного» типа поведения в отношении здоровья, которое было более всего характерно для молодых людей [Ермолаева, Носкова, 2015: 127]. Однако на протяжении 2006–2016 гг. среди студентов устойчиво фиксировались показатели сокращения табакокурения (в некоторых случаях более чем в два раза) и увеличения доли не употребляющих алкоголь (в некоторых случаях почти в пять раз) [Филоненко и др., 2018]. Среди россиян в целом в 2019 г. ситуация с уровнем потребления алкоголя и табака оценивалась как неплохая относительно некоторых проблем заботы о здоровье в части физической культуры и поддержания нормы соотношения массы тела и роста [Каравай, 2021: 70]. Согласно данным РМЭЗ, в период с 2010 по 2022 г. доля курящих снизилась на 6,1 п.п. (с 25,6 до 19,5%), а потребителей алкоголя на 10,2 п.п. (с 57,6 до 47,4%). Сократилось и число тех, кто употреблял алкоголь в течение последних 30 дней к моменту опроса – с 42,3 до 28,3%. При этом по темпам прироста быстрее всего растет доля трезвой молодежи до 25 лет [Рощина, Белова, 2024: 12]. Согласно опросу ЦИРКОН 2018 г. большинство никогда не употреблявшей алкоголь и не кутившей табак молодежи действительно находится в возрасте 18–24 лет (23 и 55% соответственно). Таким образом, отказ от вредных привычек в обществе не просто воспринимается как основной способ поддержания здорового образа жизни, но и сознательно практикуется все большим и большим числом людей (особенно в части отказа от алкоголя). Фактически реализация практик трезвости как способ заботы о здоровье все больше становится социальной нормой прежде всего среди молодежи. При этом мотивы отказа от алкоголя в сообществах, где трезвость является распространенным явлением, сопряжены с личным примером людей, с которыми имеются сильные связи [Зотова, 2018: 215]. В другом исследовании было показано, что вероятность отказа от алкоголя в семьях повышается на целых 32% с каждым дополнительным трезвенником. Наличие чрезмерно пьющих членов семьи, наоборот, снижает эту вероятность на 12% [Рощина, Белова, 2024: 24]. Иными словами, по наблюдениям авторов, социальная норма

трезвого образа жизни легче утверждается в наиболее сплоченных сетях отношений. Значит, важно поддерживать и культивировать здоровые привычки начиная с общностей и территорий, где преобладают сильные связи.

Состояние здоровья россиян: чем объясняются сдвиги. Как демонстрируют авторы журнала, в России в конце 2010-х гг. наблюдался рекордный рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении и сокращение общей смертности до исторического минимума [Козырева, Смирнов, 2020: 72–73]. Сегодня статистические данные показывают, что несмотря на кризисы, спровоцированные пандемией и неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, эти тренды сохранились. Так, весьма оптимистичен прогноз ожидаемой продолжительности жизни при рождении, который сегодня составляет 73,48 года⁹. Смертность населения трудоспособного возраста в период с 2011 по 2022 г. сократилась в 1,3 раза¹⁰. Кроме того, авторами современных публикаций журнала упоминается, что состояние здоровья россиянами оценивается все лучше. Если в начале 2010-х гг. респонденты чаще отмечали ухудшение здоровья, чем его улучшение [Варламова, Седова, 2010: 79; Карпикова, 2015: 54], а оценки экспертов «говорили об ухудшении здоровья у людей молодого и трудоспособного возраста» [Карпикова, 2015: 54], то к концу 2010-х гг. ситуация начала меняться. С течением времени исследователи стали наблюдать увеличение и стабилизацию доли респондентов, оценивающих свое здоровье позитивно [Назарова, 2014: 140; Козырева, Смирнов, 2020: 72]. Действительно, данные РМЭЗ, что в период с 2010 по 2022 г. доля россиян в возрасте от 18 до 80 лет, которые испытывали какие-либо проблемы со здоровьем, сократилась с 35,4 до 31,8% (на 3,6 п.п.). Аналогично уменьшилось число недомоганий, таких как головные боли (на 4,8 п.п.); сократилась доля тех, кто обращается к врачу наиболее часто – от одного до нескольких раз в месяц (с 13,4 до 10,3%). Одновременно в этот период возросла доля тех, кто оценивает свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее» (с 39,1 до 43,9%). В свою очередь, согласно результатам опроса ЛЭСИ, в 2022 г. свое здоровье как хорошее и очень хорошее оценили 45% россиян. Опрос ВЦИОМ 2024 г. показывает, что хорошим свое здоровье считает каждый третий россиянин¹¹. При этом даже несмотря на кризисы, физическое самочувствие большинства россиян с начала 2022 г. также оставалось стабильным – у 57% оно не изменилось. Между тем авторами журнала выявлено, что важными самостоятельными факторами более высоких самооценок здоровья является ощущение социальной поддержки близких и знакомых, а также более высокая степень социальной интеграции в сети отношений с сильными неформальными связями [Русинова и др., 2010: 93, 96], в которых лучше всего распространяются нормы и практики поведения в отношении здоровья [Guilbeault et al., 2018: 8,15].

Одновременно с фиксируемыми тенденциями стабилизации самооценок здоровья приведенные в статьях результаты эмпирических исследований так или иначе указывают на изменения, связанные с нормами сбережения здоровья и его восприятием. Среди предпосылок изменений в сторону улучшения здоровья авторы современных публикаций называют распространение неолиберальных ценностей, психотерапевтический поворот [Богомякова и др., 2022: 152], рост оптимистических настроений в обществе относительно позитивной самооценки здоровья [Козырева, Смирнов, 2020: 73], доступ людей к профессиональному медицинскому знанию благодаря цифровизации (в отношении повышения активности в самолечении) [Вершинина, Лядова, 2021: 161], использование цифровых технологий [Богомякова, и др., 2022: 152; Вершинина, Лядова, 2022: 105]

⁹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (прогноз). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57505> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ Смертность населения трудоспособного возраста (число умерших на 100 тыс. человек соответствующего возраста). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57315> (дата обращения: 10.06.2024).

¹¹ Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ, 2024. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 03.07.2024).

и сопутствующее появление феномена «цифрового здоровья», а также «разумного» отношения к нему благодаря цифровизации [Вершинина, Лядова, 2022: 106; 110]. Таким образом, при том что удовлетворенность здоровьем – признак сплоченных сообществ, забота о здоровье имеет большую ценность через его самостоятельное поддержание при одновременном сохранении интереса к ресурсам здравоохранения, в том числе цифрового.

Другое объяснение распространения практик здоровьесбережения и улучшения состояния здоровья вероятно кроется в неинституциональных практиках соблюдения здорового образа жизни. Как упомянуто выше, в представленных в журнале публикациях показано: забота о здоровье прежде всего понимается через такие элементы здорового образа жизни как отказ от курения табака и употребления алкоголя, правильное питание, физическая активность и др. В то же время в журнале отсутствуют исследования вклада этих практик в динамику ситуации, связанной со здоровьем. Между тем, например, вместе с отказом от употребления алкоголя улучшается и самооценка здоровья (по сравнению с оценкой здоровья на исходном уровне как среднего), что вероятно может указывать на эффекты отказа от алкоголя [Рощина, Белова, 2024: 26]. Важно также, что достигнутые позитивные сдвиги в заботе о здоровье могут потерять устойчивость ввиду ослабления государственной антиалкогольной политики, повлекшей ухудшение некоторых статистических показателей алкогольной ситуации (например, постепенное возрастание объемов розничной продажи алкоголя¹²). В целом данные федерального статистического наблюдения о доле населения, ведущего здоровый образ жизни, показывают, что в период с 2019 по 2023 г. она сократилась на 2,9 п.п. (с 12 до 9,1%)¹³. В этом отношении особенно тревожно выглядит ситуация в части таких поведенческих привычек, как правильное питание и физическая активность.

Недостатки образа жизни: где мы проигрываем? Несмотря на фиксируемую авторами журнала позитивную динамику в практиках заботы о здоровье и его самооценке, некоторые его основные аспекты негативно сказываются на здоровом образе жизни россиян. Особенно не является позитивной ситуация, сложившаяся вокруг физической активности как элемента здорового образа жизни молодых поколений. Согласно опубликованным в журнале данным, в 2017 г. чаще всего молодые взрослые представляли группу «неспортивных» (31%), а затем только группу ведущих здоровый образ жизни (30%) [Чиркова, 2023: 151]. То есть неспортивных среди молодежи столько же, сколько ведущих здоровый образ жизни, что достаточно много. Данные опроса ЦИРКОН за 2018 г. показали, что большинство молодых людей в возрасте 25–34 лет не занимаются физкультурой и спортом вовсе (30%). В отношении россиян в целом ситуация еще хуже. По состоянию на 2019 г. большинство трудоспособного населения страны (72%) не занималось даже физической культурой, а 43% имело превышение нормы соотношения массы тела и роста [Каравай, 2021: 70]. Между тем спортивные занятия авторами журнала рассматриваются как форма досуга, связанная с наращиванием физического здоровья и человеческого потенциала в целом [Латова, 2019: 64].

Согласно опросу ЦИРКОН 2020 г., отвечая на вопрос «Делаете ли вы что-либо из перечисленного на карточке для укрепления своего здоровья?», респонденты реже всего указывали на регулярные физические упражнения и оздоровительные практики (26,2%). При этом, хотя молодежь несколько чаще практикует физические упражнения, лишь в возрасте 18–24 лет это делается немного чаще обращения к правильному питанию. Результаты опроса ЛЭСИ, проведенного в октябре 2022 г., показали, что в течение года большинство не изменили свои привычки в отношении физической активности и спорта (47%), а тех, кто стал это делать чаще, практически столько же, сколько тех, кто стал это

¹² Розничные продажи алкогольной продукции (в литрах этанола). ЕМИСС. М: Росстат, 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61106> (дата обращения: 11.06.2024).

¹³ Доля населения, ведущего здоровый образ жизни. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59234> (дата обращения: 11.06.2024).

делать реже или отказался от физической активности совсем. Согласно опросу ВЦИОМ 2022 г., даже в ответах на вопрос о повседневной физической активности, включая поход в магазин, прогулки пешком или гимнастику, большинство россиян отметили лишь умеренную физическую активность (45%), тогда как высокой и скорее высокой ее назвали только 41% взрослых россиян¹⁴. При этом нужно понимать, что в опросах фиксируется декларируемое поведение, а реальность может оказаться существенно иной.

Важно, что доля оценивших наличие условий для спортивного досуга (спортплощадка, тренажеры и т.п.) по месту жительства как достаточных («скорее есть», «есть в полной мере»), согласно опросам, проведенным ИППИ ВШЭ в ноябре 2022 г. в России и СКФО, составляет 66 и 63,3% соответственно. Это согласуется с выводами авторов журнала о наиболее высоких оценках сформированности условий для занятий спортом и ведения здорового образа жизни [Реутов и др., 2023: 102]. В свою очередь, лечебно-оздоровительный (68%) и спортивный (61,4%) туризм считаются наиболее развитыми видами туризма в СКФО, что говорит о хороших возможностях в сфере спортивно-оздоровительного досуга даже на уровне отдельных локальных территорий региона. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных удовлетворены состоянием спортивных площадок и тренажеров в своем населенном пункте («удовлетворен полностью», «скорее удовлетворен» 74%). При этом, например, согласно опросу ВЦИОМ 2024 г. инфраструктура для занятия спортом не рассматривается россиянами как важный аспект ведения здорового образа жизни (1% считают ее таковой)¹⁵. Таким образом, невысокая физическая активность среди населения, особенно в части спортивной подготовки, парадоксально сопряжена с высокой оценкой доступности инфраструктуры для занятий спортом, удовлетворенностью ею как в России в целом, так и в отдельных регионах и населенных пунктах в частности. Это противоречие позволяет предположить, что в России уделяется мало внимания ценностям развития физической активности. Кроме того, вероятно, население недостаточно информировано о возможностях спортивной инфраструктуры и простоты доступа к ней. С учетом большой роли фактора социальной интеграции и групповой сплоченности в самооценке здоровья и распространении практик заботы о здоровье особенно важно развивать формы совместной физкультурно-спортивной деятельности (это могут быть доступные каждому любительские спортивные кружки и клубы). Поэтому важно целенаправленно формировать здоровые привычки и потребности не только путем воспитания культуры здоровья, но и с помощью повышения осведомленности населения о практических способах его поддержания, а также путем вовлечения в совместную физкультурно-спортивную деятельность.

Заключение и выводы. В целом анализ публикаций журнала «Социологические исследования» по тематике социологии здоровья подтверждает общий тренд последних десятилетий, выявленный в рамках прикладных исследований, на распространение среди населения *заботы о здоровье*. Исследователи фиксируют увеличение числа граждан, ограничивающих потребление подрывающих здоровье психоактивных веществ, следящих за питанием, контролирующих свое здоровье (в том числе цифровыми способами) и т.п. Можно говорить о том, что инструментальные практики заботы о здоровье (связанные с обращением за медицинской помощью) прирастают инновационными практиками (связанными с изменением образа жизни), но не замещаются ими. Иными словами, поворот к здоровому образу жизни зиждется как на самостоятельной выработке здоровых привычек, так и на контроле своего здоровья, в том числе институциональными способами. При этом становление выявленных новых практик заботы о здоровье находит отражение в соответствующих выводах социологических исследований о роли сильных связей

¹⁴ Вечно молодой: практики заботы о здоровье. ВЦИОМ, 2022. URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/image/page/open_projects/zdoroviy-obraz-zhizni/otchet_zdoroviy-obraz-zhizni.pdf (дата обращения: 02.04.24)

¹⁵ Здоровый образ жизни: мониторинг. ВЦИОМ, 2024. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdoroviy-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 03.07.2024).

в этом процессе. В отношении выявленных инновационных практик заботы о здоровье важно отметить, что хотя люди постепенно приобщаются к цифровому опыту, общество пока относится крайне настороженно к цифровым посредникам. Напротив, в отношении практик трезвости никакие опасения не высказываются, в них совпадают восприятие отказа от вредных привычек как главного условия здорового образа жизни с реальным сокращением, прежде всего, употребления алкоголя за последние 20 лет.

Вместе с тем в проанализированных публикациях СоцИса, как нам кажется, недостаточно отражены выводы о главных факторах указанных трендов, например: 1) изменение представлений о здоровой среде обитания (вода, воздух, климат), 2) активное продвижение и реклама здорового питания и средств поддержания здоровья, 3) развитие индустрии физкультуры и спорта (включая «нагрузочный» туризм), 4) возникновение модных тенденций на здоровый образ жизни, 5) распространение «культуры трезвости» как тренда сохранения здоровья и т.д. Большинство трендов оценивается в логике освобождения от «нездоровья» (излечения болезней), однако наблюдаемые тенденции скорее движутся в направлении «обретения» здоровых привычек (сохранение, сбережение здоровья). Представляется важным в дальнейших исследованиях выявить распространенность указанных и иных движущих сил принятия поведенческих моделей, связанных с заботой о здоровье выяснив вес (значение) каждого фактора в общем тренде. Заслуживают внимания вопросы самоэффективности, веры в изменение состояния здоровья и стремления защитить себя и близких от вредных привычек и заболеваний. И наоборот, важно изучать причины и механизмы приобщения или отказа от мониторинга собственного здоровья. Кроме того, вызывает интерес проблематизация включения здоровья в жизненные цели людей и его восприятия как условия самореализации.

Наконец, в условиях кризисов, вызванных эпидемией коронавируса и неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, для россиян сегодня чрезвычайно актуально сохранение ментального здоровья, которое в последних эмпирических исследованиях на тему здоровья затрагивается все меньше [Богомякова и др., 2022]. Исключение составляют работы, сфокусированные на конкретных проблемах психического здоровья с точки зрения их вклада в различные аспекты социальной жизни, не связанные напрямую со здоровьем (См. например, Акимов, 2020). В 2010-е гг. стресс упоминался как распространенный фактор ухудшения здоровья [Варламова, Седова, 2010: 80–81; Карпикова, 2015], низкой оценки его состояния [Назарова, 2014: 144], а эмоциональное здоровье рассматривалось как один из главных элементов здорового образа жизни [Ермолаева, Носкова, 2015: 125; Пузанова, Тертышникова, 2017].

Также отмечалась важность социальной и эмоциональной поддержки в преодолении стрессов как значимого условия сохранения здоровья [Русинова и др., 2010: 89]. Важно, что и общая самооценка здоровья тем выше, чем выше ощущение социальной интеграции и социальной поддержки в сетях неформальных отношений [там же: 93, 96].

Другой темой, которая могла бы быть представлена в журнале сегодня, являются границы заботы о здоровье и продуктивности, нарушение которых приводит к сопутствующим негативными последствиями для человека («желсизм», «культ продуктивности» как модели поведения и т.п.). В целом тема ментального здоровья сегодня является свободной нишей для академических работ, она явно набирает вес в прикладных исследованиях.

Исследователями так же часто фиксируются сами практики, которым приписываются традиционные интерпретации заботы о здоровье. В то же время одна и та же практика может интерпретироваться по-разному. Так, обращение за медицинской помощью с точки зрения некоторых авторов считается проявлением заботы о здоровье, однако в реальности это может иметь совершенно противоположное значение: возможно, люди обращаются за медицинской помощью, когда здоровье уже испорчено. Значит, этот показатель может говорить не об осознанном отношении к своему здоровью, а о запущенных заболеваниях как индикаторах попустительского отношения к здоровью, вынуждающих преодолевать болезни в критической точке.

Несмотря на отмеченные лакуны, представленные в журнале исследования взаимодействуют друг друга и позволяют выстроить логику представленности темы заботы о здоровье, охватив все ее основные звенья. В то же время одни темы представлены в большей степени, чем другие¹⁶. Но более значимо то, что анализ наблюдающихся тенденций в изменении отношения к здоровью и сопутствующих практик позволяет говорить об изменениях в социальных нормах в отношении заботы о здоровье и выдвигать предположения об их движущих силах, которым сегодня уделяется недостаточно внимания и за пределами журнала. В этом смысле важно говорить об изменениях норм в практиках сбережения разных аспектов здоровья в динамике и искать мотивы этих трансформаций. Необходим комплексный взгляд на здоровье как объект заботы, поскольку реализация одних практик не означает обращение к другим, имеет разную подоснову и не всегда обусловлена стремлением к сохранению здоровья.

В этой связи важно, что достижения последних двух десятилетий в области совершенствования физической природы и сущности человека требуют от социологов большего внимания к исследованиям распространения и усвоения новых ценностей, социальных норм и массовых настроений, откликающихся в том числе на новые технологические возможности. В этой ситуации от исследователей и авторов публикаций хотелось бы ожидать большей прогностичности и фокусировки на возможных социальных векторах изменения отношения человека к своему телу и здоровью, включая вопросы воспитания культуры здоровья и потребности заботы о нем, поддержки соответствующих социальных инициатив и образовательных новаций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций, отобранных для контент-анализа

- Белова Н.И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // Социологические исследования. 2017. № 3(395). С. 97–105.
- Бессчетнова О.В., Майорова-Щеглова С.Н. Освоение социальной роли пациента в период детства // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 75–83. DOI: 10.31857/S013216250026585-6.
- Богомыжкова Е.С., Орех Е.А., Глухова М.Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145–155. DOI: 10.31857/S013216250018705-8.
- Варламова С.Н., Седова Н.Н. Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад // Социологические исследования. 2010. № 4(312). С. 75–87.
- Вершинина И.А., Лядова А.В. Здоровье в цифровом измерении: «концепция заботы» Д. Лаптон // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 105–113. DOI 10.31857/S013216250014392-4.
- Вершинина И.А., Лядова А.В. Здоровье и здравоохранение в Европе: между неравенством и новыми возможностями // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 160–162. DOI: 10.31857/S013216250014122-7.
- Вялых Н.А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социологические исследования. 2015. № 11(379). С. 126–132.
- Дмитриева Е.В., Фролов С.А. Социология здоровья: от теории к практике (на примере реализации коммуникативной программы «СМС маме») // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 118–127. DOI: 10.31857/S013216250010025-0.
- Дудина В.И. Как активизм здоровья меняет общество // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250029345-2.
- Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. 2015. № 12(380). С. 91–98.
- Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. 2015. № 4(372). С. 120–129.

¹⁶ Авторы анализируют только опубликованные материалы. За рамками исследования остаются отклоненные рукописи, которые могут содержать в том числе и указанные выше темы, но не соответствовать профилю журнала либо требованиям к научным публикациям. – Прим. ред.

- Зайцева Н.В., Лебедева-Несевря Н.А. Риски для здоровья в контексте социологического анализа // Социологические исследования. 2013. № 9(353). С. 137–143.
- Каравай А.В. Оценка взаимосвязи состояния здоровья и занятости россиян в конце 2010-х годов // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 61–72. DOI: 10.31857/S013216250014454-2.
- Карпикова И.С. Качество и доступность медицинских услуг: мнение специалистов и специалистов сферы здравоохранения // Социологические исследования. 2015. № 6(374). С. 53–57.
- Киселева Л.С., Стриелковски В. Восприятие счастья россиянами // Социологические исследования. 2016. № 1(381). С. 86–91.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81. DOI: 10.31857/S013216250009116-0.
- Кононова А.Е. Социально-экономические факторы детского здоровья в России // Социологические исследования. 2016. № 4(384). С. 94–102.
- Латова Н.В. Досуговые практики российских работников как фактор формирования их человеческого потенциала // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 63–72. DOI: 10.31857/S013216250007452-0.
- Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В. Доступность и справедливость здравоохранения для пожилых (в оценках населения и экспертов) // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 136–145. DOI: 10.31857/S013216250006663-2.
- Назарова И.Б. Здоровье и качество жизни жителей России // Социологические исследования. 2014. № 9(365). С. 139–145.
- Неустроева А.Б., Самсонова И.В. Проблемы современных коренных малочисленных народов Севера (по данным исследования в Республике Саха (Якутия)) // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 88–96. DOI: 10.31857/S013216250014318-2.
- Павленко Е.В., Петрова Л.Е. О готовности врачей к использованию новейших информационно-коммуникационных технологий в здравоохранении // Социологические исследования. 2016. № 4(384). С. 103–110.
- Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. Особенности образа жизни и отношения к здоровью российских студентов (на примере МГУ и РУДН) // Социологические исследования. 2017. № 8(401). С. 88–94. DOI: 10.7868/S0132162517080104.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250023772-2.
- Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1(309). С. 87–99.
- Фадеева Е.В. Практики лечения в восприятии граждан: по материалам всероссийских исследований // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 138–144. DOI: 10.31857/S013216250020180-1.
- Филоненко В.И., Магранов А.С., Киенко Т.С. Образ жизни и отношение к здоровью российских студентов // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 164–166. DOI: 10.31857/S013216250006181-2.
- Филоненко В.И., Никулина М.А. и др. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 7(411). С. 152–157. DOI: 10.31857/S013216250000188-9.
- Чиркова А.В. Типологический анализ молодежи по здоровьесберегающему поведению: особенности реализации четырехкомпонентной модели // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 145–153. DOI: 10.31857/S013216250024647-4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов А.М. О некоторых социальных характеристиках хронического стресса вахтовиков в условиях Арктики // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 154–159. DOI: 10.31857/S013216250022670-0.
- Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11(235). С. 51.
- Журавлева И.В., Петренко Е.С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2023. № 2. С. 80–103. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.5.
- Зотова В.А. Механизмы формирования «коллективной трезвости» в российском селе: ценностно-ориентированный подход // Солидарность и конфликты в современном обществе. Мат. науч. конф. XII Ковалевские чтения. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 214–216.

- Лисицын Ю.П. Роль личности в охране здоровья // Общественное здоровье и здравоохранение. 2010. № 2(26). С. 5–7.
- Лисицын Ю.П., Журавлева Т.В., Хмель А.А. Из истории изучения влияния образа жизни на здоровье // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. Т. 22. № 2. С. 39–42.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395.
- Рощина Я.М., Белова Ю.Ю. Кто перестает пить алкоголь в России? // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 1. С. 11–57. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-11-57.
- Centola D. *How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions*. Princeton: Princeton University Press, 2018.
- Greaney A.M., Flaherty S. Self-Care as Care Left Undone? The Ethics of the Self-Care Agenda in Contemporary Healthcare Policy // *Nursing Philosophy: an International Journal for Healthcare Professionals*. 2020. No. 21(1). P. e12291.
- Guilbeault, D., Becker, J., Centola, D. Complex contagions: a decade in review // *Lehmann S., Ahn Y. (eds) Complex Spreading Phenomena in Social Systems*. Springer Nature, 2018. P. 3–25.
- van de Velde D., De Zutter F. et al. Delineating the Concept of Self-Management in Chronic Conditions: A Concept Analysis // *British Medical Journal Open*. 2019. No. 9. P. e027775. DOI: 10.1136/bmjopen-2018-027775.

Статья поступила: 03.05.24. Финальная версия: 17.07.24. Принята к публикации: 19.07.24.

FORMATION OF NEW HEALTH CARE PRACTICES: WHAT SOCIOLOGY [DOES NOT] SEE

BELOVA Yu.Yu.*, ZADORIN I.V.**

*HSE University, Russia; **ZIRCON Research Group, Russia

Yulia Yu. BELOVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Leading Research Fellow, HSE University, Moscow, Russia (ybelova@hse.ru); Igor' V. ZADORIN, *scientific director*, ZIRCON Research Group, Moscow, Russia (zadorin@zircon.ru).

Acknowledgements: This article is implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. The article was prepared for the 50th anniversary of the journal "Sociological Studies". An array of articles ($N = 29$) on the topic of health care norms and practices published in the journal from 2010 to 2023 was analyzed. To validate the research presented in the publication and the results of qualitative content analysis, data from eight public opinion surveys were analyzed by the ZIRCON research group and the Higher School of Economics, conducted as part of various projects in 2010–2023, including those with authors participation (five of them represent the population of the Russian Federation, three relate to individual regions and cities of Russia). Along with the identified thematic gaps in the field of modern sociology of health, it has been ascertained that the studies complement each other and make it possible to build a logic for the presentation of the health care topics covering all its main links.

Keywords: sociology of health, health, healthy lifestyle, health care, health preservation, value of health, self-esteem of health.

REFERENCES

- Akimov A.M. (2023) About some social characteristics of chronic stress of shift workers in the arctic conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 154–159. (In Russ.)
- Centola D. (2018) *How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions*. Princeton: Princeton University Press.
- Dmitrieva E.V. (2003) From sociology of medicine to sociology of health. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 235. No. 11: 51. (In Russ.)
- Greaney A.M., Flaherty S. (2020) Self-Care as Care Left Undone? The Ethics of the Self-Care Agenda in Contemporary Healthcare Policy. *Nursing Philosophy: an International Journal for Healthcare Professionals*. Vol. 21. No 1: e12291.

- Guilbeault D., Becker J., Centola D. (2018) Complex contagions: a decade in review. In: Lehmann S., Ahn Y. (eds) *Complex Spreading Phenomena in Social Systems*. Springer Nature: 3–25.
- Lisicyn Yu.P. Role of personality in health protection. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie* [Public Health and Health Care]. 2010. Vol. 26. No. 2: 5–7. (In Russ.)
- Lisicyn Yu.P., Zhuravleva T.V., Hmel' A.A. From the history of studying the impact of style of life on health. *Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. 2014. Vol. 22. No. 2: 39–42. (In Russ.)
- Radaev V.V. The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2020. Vol. 26. No. 3: 30–63. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395. (In Russ.)
- Roshchina Ya.M., Belova Yu. Yu. Who stops drinking alcohol in Russia? *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. 2024. Vol. 25. No. 1: 11–57. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-11-57. (In Russ.)
- van de Velde D., De Zutter F. et al. (2019) Delineating the concept of self-management in chronic conditions: a concept analysis. *British Medical Journal Open*. No. 9: e027775. DOI: 10.1136/bmjopen-2018-027775.
- Zhuravleva I.V., Petrenko E.S. (2023) Individual responsibility for health: patterns of behavior. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [The journal Sociological Science and Social Practice]. No. 2: 80–103. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.5. (In Russ.)
- Zotova V.A. (2018) Mechanisms of Formation of "Collective Sobriety" in the Russian Countryside: a Value-Oriented Approach. In: *Solidarity and conflicts in modern society. Mat. of the scientific conf. XII Kovalev readings*. St. Petersburg: Skifiya-print. (In Russ.)

Received: 03.05.24. Final version: 17.07.24. Accepted: 19.07.24.

© 2024 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ, А.В. ПОЛОВНЕВ

В ПОИСКАХ БАЛАНСА: АВТОРСКИЙ СОСТАВ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» (2014–2023)

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий лабораторией (igorobraztsov@rambler.ru); ПОЛОВНЕВ Андрей Викторович – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (polovnev_av@mail.ru). Оба – социологическая лаборатория, кафедра социологии, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отбора и формирования авторского состава журнала «Социологические исследования» (СоцИс). В основе анализа публикационной активности авторов журнала за период 2014–2023 гг. – научный и должностной статусы, аффилиации с научно-исследовательскими организациями и образовательными учреждениями, гендерный состав, региональная и международная принадлежность. Осуществлен сравнительный ретроспективный анализ указанных параметров за первое и последнее (текущее) десятилетия функционирования журнала. На основе анализа формальных показателей результативности и эффективности Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) определено особое лидирующее место СоцИс в иерархии отечественных периодических изданий социологического профиля. Выявлены многолетние традиции и тенденции в работе редакции журнала, связанные с реализацией сбалансированного подхода к отбору и привлечению к публикациям перспективных исследователей. Сделан вывод о публикационной доступности журнала как для профессионалов высокого уровня, так и для начинающих исследователей, а также о широкой тематической, региональной и международной ориентации публикуемых материалов. В целом авторский состав журнала в определенной мере репрезентирует отечественное социологическое сообщество со всеми с его достижениями и проблемами.

Ключевые слова: авторский состав • журнал «Социологические исследования» • наукометрические показатели • публикационная активность • редакционная политика • социология в России

DOI: 10.31857/S0132162524070139

Введение. Проблемы развития и функционирования социологических журналов постоянно находятся в фокусе исследовательских интересов научного сообщества (см.: [Разина, 1995; Баскакова, 2013; Ушкин, 2014; Эфендиев и др., 2015; Губа, 2011, 2018; Ядова, 2020, 2021 и др.]). При этом первому отечественному научному периодическому изданию по социологии – журналу «Социологические исследования» (СоцИс), занимающему «господствующее положение» среди других журналов этого профиля [Соколов 2021: 53], неизменно уделяется особое внимание. В публикациях, посвященных изучению его деятельности, рассматривается широкий спектр проблем – от «социобиблиометрического анализа» [Райкова, 1991], измерения «пристатейных библиографий» и цитирования [Ивахненко, 1994а, 1994б] до уточнения «концептуальной рефлексивности» [Козлова, Петрова, 2009], миссии журнала [Губа, 2019] и его публикационной направленности [Кравец, 2023].

Но, пожалуй, наиболее дискуссионный характер приобретает вопрос о принципах формирования авторского состава СоцИса. В настоящее время дискуссия по этому поводу сводится к дилемме отбора авторов в виде редакционной стратегии, проходящей между Сциллой (элитарностью) и Харибдой (доступностью).

Вот, например, характерный отклик одного из региональных авторов на мотивированный отказ в публикации его материалов: «...По содержанию номеров журналов видно, кого вы публикуете: свои статьи и тех, кто вам выгоден, – одних и тех же. Провинциальные авторы в журнале – редкость, а они работают без всяких грантов и финансовых поддержек. Вы монополизировали право на публикации и не хотите поддерживать преподавателей провинциальных городов, вы думаете только о себе. Жаль, но так у нас наука не будет развиваться никогда» [Демиденко, 2020: 170].

Со стороны же искушенных в анализе журнально-социологической проблематики исследователей высказываются претензии к редакции по поводу ее «региональной беспристрастности»: «Фора предоставляется региональным авторам, когда необходимость регионального разнообразия заставляет редакторов брать на себя ответственность за превращение рукописи в текст, готовый к публикации... Главный критерий: если автор из региона, то надо с ним работать» [Губа, 2019: 30].

Для понимания сущности и содержания редакционной политики по формированию авторского состава журнала представляется необходимым проанализировать особенности публикационной активности авторов, а также их социально-демографических характеристик, доступных для изучения.

Данные и методика. Данными для анализа послужили сведения об авторах и их публикациях, представленные на официальном сайте журнала «Социологические исследования» за период 2014–2023 гг. (в 120 номерах/выпусках)¹. Выявлено 1911 авторов, сведения о которых составили базу данных для дальнейшей обработки и анализа. При изучении публикационной активности авторов основным критерием выступал их совокупный (самостоятельный или в соавторстве) творческий вклад в производство научных статей. Для авторов, являющихся членами редакции, учитывались только их публикации в виде статей, другие материалы, опубликованные, например, в рубриках «Журнальный гид», «Коротко о книгах» и «Новые книги по социальным наукам», из анализа исключены.

У авторов более двух публикаций, в их числе – постоянных авторов, к которым относились исследователи, опубликовавшие за анализируемый период четыре и более статей (максимальное количество – 40), научный статус в виде ученой степени, ученого звания, должностного положения и аффилиации учитывались по данным, представленным в авторских сведениях в последней по времени публикации. За анализируемый период выявлено 207 постоянных авторов.

При учете аффилиации авторов был принят подход, реализуемый редакцией СоцИса на сайте журнала – указание на аффилиацию первой организации, представленной в перечне (при наличии аффилиации с двумя и более научно-исследовательскими и/или образовательными организациями)².

Гендерный состав определялся по именам, фамилиям и отчествам авторов, их возрастные характеристики не анализировались ввиду отсутствия этих данных в открытой части персонального профиля ученых в РИНЦ. Что касается публикаций, то фиксировалось только их общее количество и принадлежность конкретным авторам (виды и типы публикаций, их тематическая направленность не анализировались).

Отдельные наукометрические показатели журнала «Социологические исследования» и других научных периодических изданий социологического профиля за период 2013–2022 гг., а также уточнение отдельных данных (в виде индивидуального индекса

¹ Сайт журнала «Социологические исследования». URL: <https://www.socis.i.sras.ru/>

² У отдельных авторов в публикациях аффилиация представлена не только с разными организациями, находящимися в одном населенном пункте, но и в населенных пунктах в различных регионах.

Хирша) из личных профилей постоянных авторов получены на портале «Научной электронной библиотеки» (НЭБ, eLibrary)³ методом их ручной обработки.

Позиционирование СоцИса среди российских социологических журналов. Журнал «Социологические исследования», отмечаящий в 2024 г. свой 50-летний юбилей, «продолжает занимать главное место в иерархии российских журналов» [Губа, 2019: 21]. По интегральному показателю РИНЦ СоцИс на протяжении последнего десятилетия занимает лидирующее положение в рейтинге социологических журналов. Кроме того, и в ходе «репутационного опроса» российских социологов в июле 2019 г. на открытый вопрос: «Какие из русскоязычных журналов по социальным наукам на протяжении последних лет чаще всего публиковали статьи, которые были интересными для вас и полезными в вашей научной работе?» 54% респондентов назвали СоцИс. Другие издания следовали с большим отрывом, «СоцИс сохранил это положение с 2008 г., когда аналогичный вопрос задавался участниками Третьего Всероссийского социологического конгресса в Москве» [Соколов 2021: 51–52].

Популярность издания способствует интенсивному притоку авторских рукописей, которые в редакционной почте «по объему примерно в три раза превышают публикуемые материалы» [Ключарев, 2023: 3]. Это вызывает повышенную нагрузку и накладывает на редакцию и редколлегию ответственность за отбор наиболее качественных материалов, соответствующих требованиям журнала.

По данным портала НЭБ, в период 2013–2022 гг. ежегодно в журнале публикуется более 200 статей около 300 авторов, из которых более 100 – делают это впервые (табл. 1).

Каково же положение журнала по характеристикам авторского состава среди других периодических изданий социологического профиля? Обратимся к данным сравнительного анализа СоцИса и еще 14 периодических изданий⁴ (табл. 2).

Таблица 1

Анализ публикационной активности журнала «Социологические исследования» (по данным портала eLibrary), 2013–2022 гг.*

Годы	Число статей в РИНЦ	Число авторов	Число новых авторов (%)	Среднее число авторов в статье	Средний индекс Хирша авторов	Средний возраст авторов
2013	219	259	100 (38,6%)	1,4	8,1	52,6
2014	215	264	120 (45,5%)	1,4	10	51,6
2015	236	303	121 (39,9%)	1,4	11,5	53,5
2016	220	328	149 (45,4%)	1,6	11,5	53,0
2017	205	328	130 (39,6%)	1,7	13,5	55,2
2018	219	309	122 (39,5%)	1,6	14,7	56,2
2019	206	277	88 (31,8%)	1,6	14,1	55,7
2020	203	305	108 (35,4%)	1,8	14,1	52,7
2021	227	290	94 (32,4%)	1,6	16,7	56,2
2022	204	274	88 (32,1%)	1,6	15,2	54
В среднем в год	215	294	112 (38,1%)	1,6	12,9	54,1

Источник. *По данным НЭБ. URL: https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=8227 (дата обращения: 10.04.2024).

³ См.: <https://www.elibrary.ru/>

⁴ Для анализа из числа изданий в перечне РИНЦ в качестве социологических исключены журналы широкого предметного профиля «Демографическое обозрение», «Женщина в российском обществе». Журнал «Высшее образование в России» оставлен в перечне как единственное издание с сопоставимыми показателями периодичности выхода, количества авторов и числа публикаций. Периодические издания в табл. 2 расположены в порядке убывания по показателю среднего числа статей в РИНЦ в год.

Таблица 2

Сравнительный анализ публикационной активности социологических журналов
(по данным портала eLibrary, средние ежегодные показатели за период 2013–2022 гг.)

Наименование периодического научного издания (учредитель)	Кол-во номеров / выпусков в год	Среднее число статей в РИНЦ в год	Среднее количество авторов в год	Среднее количество новых авторов в год (в %)	Среднее количество авторов в статье	Средний возраст авторов	Средний индекс Хирша авторов
Социологические исследования (РАН, ФНИСЦ РАН)	12	215	294	112 (38,1%)	1,6	54,1	12,9
Высшее образование в России (АТУ, МГУП)	11	192	323	174 (53,9%)	2,3	52,4	8,6
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (ВЦИОМ)	6	102	133	81 (60,9%)	1,7	41,2	7,1
Экономические и социальные перемены: факты, тен- денции, прогноз (Вологодский НЦ РАН)	6	90	138	67 (48,6%)	1,7	46,8	11,5
Полис. Политические исследования (РАПН, МГИМО, ФНИСЦ РАН)	6	77	101	40 (39,6%)	1,4	53,7	14
Социологическое обозрение (НИУ ВШЭ)	4	75	47	26 (55,3%)	1,4	40,7	5,9
Вестник РУДН. Серия: Социология (РУДН)	4	56	74	40 (54%)	1,8	48,2	9
Журнал социологии и социальной антропологии (ФНИСЦ РАН)	4	50	67	35 (52,2%)	1,5	42,6	6,3
Социология власти (РАНХиГС)	4	39	35	23 (65,7%)	1,2	35,6	5,2
Социологический журнал (ФНИСЦ РАН)	4	38	49	23 (46,9%)	1,4	51,8	10,7
Социологическая наука и социальная практика (ФНИСЦ РАН)	4	37	49	24 (49%)	1,5	54,8	13,5
Вестник Института социологии (ФНИСЦ РАН)	4	35	53	32 (60,4%)	1,5	51,5	9,77
Мир России. Социология. Этнология (НИУ ВШЭ)	4	29	44	23 (52,3%)	1,5	48,8	12,9
Экономическая социология (НИУ ВШЭ)	5	27	30	17 (56,7%)	1,4	33,5	7,4
Laboratorium: журнал социальных исследований (ЦНСИ)	3	24	25	14 (56%)	1,3	39	5,1

Источник: *Рассчитано по данным НЭБ. URL: https://www.elibrary.ru/titles_compare.asp?rubriccode=040000&ratingyear=2022&sortorder=0&titleid=8227&pagenum=1 (дата обращения: 10.04.2024).

По ежемесячному выпуску номеров, количеству авторов и числу публикуемых материалов показатели СоцИса сопоставимы только с журналом «Высшее образование в России», имеющим постоянную рубрику «Социология высшего образования». Ежегодно в СоцИсе публикуется несколько большее число статей при меньшем количестве авторов⁵, что объяснимо более низким показателем среднего числа авторов на одну статью – 1,6 против 2,3. Остальные социологические издания выпускаются с периодичностью 4–6 раз в год и, соответственно, имеют значительно меньшие показатели по привлекаемому авторскому составу.

По другим параметрам СоцИс уступает большинству изданий, например, по количеству новых авторов: 38,1% против 48–60% по выборке и среднему возрасту авторов (за исключением издания «Социологическая наука и социальная практика»): 54,1 года против показателя 39–52,4 года в других изданиях.

Журнал входит в число изданий с высоким уровнем индекса Хирша публикующихся в них авторов, так, средние показатели: СоцИс – 12,9, «Мир России» – 12,9, «Социологическая наука и социальная практика» – 13,5, Полис – 14.

Таким образом, по формальным показателям РИНЦ журнал «Социологические исследования» занимает особое место в иерархии периодических изданий социологического профиля, выделяясь в качестве консервативного журнала (с относительно небольшим количеством новых авторов), ориентированного на высокостатусных авторитетных специалистов, составляющих его авторский состав.

Статус автора имеет значение? Еще одним формальным доводом в пользу «элитарности» СоцИа выступает то, что его соучредителями являются Российская академия наук (РАН) и Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ РАН). Это само по себе должно определять как его высокий научный статус (академический журнал – вотчина академиков и членкоров, при значительном преобладании докторов наук), так и связь подавляющего числа авторов с организациями-учредителями. Кроме того, состав ранее выделенной нами категории «постоянных авторов» гарантированно должен репрезентировать элиту отечественной социологической науки.

В целом по должностному статусу всех авторов в самом общем виде можно сгруппировать следующим образом:

- «руководители» (академики, директора НИУ, ректора вузов, их заместители, руководители структурных подразделений – факультетов, департаментов, кафедр и лабораторий) – 13,8% (среди постоянных авторов таковых – 17,4%);
- «высококвалифицированные исследователи» (главные и ведущие научные сотрудники, профессора) – 32,1% (47,8%);
- «исследователи среднего звена» (доценты, старшие научные сотрудники, научные сотрудники, старшие преподаватели, преподаватели) – 34,6% (29%);
- «начинающие исследователи» (магистранты, аспиранты, докторанты, ассистенты, младшие научные сотрудники) – 11,7% (1,9%);
- «другие» (не вошедшие в предыдущие четыре категории – независимые исследователи, студенты и пр.) – 7,8% (3,8%).

Должностной статус авторов тесно связан с их *научным статусом* и часто является его непосредственным следствием. Так, академиков и членов-корреспондентов РАН⁶ в авторском составе не более 1%, примерно одинаковое количество докторов (40,2%)⁷

⁵ В редакции в 2022 г. введено ограничение – не более трех авторов на статью. В остальных случаях рассматривается отдельно вклад каждого автора в работу над статьей для принятия окончательного решения. – *Прим. ред.*

⁶ В их число включены также зарубежные авторы из Республики Казахстан и Республики Армения – члены национальных академий наук данных государств.

⁷ В Республике Казахстан с 2011 г. введены ученые степени: доктор философии (PhD) и доктор по профилю. Степень PhD является аналогом российских ученых степеней кандидата и доктора наук, но формально эти степени не признаются эквивалентными. Все авторы СоцИса из Казахстана указывают ученую степень доктора наук.

Таблица 3

Характеристика авторского состава СоцИса по научному статусу

Научный статус	1975–1982 гг.*		2014–2023 гг.					
	все авторы (N = 769)		постоянные авторы (N = 207)		другие авторы (N = 1704)		все авторы (N = 1911)	
	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %
Академики, членкоры	51	6,6	4	1,9	16	0,9	20	1
Доктора наук	197	25,6	130	62,8	637	37,4	767	40,2
Кандидаты наук	312	40,6	67	32,4	688	40,4	755	39,5
Не имеющие ученой степени	209	27,2	6	2,9	363	21,3	369	19,3

Источник: * [Костенко, Яковлев, 2014: 125].

и кандидатов наук (39,5%). При этом практически каждый пятый автор (19,3%) – из числа лиц, не имеющих ученой степени. Что касается постоянных авторов, то они составляют только десятую часть (10,8%) авторского состава, и среди них ожидаемо преобладают доктора наук (62,8%).

Для понимания динамики данных характеристик представляется целесообразным сравнить современный научный статус авторского состава (2014–2023) с сопоставимыми данными, полученными В.В. Костенко и Г.А. Яковлевым для начального периода функционирования журнала (1975–1982 гг.)⁸ (табл. 3). Как видим, за 30–40-летний период и так небольшое число академиков в авторском составе еще более сократилось, а численность докторов и кандидатов наук практически сравнялась. Количество авторов без ученой степени хотя и уменьшилось с 1/4 до 1/5, но все равно весомо, и это демонстрирует сохранение и продолжения традиции доступности журнала для начинающих исследователей – аспирантов, ассистентов, младших научных сотрудников и преподавателей из числа соискателей ученой степени кандидата наук.

Гендерный состав авторов, скорее всего, является лишь косвенной характеристикой элитарности/доступности периодического издания. Потому что трудно предположить наличие какой-либо гендерной дискриминации при отборе статей в научном издании, скорее всего, это гендерная репрезентация в авторском составе научно-исследовательского и профессорско-преподавательского состава российской сферы науки и образования. В целом в авторском составе преобладают женщины (57,2 против 42,8% мужчин), их большинство среди кандидатов наук (65,4%) и авторов, не имеющих ученой степени (69,9%), мужчины доминируют среди академиков (90%) и докторов наук (55,7%) (рис.). Но среди постоянных авторов наблюдается обратная пропорция: 47,3% женщин и 52,7% мужчин.

Интересна в этом отношении интерпретация гендерного состава III Всероссийского социологического конгресса, состоявшегося в 2008 г.: «Мужчин по-прежнему больше среди авторов тезисов, подписанных докторами наук (58% мужчин, 42% женщин). Однако уже на уровне кандидатов наук соотношение изменяется – 68% женщин против 32% мужчин, несколько выше среднего показателя по выборке», а также сделанный в этой связи прогноз: «через 20 лет, если нынешние тенденции сохранятся, мужчины будут абсолютным меньшинством на всех этапах ранговой лестницы» [Соколов, 2015: 56].

⁸ Выбор авторами для анализа не 10-летнего (1974–1983), а 8-летнего (1975–1982) начального периода функционирования журнала представляется не совсем обоснованным. Тем не менее полученные ими данные могут послужить базой для сравнительного анализа.

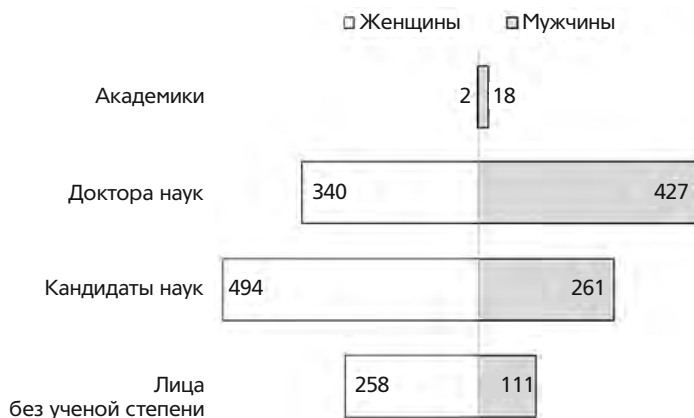

Рис. Гендерный состав авторов СоцИс по научному статусу (2014–2023) в абсолютных значениях

Если судить по нынешнему авторскому составу СоцИса (а он, видимо, лишь частично репрезентирует гендерный состав социологического сообщества в целом) пока доминирование женщин наблюдается только на двух нижних «этажах» статусной научной вертикали.

Еще одним показателем элитарности авторского состава может служить наличие *профильного социологического образования* (недоступное для анализа ввиду отсутствия подобных сведений в открытой части индивидуальных профилей авторов в РИНЦ), а также *научной специальности* по ученой степени. Гипотетически можно было бы предположить наличие в социологическом журнале определенных предпочтений профессиональным социологам, имеющим профильное образование и/или ученую степень по социологическим наукам. Поскольку профиль/научная специальность по ученой степени содержится в авторских биографических данных, представляемых в публикациях, это позволяет провести ретроспективный сравнительный анализ данного показателя за периоды 1975–1982 и 2014–2023 гг. (табл. 4).

Как мы видим, за прошедшие десятилетия число авторов с ученой степенью по социологическим наукам ожидаемо выросло кратно, но этот показатель доминирует только в категории постоянных авторов (54,7%). Среди других авторов он составляет 41,4%, а в целом по массиву – 43,2%. Можно сделать вывод, что научная специальность, а также научный и должностной статусы, не являются определяющими критериями в отборе авторского состава. Несмотря на значительное сокращение доли авторов с ученой степенью философских наук (с 66,3 до 16,6%), процент исследователей, имеющих ученые степени по философским, экономическим, историческим и политическим наукам в сумме остается около 40%.

Для характеристики метаморфоз начального периода функционирования журнала можно привести данные Д.Д. Райковой, которая констатирует наличие в 1974–1980 гг. в авторском составе 4,8% академиков, 37,8% докторов и кандидатов философских наук, 9% докторов и кандидатов экономических наук. При этом она отмечает, что к 1988 г. произошло удвоение числа авторов с ученой степенью кандидата экономических наук [Райкова, 1991: 80].

Таким образом, с момента образования журнала в основу деятельности редакции закладывались определенные принципы *демократичности* (отбор авторов не только по должностному и научному статусу, но и по качеству представляемых материалов – без учета их статусного положения) и *междисциплинарности* (участие в публикациях не только социологов и обществоведов самого широкого профиля, но и представителей технических и естественно-научных специальностей). Как показывает проведенный анализ, эти традиции развиваются и в современный период.

Таблица 4

Характеристика авторского состава СоцИса по научной специальности

Научная специальность по ученой степени	1975–1982 гг.*		2014–2023 гг.					
	все авторы (N = 575)		постоянные авторы (N = 201)		другие авторы (N = 1296)		все авторы (N = 1497)	
	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %	в абс. зн.	в %
Социологические	11	1,9	110	54,7	536	41,4	646	43,2
Философские	381	66,3	46	22,9	202	15,6	248	16,6
Экономические	77	13,4	21	10,4	166	12,8	187	12,6
Исторические	49	8,5	8	4,0	97	7,5	105	7
Политические	–	–	6	3,0	74	5,7	80	5,3
Психологические	12	2,1	3	1,5	36	2,7	39	2,6
Филологические	–	–	3	1,5	28	2,2	31	2,1
Юридические	21	3,7	1	0,5	29	2,2	30	2
Педагогические	–	–	–	–	28	2,2	28	1,9
Медицинские, биологические, химические	9	1,6	–	–	24	1,9	24	1,6
Технические	10	1,7	–	–	19	1,5	19	1,3
Географические	5	0,9	1	0,5	16	1,2	17	1,1
Физико-математические	–	–	–	–	16	1,2	16	1
Культурологии	–	–	1	0,5	13	1	14	0,9
Другие	–	–	1	0,5	12	0,9	13	0,8

Источник: *[Костенко, Яковлев, 2014: 126].

Столица vs периферия. Еще один аспект элитарности/доступности связан с соотношением среди авторов представителей столичных и региональных исследователей. В «географическом измерении» СоцИс выгодно отличается от всех других периодических научных изданий социологического профиля: «Его исключительное положение основано не на эксклюзивности публикационного пространства, а на открытости. Редакция журнала видит своей задачей представлять российскую социологию во всем ее многообразии, в том числе – самыми разными авторами» [Губа, 2018: 90].

Попробуем определить рамки этой открытости в плане охвата регионов. Проведенный анализ показал, что имеющие российское гражданство авторы СоцИса (1632 чел.) представлены всеми федеральными округами Российской Федерации, проживают в 79 городах и аффилированы с 298 научно-исследовательскими организациями и образовательными учреждениями (табл. 5).

Лидерами по числу авторов являются: в ЦФО: Москва (в 111 организациях 763 автора) и Белгородская область (2/16); СЗФО: Санкт-Петербург (22/212) и Вологодская область (2/15); ПФО: Нижегородская (10/35) и Саратовская области (5/29); УрФО: Свердловская (9/59) и Тюменская области (4/45); СФО: Новосибирская (7/27) и Иркутская области (4/25); ДФО: Республика Бурятия (3/21) и Приморский край (3/12); ЮФО: Ростовская обл. (3/33) и Волгоградская обл. (4/10); СКФО: Республика Северная Осетия – Алания (2/6); в Крымском ФО – всего 2 автора. Таким образом, среди российских авторов исследователи из Москвы составляют 46,7%, из Санкт-Петербурга – 13%, из всех других регионов России – 40,3%⁹.

⁹ Для сравнения – данные за период 2014–2016 гг.: авторов из Москвы – 58%, из Санкт-Петербурга – 8%, 34% – авторы из регионов и бывших союзных республик (58 российских городов и 226 организаций) [Губа, 2019: 24].

Таблица 5

Региональное представительство авторов по федеральным округам

№	Количество субъектов	Количество городов	Количество организаций	Число авторов (в т.ч. постоянных)
I.	Центральный федеральный округ (в 17 из 18 субъектов)	18	133	836 (121)
II.	Северо-Западный федеральный округ (в 9 из 11 субъектов)	8	32	250 (32)
III.	Приволжский федеральный округ (в 12 из 14 субъектов)	15	47	161 (13)
IV.	Уральский федеральный округ (в 4 из 6 субъектов)	6	22	126 (14)
V.	Сибирский федеральный округ (в 9 из 10 субъектов)	11	30	121 (4)
VI.	Дальневосточный федеральный округ (в 7 из 11 субъектов)	8	14	62 (5)
VII.	Южный федеральный округ (в 5 из 6 субъектов)	8	13	62 (5)
VIII.	Северо-Кавказский федеральный округ (в 2 из 7 субъектов)	3	5	10 (2)
IX.	Крымский федеральный округ (в 2 субъектах)	2	2	3 (0)
	Всего	79	298	1631 (196)

Что касается принадлежности авторов и их публикаций к *аффилированным организациям*, то здесь ожидаемо лидирует один из соучредителей журнала – ФНИСЦ РАН, представляющий собой объединение из пяти профильных научно-исследовательских институтов и четырех филиалов – 516 публикаций, НИУ ВШЭ – 264, СПбГУ – 145; РГГУ – 111, МГУ им. М.В. Ломоносова – 94 и т.д. Приоритет данных организаций объясняется как сосредоточением в них большого числа социологов¹⁰, так и высоким уровнем их квалификации, позволяющим разрабатывать более конкурентоспособные материалы.

География журнала не ограничивается российскими авторами – за анализируемый период на его страницах представлены публикации 280 зарубежных авторов (14,7% от всех авторов СоцИса), из них постоянных авторов – 11 чел. Это ученые из 55 городов, 78 организаций более чем 30 стран мира, в т.ч.: Казахстан: 6 городов, 14 организаций, 45 авторов; Украина (7/11/28), США (9/10/20), Беларусь (2/5/25), Армения (1/4/9), Польша (4/4/9); Великобритания (3/3/5); Литва (2/3/6); Узбекистан (2/3/4); Азербайджан (1/2/2); Латвия (1/2/5), Молдова (2/3/5), Эстония (2/2/6), Китай (2/3/6) и др.

В зависимости от характера привлечения к публикациям зарубежных авторов меняется и показатель «международное сотрудничество» (International Collaboration) СоцИса в рейтинге SJR¹¹, который наряду с другими показателями оказывает влияние на принадлежность журнала к тем или иным квартилям: в 2014–2016 гг. – Q4, 2017 г. – Q3, 2018–2022 гг. – Q2, 2023 – Q3¹².

Неоднократное обращение в ходе анализа к категории «постоянных авторов» демонстрирует их высокие по сравнению с другими авторами статусно-демографические

¹⁰ М.М. Соколов определяет генеральную совокупность для опроса российских социологов (N = 3689), в ней первые по численности 10 организаций: ФНИСЦ РАН – 195 чел. (5,3%), РАНХиГС – 180 (4,9%), НИУ ВШЭ – 153 (4,1%), СПбГУ – 141 (3,8%), УрФУ – 101 (2,7%), РГСУ – 96 (2,6%), ЮФУ – 94 (2,5%), МГУ им. М.В. Ломоносова – 86 (2,3%), Саратовский НИУ – 46 (1,2%), Белгородский ГНИУ – 45 (1,2%) [Соколов, 2021: 47].

¹¹ Scimago Journal & Country Rank (SJR).

¹² <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=18162&tip=sid&clean=0>

Таблица 6

**Топ-20 наиболее цитируемых публикаций постоянных авторов
СоцИс, 2014–2023 гг.**

№ пп	Фамилия и инициалы автора	Название статьи	Выпуск журнала	Количество цитирований
1.	Тощенко Ж.Т.	Прекариат – новый социальный класс	2015 № 6	443
2.	Радаев В.В.	Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ	2018 № 3	384
3.	Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.	Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов России, 1994–2013)	2015 № 12	223
4.	Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.	Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности	2015 № 12	150
5.	Колганов А.И., Бузгалин А.Н.	Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс	2014 № 1	145
6.	Зубок Ю.А., Чупров В.И.	Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда	2015 № 5	131
7.	Лубский А.В.	Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов»	2015 № 10	128
8.	Константиновский Д.Л., Попова Е.С.	Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования	2015 № 11	127
9.	Тихонова Н.Е.	Феномен бедности в современной России	2014 № 1	126
10.	Ключарев Г.А.	«Разрыв» образования и рынка труда	2015 № 11	121
11.	Бузгалин А.В.	Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность и собственность каждого на все?	2017 № 7	118
12.	Горшков М.К.	Общественное неравенство как объект социологического анализа	2014 № 7	116
13.	Дробижеева Л.М.	Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения	2020 № 8	115
14.	Тощенко Ж.Т.	Жизненный мир и его смыслы	2016 № 1	115
15.	Кравченко С.А.	«Нормальная аномия»: контуры концепции	2014 № 8	112
16.	Заборова Е.Н., Глазкова И.Г., Маркова Т.Л.	Дистанционное обучение: мнение студентов	2017 № 2	108
17.	Спасенников Б.А., Смирнов А.М.	Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях	2015 № 9	101
18.	Горшков М.К., Седова Н.Н.	«Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты	2015 № 12	100
19.	Санина А.Г.	Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России	2016 № 5	100
20.	Фролова Е.В.	Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности	2016 № 4	95

Примечание. Данные по состоянию на 10.04.2024.

характеристики. Ответ на вопрос: кто они такие и почему получают определенные преференции на повторные публикации, лежит в плоскости анализа их личных профилей в РИНЦ и результатах «репутационных» исследований.

Во-первых, при общем показателе индекса Хирша для всего авторского состава 12,9, средний показатель для этой группы как минимум в два раза выше¹³. Данный показатель свидетельствует о значительном количестве публикаций и их востребованности – цитируемости (табл. 6).

Во-вторых, большинство постоянных авторов регулярно попадают в лидеры профессиональных рейтингов социологического сообщества (например, в топ-5 по числу отданных голосов: Тощенко Ж.Т. (190), Горшков М.К. (164), Радаев В.В. (108), Зубок Ю.А. (97), Дробижеева Л.М. (89)) [Соколов, 2021: 49], а также включаются в сборники биографических интервью (23 персоналии из числа постоянных авторов СоцИса) [Докторов, 2011–2020].

В-третьих, продолжая оставаться в числе постоянных авторов, некоторые из них уже, к глубокому сожалению, в анализируемый период ушли из жизни, что явилось большой утратой для российской социологии: А.В. Бузгалин (1954–2023), А.В. Дмитриев (1934–2018), Л.М. Дробижеева (1933–2021), П.Н. Кондрашов (1976–2023), Н.И. Лапин (1931–2021), А.Н. Нысанбаев (1937–2023), В.В. Петухов (1950–2021), Л.С. Ржаницына (1933–2021), А.В. Тихонов (1939–2021), В.И. Чупров (1938–2021), Л.Л. Рыбаковский (1931–2024), Г.Ф. Шафранов-Куцев (1938–2020), О.И. Шкаратан (1931–2019), О.Н. Яницкий (1933–2020), В.Н. Ярская-Смирнова (1935–2023). Это актуализирует для редакции задачу поиска достойной замены ушедшим мэтрам, восполнения потерь в ядре авторского актива.

Заключение. Проведенный анализ показал, что в дихотомии «элитарности-доступности» редакции СоцИса удается находить определенный баланс, с одной стороны, опираясь на сложившийся состав постоянных авторов из числа ведущих отечественных социологов, а с другой – привлекая к сотрудничеству новых перспективных авторов из большинства российских регионов. При этом «региональная ориентация» имеет и обратную сторону в виде усиленной работы научных редакторов по доведению не всегда качественных материалов до определенных стандартов и неизбежного, даже при этих усилиях, снижения качества публикаций. Вместе с тем авторский состав журнала в определенной мере репрезентирует отечественное социологическое сообщество со всеми его достижениями и проблемами. Кроме того, предоставляя читателям возможность для знакомства с публикациями авторов из ближнего и дальнего зарубежья, редакция в определенной мере способствует расширению рамок обогнавшей в последние годы «суверенизации» российской социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскакова Ю.М. О некоторых особенностях публикаций в российских политологических и социологических научных изданиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 153–162.
- Губа К. Быть главным журналом в российской социологии: когда миссия имеет значение // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 4. С. 14–34. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-4-14-38.
- Губа К.С. Академические журналы: воспроизводство локальных репутаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. Т. 13. № 1. С. 152–164.
- Губа К.С. Ресурсная зависимость научных журналов: авторские vs читательские журналы // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 4. С. 73–100. DOI: 10.17323/1726-3247-2018-4-73-100.
- Демиденко С.Ю. Письмо в редакцию // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 170–172.
- Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами. Науч. сетев. попул. изд. / Ред.-сост. А.Н. Алексеев; ред. издания Е.И. Григорьева. 2011–2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (дата обращения: 04.04.2024).

¹³ Индекс Хирша у топ-20 постоянных авторов: Горшков М.К. (70), Дробижеева Л.М. (63), Тихонова Н.Е. (63), Тощенко Ж.Т. (60), Коротаев А.В. (56), Волков Ю.Г. (52), Зубок Ю.А. (51), Миронов Б.Н. (50), Петухов В.В. (48), Нефедова Т.Г. (47), Чупров В.И. (46), Андреев А.Л. (45), Лапин Н.И. (44), Рязанцев С.В. (44), Дежина И.Г. (43), Кравченко С.А. (42), Левашов В.К. (41), Мареева С.В. (41), Бузгалин А.В. (38), Шабунова А.А. (38) и др. (данные по состоянию на 10.04.2024 г.)

- Ивахненко Г.А. Динамика научных коммуникаций в социологии: анализ пристатейных библиографий в журнале «Социологические исследования», 1974–1993 годы // Социологический журнал. 1994а. № 2. С. 142–148.
- Ивахненко Г.А. Сравнительный анализ цитирования в журналах «Социологические исследования» и «Научный коммунизм» в 1974–1975 гг. // Социологические исследования. 1994б. № 2. С. 118–122.
- Ключарев Г.А. К читателю // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 3–4.
- Козлова Л.А., Петрова А.А. Концептуальная рефлексивность и ее измерение: анализ журнала «Социологические исследования» за 2007 год // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 117–140.
- Костенко В.В., Яковлев Г.А. Состав авторов журнала «Социологические исследования», 1975–1982 гг. // Социологические исследования. 2014. № 9(365). С. 123–130.
- Кравец А.В. Контент-анализ публикационной направленности журнала «Социологические исследования» за 2020–2023 год // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 2. С. 1–11.
- Разина М.Г. Обсуждение социологических журналов // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 234–235.
- Райкова Д.Д. Социобиблиометрический анализ журнала «Социологические исследования» // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 74–81.
- Соколов М.М. Академические репутации в российской социологии: опыт измерения // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 44–56. DOI: 10.31857/S013216250013728-3.
- Соколов М.М. Демографические и социальные профили субдисциплин в советской и российской социологии // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 49–56.
- Ушкин С.Г. Электронные научные журналы по социологии: пациент скорее жив? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4(122). С. 170–175. DOI: 10.14515/monitoring.2014.4.12.
- Эфендиев А.Г., Сорокин П.С., Балабанова Е.С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов // Социологические исследования. 2015. № 9(377). С. 36–49.
- Ядова М.А. Актуальная политическая повестка российских социологических журналов // Политическая наука. 2021. № 4. С. 287–309. DOI: 10.31249/poln/2021.04.13.
- Ядова М.А. Новые идеи в российской социологии: Проблемно-тематический репертуар отечественных социологических журналов // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 1. С. 108–124. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-11008.

Статья поступила: 15.04.24. Принята к публикации: 12.06.24.

IN SEARCH FOR A BALANCE: THE AUTHORSHIP STRUCTURE OF THE JOURNAL "SOTSIOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIYA" [SOCIOLOGICAL STUDIES] (2014–2023)

OBRAZTSOV I.V.*, POLOVNYOV A.V.*

*Moscow State Linguistic University, Russia

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Laboratory (igorobraztsov@rambler.ru); Andrey V. POLOVNYOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher (polovnev_av@mail.ru). Both – Sociological Laboratory, Department of Sociology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Abstract. The article deals with the problems of selection and formation of the authorship of the journal *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies] (SocIs). The parameters of their scientific and official statuses, affiliation with research organizations and educational institutions, gender mix, regional and international affiliation are used as the basis for the analyzing publication activity of the authors of the journal for the period 2014–2023. A comparative retrospective analysizing of the above parameters for the first and last (current) decades of the journal's functioning was also carried out. On the basis of the analysis of formal indicators of effectiveness and efficiency of the Russian Science Citation Index (RSCI) the special leading place of SocIs in the hierarchy of domestic periodicals of sociological profile was stated. The long-term traditions and trends in the work of the journal's editorial staff, related to the realization of a balanced approach to the selection and attraction of promising researchers to publications, are revealed. The conclusion is made about the journal's publication accessibility for both high-level professionals and beginner researchers, as well as about the broad thematic, regional, and international orientation of the published materials. In general, the authors' composition of the journal to a certain extent represents the national sociological community with all its achievements and problems.

Keywords: author's composition, journal "Sotsiologicheskie Issledovaniya" [Sociological Studies], scientific public metrics, publishing activity, editorial policy, sociology in Russia.

REFERENCES

- Baskakova Yu.M. (2013) On Some Features of Publications in Russian Political and Sociological Scientific Publications. *Monitoring obshchestvennogo neniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 153–162. (In Russ.)
- Demidenko S. Yu. (2020) Letter to the Editor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 170–172. (In Russ.)
- Doctov B.Z. (2011–2020) *Biographical Interviews with Colleagues Sociologists*. Scientific Network Replenished Edition. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigoryeva. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=3074 (accessed 04.04.2024). (In Russ.)
- Efendiev A.G., Sorokin P.S., Balabanova E.S. (2015) The Main Problems of the Development of Russian and Foreign Sociological Journals. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9 (377): 36–49. (In Russ.)
- Guba K. (2018) Resource Dependence Theory Applied to the Population of Academic Journals. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. No. 19(4): 73–100. (In Russ.)
- Guba K. (2019) To be the Flagship Journal of Russian Sociology: When the Mission Matters. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. No. 20(4): 14–38. (In Russ.)
- Guba K.S. (2011) Academic Journals: Reproduction of Local Reputations. *Vestnik Tomskogo gosun-ta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University: Philosophy. Sociology. Political science]. No. 13(1): 152–164. (In Russ.)
- Ivakhnenko G.A. (1994a) Dynamics of Scientific Communications in Sociology: Analysis of the Mantle Bibliography in the Journal “Sotsiologicheskie issledovaniya”, 1974–1993. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 142–148. (In Russ.)
- Ivakhnenko G.A. (1994b) Comparative analysis of citation in the magazines “Sociological Research” and “Scientific Communism” in 1974–1975. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 118–122. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2023) To the Reader. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 3–4. (In Russ.)
- Kravets A.V. (2023) Content Analysis of the Publication Orientation of the Journal “Sotsiologicheskie issledovaniya” for 2020–2023 years. *Mir nauki. Ser.: Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. No. 14(2): 1–11. (In Russ.)
- Raikova D.D. (1991) Socio-Bibliometric Analysis of the Journal “Sotsiologicheskie issledovaniya”. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 74–81. (In Russ.)
- Razina M.G. (1995) Discussion of Sociological Journals. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No 2: 234–235. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2015) Demographic and Status Profiles of Subspecialties in Soviet and Russian Sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 49–56. (In Russ.)
- Sokolov M.M. (2021) Academic recognition in Russian sociology: a study using reputation surveys. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 44–56. (In Russ.)
- Ushkin S.G. (2014) Electronic Scientific Journals in Sociology: the Patient is More Likely Alive? *Monitoring Obshchestvennogo neniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4(122): 170–175. (In Russ.)
- Yadova M.A. (2020) New Ideas in Russian Sociology: Problematic and Thematic Repertoire of Domestic Sociological Journals. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. No. 11(1): 108–124. (In Russ.)
- Yadova M.A. (2021) Actual Political Agenda of Russian Sociological Journals. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No 4: 287–309. (In Russ.)

Received: 15.04.24. Accepted: 12.06.24.

© 2024 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОБЪЯСНИМА, НО НЕПРЕДСКАЗУЕМА, ИЛИ КАК СВОБОДА РОЖДАЕТ ДЕТЕРМИНИЗМ?

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патрика Лумумбы; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлена критическая реинтерпретация и реконструкция одной из ключевых проблем научного обществоведения: как возможно логически непротиворечивое и эмпирически обоснованное объяснение социальных феноменов, порождаемых волюнтаризмом действий человека, сцепляемых в сложносоставные комбинации, казалось бы, бесконечно множественной контингентностью? Иначе говоря, речь идет о попытке ответа на вопросы: как логически воображаемая контингентность способна порождать на эмпирическом уровне элементы порядка, почему социальные интеракции обладают относительной устойчивостью и воспроизводимым характером, какую роль в процессах морфогенеза общества играют т.н. непредвиденные последствия социально ориентированных (но продиктованных «личными мотивами») человеческих поступков?

Ключевые слова: каузальность • причинно-следственные связи • закономерность • свобода воли • контингентность • социальное действие • социальное отношение • социальные институты • методология социальных и гуманитарных наук

DOI: 10.31857/S0132162524070141

Многим коллегам по социально-гуманитарному цеху, по их собственным признаниям, доводилось становиться участниками или свидетелями хмельных вагонно-кухонных разговоров, травмирующих их профессиональную идентичность. В подобных беседах, призванных выяснить, кто чего на белом свете стоит, хотя в итоге ничего не выясняющих, ключевую роль обычно играет дискурсивно доминирующий персонаж-обвинитель, которого условно можно назвать «технарем» (при всей неопределенности такой номинации). В качестве обвиняемого/жертвы выступает тот, кого принято именовать на обыденном языке «гуманитарием»¹.

Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00440.

¹ Нет необходимости давать определения весьма нечетких множеств «технарей» и «гуманитариев» как номинаций, активно используемых в повседневном словоупотреблении. Грубо говоря, «технарь» – это тот, кто выступает на стороне «точных» наук и их инженерных приложений, а «гуманитарий» связан с широкой областью знаний о человеческом обществе, культуре, истории и т.п.

Технар: Ну что ты, гуманитарий, там изучаешь? Говоришь – человека, общество, культуру...? И еще ты говоришь, что занимаешься наукой? Вот смотри, допустим: яблоко на столе лежит, мы можем его катать, подбрасывать, на пол уронить, в окно выкинуть, порезать, сок из него выдавить, шарлотку испечь (хотя одного яблока для этого не хватит). Осторожно, яблоко кислое, потому что это антоновка... Можно еще долго описывать этот объект, мы, в сущности, довольно много можем о нем узнать, если только захотим, или спросим у физика, химика, ботаника, агронома, кулинарных дел мастера. Теперь скажи, гуманитарий, – что ты можешь сказать про своего человека, про его мысли, намерения, устремления или про людей, двух, трех, сотни, миллионы, как они поступят через минуту, завтра, послезавтра? Вот про меня, например, что мне придет в голову сейчас сделать, хотя бы с этим яблоком – съесть, с тобой поделиться, в карман убрать или бросить об стену, все это я могу. И еще бог знает что, – имеются тысячи вариантов. Потому что у меня и у тебя есть «свобода воли», а у яблока ее нет. Яблоко предсказуемо, а его хозяин – нет. Какая тут наука может быть? О яблоках – допустим, а о людях – сомневаюсь. О последних можно только домыслы строить и рассуждать приблизительно, – никакой точности. Вот тебе и наука, пустые разговоры одни. Поэтому есть науки о природе и математика, все остальное ерунда, жалкие потуги, пародия на науку...

Ну что тут, в самом деле, ответишь? А отвечать надо: хотя бы самому себе, не хочется ведь всю жизнь заниматься ерундой или тем, что большинство людей ерундой считают. Надо как-то защищаться или бросать заниматься всякими несерьезными вещами. Можно было бы конечно отреагировать отчасти эмоционально, сказав, что наш воображаемый обвинитель просто не осведомлен о реальных исследовательских практиках «неестественных» наук. Но тем не менее, положи руку на сердце, следует признать: определенная логика в его рассуждениях имеется, а сам их строй соотносится с тем, что принято называть здравым смыслом, а здравый смысл заслуживает того, чтобы с ним как минимум считаться, и т.д.

Разумеется, гуманитарий и обществовед не являются такими уж незадачливыми фигурами, и они, конечно, умеют гнуть свою линию, отстаивать ее и сопротивляться. Тот, кого называют гуманитарием не в расхожем, а в более узком смысле, может честно сказать: да, наша работа несравнима с работой физика, то, что мы делаем – действительно, не *science* (а, скорее, *artes liberales*). Представители же социальных (или, выражаясь на американский манер, – поведенческих) наук более склонны воспринимать аргументы наивной сциентистской критики на свой счет, она им может даже сниться, а наяву представлять как болезненный детский комплекс неполноценности, от которого очень хочется, в конце концов, избавиться. Позитивизм стал простым ответом на все упреки: да, мы пока не физики, но подождите, мы попробуем ими стать – стать настоящими социальными физиками. Еще не вечер, будет праздник и на нашей улице, нам нужно время. Но времени прошло довольно много, а до физиков обществоведам все еще так же далеко.

Если же говорить шире, нешуточная озабоченность методологическими проблемами использовалась социальными науками как своего рода лекарство от ночных кошмаров и «нечистой совести». Зацикленность на методологических вопросах для некоторых дисциплинарных вариаций обществоведения превратилась в легко узнаваемый элемент имиджа. Именно эта особенность социально-научного знания схвачена в ироничном замечании Анри Пуанкаре, окрестившего социологию, как бы между прочим, наукой очень богатой методами, но бедной результатами.

Исследователь дел и страстей человеческих, культуры и общества, как пациент психоаналитика, может спросить сам себя: что же все-таки со мной не так, почему я недоотягиваю (в глазах ли окружающих, или в собственных глазах) до планки, преодоление которой дает право носить гордое имя ученого. И ответ будет очень простым. Объект, на изучение которого я претендую, – это какое-то думающее, чувствующее, волящее «яблоко» с руками и ногами, мотивами и желаниями, «косяками» и «тараканами», т.е., по сути, и не яблоко вовсе, а существо, обладающее беспрецедентно высоким уровнем

избирательности реагирования на вызовы собственной жизненной среды, «слишком уж умная обезьяна», запросто разрушающая когнитивные шаблоны тех, кто пытается объяснить ее поведение. Исключительность положения этого прямоходящего примата в мире природы определяется следующим обстоятельством. Поведением животных управляют инстинкты (хотя человек, конечно, тоже животное!). В этом смысле животное в известном смысле можно назвать рабом инстинкта. У человека же поверх инстинктов, в дополнение к ним (и отчасти взамен) есть намерения, стремления, цели и они могут быть разные. Люди могут совершать сознательный выбор из сотен альтернатив действия.

Но означает ли это, что надо опускать руки? Конечно же, нет? Надо начинать разбираться. И если у нас не получается все так же хорошо, как у виртуозов науки (типа физиков), это не значит, что надо отчаиваться и переставать пробовать (грызть малосъедобный научный гранит).

Картина мира классической европейской науки Нового времени содержит допущение о действии принципов детерминизма в природе. Самая простая версия детерминизма – механистический или лапласовский детерминизм: если нам даны координаты объекта в пространстве в определенный момент времени и «функция», описывающая движение данного объекта, мы можем предсказать (высчитать) его положение в любой момент времени. В этом смысле большинство физических закономерностей могут быть выражены на математическом языке в формате $y = f(x)$. Между рядами значений зависимой и независимой переменных существуют некоторые функциональные связи, т.е. взаимно однозначные соответствия. Иначе говоря, явления в природе как-то взаимообусловлены, выступают в качестве элементов причинно-следственных (каузальных) цепочек.

За спиной устойчивых, регулярных и повторяющихся связей и отношений между феноменами, возможно, скрываются какие-то законы мироздания. Но это не точно, – может, скрываются, а, может, и нет. Если ученый работает в последовательно феноменалистской традиции, он не обязан обнаруживать сущности, вскрывать глубинные, ноуменальные пласты исследуемых им отношений между фактами. Для него достаточно и того, что его теория говорит: определенные группы событий связаны так-то и так-то. Если исследователь претендует на большее, он может спросить: а почему они именно так связаны, или даже какой в этом смысл (хотя во втором случае он уже меняет оптику ученого на оптику философа). То есть каузальность можно понимать объективистски как отражение каких-то действительных, бытийственных закономерностей, а можно феноменалистски – и тогда в опыте нам даны лишь корреляции, т.е. некоторые эмпирически фиксируемые зависимости между наблюдаемыми фактами.

Но о людях как существах, наделенных сознанием и волей, обуреваемых чувствами и эмоциями, – что можно сказать о них? Подпадают ли они под действие принципа универсального детерминизма или этот принцип на людей не распространяется? Каждый человек переживает свою действительную или мнимую свободу по-своему. Кто-то верит, что может свернуть горы (тот, кому море по колено), кто-то, напротив, чувствует себя повязанным по рукам и ногам, кто-то сомневается, осторожничает, не может решиться, какой вариант предпочесть. Но все же человеку даны в тех или иных пределах ситуации возможного выбора: пользоваться левой или правой конечностью при вставании с постели (если обе в наличии и нормально работают), между ложкой каши и глотком чая (если и то и другое стоит на столе, и никто не регламентирует, с чего начинать), между «белявой, чернявой и рыжей кучерявой» (с кем сегодня вечером пойти погулять), и т.п. И решает только он, никто другой. Результат никогда заранее неизвестен, как в примере с судьбой яблока, находящейся в руках человека.

Если вывести разговор на макроуровень, то на передний план неизбежно выходит старая проблема роли личности в истории. Безусловно, эта роль высока. Но означает ли это, что историческое развитие человечества является царством случайности (притом, что наука обычно признавалась ее непримиримым врагом). Известно высказывание Б. Паскаля об исторической роли носа Клеопатры. Действительно, египетская царица была

весьма влиятельной женщиной, и некоторые детали ее характера и внешности могли сказываться на ее отношениях с не менее влиятельными мужчинами, такими как Юлий Цезарь и Марк Антоний... Всерьез или в шутку французы говорят о зависимости неуспеха русского похода 1812 г. от поразившего Наполеона накануне или в момент Бородинского сражения насморка... Возможно, выпускник Казанского университета и сын действительного статского советника Владимир Ульянов стал бы обычным провинциальным юристом в одном из волжских городов, и рано или поздно был бы представлен за свои труды к третьестепенной государственной награде, ... если бы не казнь брата. И некому было бы тогда приезжать в Петроград на Финляндский вокзал, толкать речь с броневика, писать апрельские тезисы и скрываться в Разливе. Хотя и нет никакой уверенности в том, что в таком случае «вождем мирового пролетариата» не стал бы какой-то другой человек (конкретные подробности биографии того, «другого» революционного лидера были бы, естественно, иными). В среде неконформистской интеллигенции позднего СССР гуляла ироничная «байка», что, мол, реальная судьба молодой Советской России фактически была решена благодаря исходу конкретной битвы между красными латышскими стрелками и белочехами... И т.д. и т.п. в том же духе.

Следует признать, что прошлое любой страны или народа при изменении ряда обстоятельств могло бы стать каким-то иным, – либо «физиономически» иным (выражаясь в стиле Г.В. Плеханова [Плеханов, 1956]), либо даже принципиально иным. Мы также понимаем, что новейшая история в любой точке мира пишется у нас на глазах. Будущее открыто, непредзадано: что будет завтра, в точности никто не знает. Ни Белый дом, ни Кремль, ни Елисейский дворец, ни Даунинг-стрит 10 не являются идеально работающими «социальными метеостанциями», способными планировать и прогнозировать состояние общества с высокой точностью. Ход событий складывается из бесчисленного множества «мелочей», которые вычерчивают самые неожиданные траектории движения общества как динамической системы. Ни у кого нет контроля над событиями, позволяющего угадать, где Аннушка прольет подсолнечное масло, и чем конкретно это малопримечательное событие может обернуться.

Но когда будущее становится прошлым, оно превращается в предмет причинного анализа, доступный для исторической науки. Поэтому про дела дней минувших историк вправе сказать, – это событие явилось следствием такого-то и такого-то набора (стечения, констелляции) условий и обстоятельств. Детерминизм истории как науки всегда носит конкретный и ретроспективный характер. События прошлого уже свершились, остается лишь размотать их конкретный клубок в направлении от дня сегодняшнего к истокам, а потом смотать обратно, показав, как и почему в определенный момент времени в определенном месте образовался именно такой «букет» из фактов.

Это и значит, в сущности, что история объяснима постфактум, но непредсказуема. Того, что еще не свершилось, попросту не существует, и о нем можно только гадать, потому что люди еще не начертили на песке будущего узор из своих чувств и мыслей, мотивов и стремлений, целей и поступков. Известно, что историк при работе с фактами обычно использует идиографическую (индивидуализирующую) методологическую стратегию. Иначе говоря, его интересует уникальный и неповторимый характер сложившегося узора исторического прошлого человеческих обществ. Другие представители гуманитарно-обществоведческого профессионального цеха обычно рассчитывают на нечто большее. Их интересуют именно регулярности, а не индивидуальные композиции феноменов. Эту познавательную стратегию со времен В. Виндельбанда и Г. Риккерта принято называть номотетической (или генерализирующей) [Риккерт, 1997; 1998; Виндельбанд, 1901; Момджян, 2015].

Номотетические науки об обществе, например, социология, пытаются формулировать обобщения, более или менее аналогичные тем, которые выводит теоретическое естествознание. Закономерности, выявляемые науками о природе, имеют вид: если имеет место событие/причина *a* (набор событий/причин *b*, *c*, *d* ... и т.д.) при наличии начальных

условий (e , f , g , и т.д.), есть основания ожидать события / следствия k . В ряде случаев такие связи между событиями можно описать в количественных величинах – даже когда речь идет о людях и их «осмысленных» поступках: среднестатистическая женщина в современных обществах рождает реже, чем в обществах традиционных; число эгоистических самоубийств среди представителей определенной группы (по Э. Дюркгейму) обратно пропорционально степени ее интегрированности, и т.п.

Но спрашивается, а как же свобода воли и «контингентность» человеческих мотивов и поступков, о которых нам постоянно напоминает здравый смысл нашего воображаемого (наивного, но упрямого) собеседника?

Ш. де Монтескьё, один из самых социологически мыслящих интеллектуалов XVIII столетия, писал: «Миром управляет не фортуна... Если случайно проигранная битва, т.е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы» [Монтескьё, 2002: 356-357]. Он же позднее сформулировал программное положение детерминизма, осторожно выходявшего на минное поле общественной жизни как специфического предмета научного исследования: «Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии» [Монтескьё, 1999: 7]. Вероятно, к этому высказыванию можно было бы прибавить, что сама человеческая фантазия не столь уж «произвольна» и необъяснима, как может казаться с первого взгляда.

Социологический детерминизм хитер, он вырастает из свободы индивида, значимых и не очень значимых личностей и орудует в мире общественных отношений при ее участии. Поэтому-то, собственно, и оказывается возможен номотетический каузальный анализ хитросплетений, образующих замысловатую, узорчатую ткань социальной жизни. Но как это доказать?

Как можно научно объяснить человека как над-, сверх- и более-чем-биологическое существо? Хотя и биология, надо признаться, может в человеке многое объяснить. К биологии примыкает психология, для которой человек также не является какой-то таинственной, загадочной, потаенной сущностью. Психолог, глядя на конкретного индивида, может сказать: вот перед вами интроверт, меланхолик, тревожный, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством. У человека есть разные потребности (с биологией эта область стыкуется непосредственно), характер, темперамент, врожденные и выработанные наклонности, установки. Социолог прибавит к этому: человека (его поведенческие и ментальные особенности) просто из него самого, как такового, как отдельно взятого индивида, вырванного из его среды, полностью объяснить не получится. Его всегда кто-то окружает или окружал в прошлом. Здесь уместно вспомнить азбучную истину из старой-доброй интеракционистской традиции: человек становится сам собой, т.е. личностью, лишь потому, что вокруг существуют другие. Разговор, который готов вести и поддерживать социолог, касается на самом деле не человека самого по себе, но *людей*. Для социолога человек объясним, прежде всего, потому, что он не один.

Возьмем, к примеру, простейший случай социального взаимодействия двоих индивидов. Пускай это будут дядя Ваня и тетя Груня, которые моются в колхозной бане (в то самое время, напомним, когда местные парни снимают урожай спелых вишен из их сада). Можно спросить: а что здесь, собственно, происходит? Сказано предельно ясно: дядя V (Ego) купает тетю G (Alter). Скорее всего, у участников интеракции существует определенный уровень «согласия» по поводу происходящего. Этот порой трудно достигаемый консенсус держится на обоюдности ролевых ожиданий партнеров. Я знаю, чего в данный момент ждет от меня Другой. У него могут быть на сей счет свои мотивы, не обязательно совпадающие с моими, главное, чтобы известный обоим паттерн взаимодействия фактически не нарушался. Я поступаю соответственно (исходя уже из моих собственных соображений и предпочтений). Он ведет себя аналогичным образом. В итоге акторы демонстрируют обоюдно конформные реакции. Основанная на «определенности в системе

экспектаций» интеракция обеспечивает социальную интеграцию на микроуровне. Структуры общества воспроизводятся во времени; социальный порядок поддерживается; «гоббсова проблема» решается практически (не на страницах учебника по социологии, а в бане).

Ego и Alter более или менее поняли намерения друг друга, особенности ситуации, оценили обстановку, и делают что-то известное им (откуда-то), возможно, даже привычное. И они без всякого И. Гофмана представляют себе, что такое «ситуативная уместность». У обоих есть тела, говоря языком Т. Парсонса, «поведенческие организмы». Есть большой и малый реквизит: парная, предбанник, веники, мыло, корыто, набор ковшиков, вода в бочке. Есть цели и средства, нормы и ценности. Откуда Ego и Alter знают как надо себя вести? – Им в этом деле помогают социализация, обеспечивающая (интернализацию / усвоение ценностей и образцов), культура и социальный контроль [Парсонс, 2000]. Актеры могут фактически или хотя бы мысленно поменяться местами. Это значит, что, как сказал бы А. Шюц, в описываемом случае, как и в тысячах других, действуют идеализации «взаимности перспектив» [Шюц, 2004: 14–16].

Когда дядя и тетя, чистые и довольные, вернутся домой, они будут удивлены, и даже, наверное, расстроены, потому что их вишневый сад ободрали, и это происходит не так уж часто. Но это будет потом, а пока они просто моются. Возможно, парни знали, что у дяди Вани сегодня банный день, хотя у него могли измениться планы, он остался бы дома, и тогда взаимодействие пошло бы по другому сценарию, и парням, наверное, не поздоровилось бы.

Можно чуточку изменить состав участников взаимодействия, и вспомнить случай, произошедший однажды вечером в самом центре Одессы, в доме на углу Дерibasовской и Ришельевской. При всей гротескности, вмонтированной в песенный нарратив, все же можно сказать, что ни о чем абсолютно невообразимом история бабушки и налетчиков не повествует. Все участники описываемой в песне пикантной интеракции тоже знали, каждый в уготованной ему роли и на свой лад, что здесь/тут, собственно, происходит. Чтобы повторить свидание с налетчиками, бабушка открывает все двери и даже жарит курицу.

Все это является свидетельством того, что люди в абсолютном большинстве случаев строят взаимодействия друг с другом в соответствии с определенными явными или латентными правилами, а если и нарушают их, то просто ориентируясь на другие (альтернативные) системы социальной регуляции, т.е. на контрправила. Поэтому в конкретных ситуациях взаимодействия множественная контингентность, чреватая в практической жизни хаосом, обычно «схлопывается», максимально «редуцируется», раскладываясь на ограниченное количество потенциально представимых исходов. Формула «может произойти все что угодно» («от него / от нее можно чего угодно ожидать») преобразуется в формулу «скорее всего, произойдет то-то и то-то». Например, дедушка опять будет рассказывать старый армейский анекдот, который рассмешит из сидящих за столом только его одного, но улыбнутся при этом все, проявляя тем самым тактичность в отношении конкретного игрока, поскольку никто из собравшихся не заинтересован в нарушении «нормального» хода семейного торжества. А подвыпивший технарь, несмотря на свою декларируемую «непредсказуемость», закончит свою разгромную речь, направленную против гуманизма, несколько подболев, произнесением «высоко оригинального» тоста «Ну, в общем, ты понял?! За кибернетику!» А гуманитарий ответит столь же типическим и ситуативно уместным для его позиции в разговоре кивком головы и поднятием стакана.

Из взаимных действий образуется социальное отношение, которое может приобретать черты устойчивости и постоянства, хотя сами поступки акторов, порождающие их мотивации и установки совершенно обязательно должны быть симметричными. В обсуждаемом контексте обращает на себя внимание следующий отрывок из веберовских «Основных социологических понятий»:

«Социальным "отношением" мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это... Содержание этого

отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, "выполнение" соглашения, "уклонение" или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера... Таким образом, понятие "социальное отношение" как таковое ничего не говорит о том, идет ли речь о "солидарности" действующих лиц или о прямо противоположном...

...Социальное отношение имеется даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как "государство", "церковь", "сообщество", "брак" и т.д. и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотнесенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет...

...Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение одинаковый смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в этом смысле здесь существует взаимность. "Дружба", "любовь", "уважение", "верность договору", "чувство национальной общности", присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно "односторонним" для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотнесено, поскольку действующий индивид предполагает (может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что определенная установка по отношению к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру, и на такое ожидание он ориентирует свое поведение, что может, в свою очередь, иметь (и обычно имеет) серьезные последствия как для его поведения, так и для дальнейших отношений между данными индивидами. Объективно "двусторонним" отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотнесено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров, например, если установка отца соотносится с установкой его детей хотя бы приблизительно так, как того ожидает (в отдельном или типическом случае) отец. В реальной действительности социальное отношение, полностью покоящееся на обоюдных, соответствующих друг другу по своему смыслу установках, – есть пограничный случай. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает ... "социальное отношение", когда в результате этого исчезает взаимная соотнесенность поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий...

Социальное отношение может быть преходящим или длительным, т.е. основанным на возможности того, что повторяемость поведения, соответствующего смыслу этого отношения (т.е. считающегося таковым и ожидаемого) существует» [Вебер, 1990: 630–633].

Два других «кита», подпирающих своими могучими телами здание мировой социологии, указывают на то, что такие формирующиеся и со временем изменяющиеся и трансформирующиеся отношения «в моменте» (т.е. в каждый конкретный отрезок времени) довольно мало зависят от самих людей. Обычно они присутствуют уже «на входе». Иногда лежащие в основании подобных отношений правила даже написаны на дверях для «не слишком понятливых». Потенциальные посетители бань обычно знают, как надо вести себя в таких местах и чем отличаются общественные парилки от отдельных кабинетов.

К. Маркс говорит, что люди вступают в определенные исторически складывающиеся отношения независимо от их воли и сознания (в каждую эпоху эти отношения разные); сами же воля и сознание людей в конечном счете детерминируются этими отношениями (в надстроечных явлениях находит отражение и преломление структурный расклад сил, обформившихся в базисе).

Э. Дюркгейм в свою очередь называет социальным фактом, – напомним тут школьное определение: «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; ... распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [Дюркгейм, 1991: 421]. Люди рождаются, а общество всегда

уже существует с его регламентами, уставами, расписаниями, стандартами, кодексами, нравами, традициями и обычаями, условностями и приличиями.

Если отношения «схватились», «застыли», они стали институтами. Совокупность исторически сложившихся объективированных социальных отношений образует каркас системы общественных институтов, а сложный комплекс частично изоморфных этим отношениям субъективных ориентаций акторов образует культуру. И то и другое может быть в принципе наблюдаемо и, следовательно, подлежит изучению. Последовательно развертывающийся процесс рождения социальной реальности из недр множества переплетенных индивидуальных «свобод» мы можем представить себе только аналитически, но эмпирически мы всегда находим эту реальность как нечто наличествующее *до нас*.

У процессов социального конструирования реальности есть своя логика, и эта логика не является простым слепком людских намерений и расчетов, целей и стремлений. И человеческая свобода оказывается в указанном процессе лишь посредствующим звеном или приводным ремнем. Н. Элиас завершает свой очерк «Общество индивидов» словами: человеческая история вырастает из планов, но не является запланированной, движима целями, но без цели [Элиас, 2001: 99].

Люди очень часто «не ведают, что творят», не являются идеально информированными и идеально логически рассуждающими, не осознают начальных условий текущего событийного контекста и обстоятельств, не прогнозируют будущее на много шагов вперед (или прогнозируют неправильно), делают не то, что говорят, и говорят не то, что думают. В итоге результаты их совместной деятельности оказываются плохо предсказуемыми для них самих, а сама эта деятельность продуцирует множество непредвиденных и непреднамеренных последствий и иных побочных продуктов в облики институты и артефакты культуры.

И еще, поскольку человеческая деятельность является по преимуществу совместной, на узко индивидуальном уровне она является слабо контролируемой (отдельно взятый человек вообще слаб: $1 = 0$), ведь ее исходы зависят не только от конкретного актора, но и в большей или меньшей степени от окружающих его людей (и обстоятельств). Вдобавок к этому всякий процесс социального формотворчества имеет свою историю, т.е. свою колею. Мертвые обладают властью над живыми, а конкретные традиции минувших поколений оказываются почвой, с которой так или иначе приходится считаться их потомкам и наследникам, стремящимся утвердиться и реализоваться (иногда наперекор предкам) в собственном настоящем. Поэтому-то общество и живет своей жизнью, оставаясь всего лишь «продуктом и результатом» скрецающихся и пересекающихся людских волей, но являясь в то же время *самодовлеющей* силой, подчиняющей себе судьбы и биографические траектории миллионов единичных представителей рода человеческого.

Социальные действия людей свободны/волюнтаристичны/(в той или иной мере) осмысленны/интенциональны, ... и правилосообразны одновременно. Нормированность и правилосообразность элементов социального мира может осознаваться или не осознаваться индивидами, восприниматься или не восприниматься как нечто обременительное и принуждающее. Но в итоге (как бы то ни было) по совокупности причин происходит *отрыв*, в результате которого сама форма социальной связи, выражаясь в зimmelевском стиле, приобретает самостоятельность; аморфная материя обобществления упорядочивается, принимая вид геометрической фигуры.

Красивая философская метафора определяет человека как «вольноотпущенника природы». Мать-природа, действительно, отпускает своих сыновей на свободу (хотя все же частично, не полностью, так сказать, «условно-досрочно», включая режим «длинного поводка»; ведь элементы родительского контроля в отношении людей и природы всегда сохраняются). Но освободившиеся от тотальной опеки естественных закономерностей (в том числе собственных инстинктов) люди попадают в новое, теперь уже «рукотворное рабство», становясь зависимыми от институтов и культуры, которые они создают и воспроизводят сами как существа общественные, что находит ежеминутное отражение в их мышлении и поведении.

Разговоры о специфике каузальности, обнаруживаемой в синхронном и диахронном измерениях социальной жизни, могут вестись с учетом или без учета апелляции к человеческой субъектности как элементарной ячейке универсума человеческого общества. В любом случае нет необходимости в отрицании индивидуальной креативности мышления и действия, даже если исследователь исходит в своих рассуждениях из предположения, что социологические закономерности действительно существуют. Свободу индивида нужно рассматривать как дополнительный фактор сложности, который приходится принимать во внимание при построении объяснительных моделей обществоведческих дисциплин, а не как непреодолимое препятствие на пути научного анализа социальных явлений.

Так, индивидуальная физиономия социально-исторических событий разного масштаба наперед непредсказуема, как и конкретные конstellации многих природных явлений. Метеорологи, исходя из имеющихся у них данных, могут предсказать проливной дождь или шквалистый ветер в определенном регионе, но сказать точно, что конкретный ураган повалит вот это конкретное дерево, нельзя (хотя вполне резонным было бы предположить, что самый высокий шанс на падение имеется у полугнилого высокого дерева со слабой корневой системой).

Хрестоматийная критика вульгарных версий детерминизма в социально-гуманитарном знании содержится в «Нищете историцизма» и «Открытом обществе» К. Поппера. Философ признает возможность формулировки абстрактных социологических законов, соответствующих общенаучному типу «если *a*, то *b* при наличии условия *c*» (даже если некоторые из них придется признать тривиальными). Но из этого логически не вытекает возможность формулировки конкретных исторических законов (законов исторического развития человеческих обществ, позволяющих со стопроцентной вероятностью предсказывать будущее). Абсолютных, константных начальных условий, которые могли бы превратить сложный набор разнородных социологических закономерностей в единый закон общественно-исторической эволюции, не существует. Контексты исторических событий являются изменчивыми и плавающими. Например, Марксов прогноз гибели капитализма базировался на необоснованной экстраполяции в будущее тенденций, обнаруженных к середине XIX в.

Другой важный контраргумент Поппера, адресуемый наивной, но тоталитарной в своих амбициях историцистской футурологии, сводится к следующему соображению: развитие общества в значительной степени зависит от развития человеческих знаний, а конкретное направление развития знаний в будущем (в частности, науки) непредсказуемо [Поппер, 1993; 1992].

Действительно, скажем, из условной точки середины минувшего столетия, даже при близительных контурах новой цифровой эпохи первых десятилетий века нынешнего, повлиявшей самым решительным образом на характер жизни миллиардов людей на планете, были едва ли угадываемы. Точно так же и реалии первой четверти XXI в. не проливают сегодня света на очертания жизни людей грядущих десятилетий. Какое именно старое вишневое дерево упадет в бывшем саду дяди Вани в 2050 г., покажет только 2050 г.

Является ли каузальность бытийственной характеристикой объектов и их связей во вселенной или (универсальным?) способом организации когнитивного опыта субъекта – этот вопрос остается открытым. Но в любом случае без принципа причинности (пускай и принимаемого в самом усеченном виде и с массой оговорок) науке не обойтись. Установление корреляционных зависимостей между фактами в ходе эмпирического исследования и содержательная интерпретация обнаруженных связей как задача теоретического объяснения являются двумя смежными процедурами, уравнивающими и дополняющими друг друга. И в этом отношении в социально-гуманитарных дисциплинах дела, скорее всего, обстоят так же, как и в науках о природе, – даже если науки о человеке и обществе по ряду причин и не могут достичь того же уровня валидности, систематичности и непротиворечивости исследовательских результатов, каковой демонстрируют в своих построениях многочисленные разделы естествознания. Поэтому обществоведам

и гуманитариям, в очередной раз тяжело вздохнувшим и покачавшим головами после выслушивания очередной порции разоблачительных обвинений, приходится снова закатывать рукава и приниматься за их «сомнительную», но интересную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Виндельбанд В. История и естествознание. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Момджян К.Х. и др. Номотетическое познание в общественных и гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2015. № 3. С. 16–53.
- Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
- Монтескьё Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. Проект, 2000.
- Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.
- Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс, МФ «Культурная инициатива», 1992.
- Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Статья поступила: 21.06.24. Принята к публикации: 09.07.24.

WHY IS SOCIAL LIFE EXPLICABLE, BUT UNPREDICTABLE, OR HOW DOES FREEDOM GIVE RISE TO DETERMINISM?

PODVOYSKIY D.G.

Lomonosov MSU, Russia; RUDN University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. of the Lomonosov MSU; Assoc. Prof. of the RUDN University; Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (dpodvoiski@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RSF grant No. 24-18-00440.

Abstract. The article presents a critical reinterpretation and reconstruction of a key problem of social science: how a logically consistent and empirically substantiated explanation of social phenomena generated by the voluntarism of human actions, linked into complexes by a seemingly infinitely multiple contingency, is possible? In other words, we are talking about an attempt to answer the questions: how such a logically imaginary contingency is capable to generate elements of order at the empirical level, why social interactions have relative stability and reproducible character, what role do so-called unintended consequences of socially oriented (but dictated by «personal motives») human actions play in the processes of morphogenesis of society?

Keywords: causality, cause-and-effect relationships, regularity, free will, contingency, social action, social relationship, social institutions, methodology of social sciences and humanities.

REFERENCES

- Durkheim E. (1991) *The Rules of Sociological Method*. In: *The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Elias N. (2001) *The Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Momdjan K.H. et al. (2015) Nomothetic knowledge in social sciences and humanities. *Epistemology & Philosophy of Science*. No. 3: 16–53. (In Russ.)
- Montesquieu Ch.L. (1999) *The Spirit of Laws*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Montesquieu Ch.L. (2002) *Persian Letters. Considerations on the Causes of the Greatness of the Romans and their Decline*. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Parsons T. (2000) *The Structure of Social Action*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
- Plekhanov G.V. (1956) On the Question of the Individual's Role in History. In: *Selected philosophical works in 5 vol. Vol. 2*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Popper K.R. (1992) *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1–2. Moscow: Fenix, MF «Kulturnaya iniciativa». (In Russ.)
- Popper K.R. (1993) *The Poverty of Historicism*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Rickert H. (1997) *The Limits of Concept Formation in Natural Science: A Logical Introduction to the Historical Sciences*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Rickert H. (1998) *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetjashchiysya smyslom* [Selected works: A world glowing with meaning]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Weber M. (1990) Basic sociological concepts. In: *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Windelband W. (1901) *History and Natural Science*. Moscow: Tov-vo tip. A.I. Mamontova. (In Russ.)

Received: 21.06.24. Accepted: 09.07.24.

Поздравляем Вилена Николаевича Иванова с 90-летием!

Журнал СоцИс сердечно поздравляет Вилена Николаевича с юбилеем! 90 лет – это целая эпоха, наполненная трудом, творчеством и бесценным жизненным опытом. Вклад В.Н. Иванова в науку и общественную жизнь нашей страны сложно переоценить: он возглавлял ИСИ АН СССР (1983-1988), был первым заместителем директора ИСПИ РАН (1991–2005), с 2005 г. – советник РАН. Вилен Николаевич был членом редколлегии нашего журнала.

Желаем крепкого здоровья юбиляру, семейного уюта и тепла, новых идей и проектов, радости и благополучия. Пусть каждый день приносит новые радости и вдохновение!

В.И. Иванов облакает свои мысли в поэтическую форму. Для читателей СоцИса публикуем некоторые стихи, отобранные им для журнала:

«Умом Россию не понять».

Ф.И. Тютчев

Мысль эту осознать несложно
И молодым растолковать:
Умом, что слаб, – Россию не понять,
Умом, что силен, – безусловно, можно.

* * *

Другая полоса в истории настала.
Другие смыслы люди обрели.
И верить хочется, что времена прошли,
Когда у власти были либералы.

* * *

Пришла пора нам осознать:
Нас испытания ждут большие.
И только б веру нам не потерять
В могущество и торжество России.

* * *

Мир капитала себя исчерпал,
В другое качество он должен превратиться.
Как скоро это может всё случиться?
Никто об этом точно не сказал.

* * *

Дело не в поисках нового «изма»,
Шаг нужен смелый, пора бы понять:
«Штопая дыры капитализма»,
Новый достойный уклад не создать...

* * *

Социологи,
Довольны мы собой едва ли,
Но время подошло понять:
Мы много сделали, исследуя детали,
И мало, чтобы сущности понять.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает *только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде*. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все **статьи публикуются на бесплатной основе**. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам.

При подписании статьи в печать автор заключает лицензионный договор с главным редактором (см. на сайте). Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в **свободном доступе** на сайте журнала (<http://socis.isras.ru/>) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39, или по электронной почте: socis@isras.ru

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 12 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html> согласно посылаемой авторам инструкции.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

статьи – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами), без учета английского блока;

«Факты. Комментарии. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» – не более 0,5 а.л. (20 тыс. знаков), без учета английского блока;

«Книжное обозрение» – не более 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков);

«Научная жизнь» – до 0,4 а.л. (10–15 тыс. знаков).

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обращаем внимание, что редакция рекомендует ограничивать число соавторов (не более трех). В иных случаях окончательное решение принимается после получения от авторов информации о персональном вкладе каждого.

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференции, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В **рецензии** необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2024 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2022–2024 гг.

По традиции журнал принимает **эссе** или **полемические заметки**, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Полемика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует **переводы и материалы для рубрики «Социологическое наследие»**. Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо приложить скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо один из авторов выступает от имени остальных соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция **не вступает с авторами** в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается **в течение двух месяцев** со дня регистрации рукописи в Редакции. Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуются следующими критериями.

1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
3. Теоретическое обоснование избранной темы.
4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
5. Достоверность и убедительность данных.
6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в СоцИсе, исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий.
7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются общественно-научным журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.
2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.
3. Превышение рекомендуемого объема и несоблюдение требований к оформлению рукописи.
4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, **авторы обязуются не публиковать ее ни в каком ином издании без письменного согласия редакции.**

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:

- специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
- непосредственно в тексте;
- в сноске;
- в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

1. Название организации, проводившей исследование.
2. Даты проведения исследования (полевых работ).
3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
4. Структура генеральной совокупности.
5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
6. Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о ремонте выборки. Ошибка выборки.
7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа – процент объясненной дисперсии.
8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полужакрытый и проч.).
10. Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нештатные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке, список литературы), плюс содержать блок на английском языке.

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должности, контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация** и **список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи, результаты исследований и основные выводы; быть структурированной (следовать логике

описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы).

Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – **п/ж строчные** – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – **п/ж строчные** (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – **п/ж строчные курсив**. Рекомендуем использовать содержательные названия параграфов в основной части статьи, а не просто – результаты исследования.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);
- авторская справка – Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), ученая степень, звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все); город, страна, e-mail в скобках;
- информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract – должен быть расширенным (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах 200–250 слов);
- keywords (через запятую не более 10 слов);
- references – список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания через запятую и страницу при цитировании после двоеточия. Например: [Тоценко, 2016: 9].

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

К рассмотрению принимаются статьи только с монохромными (черно-бело-серыми) рисунками.

Цветные рисунки не принимаются. Рисунки располагать в конце статьи, в тексте давать только название рисунка и номер после указания его в тексте. После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате:

– Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе);

– *.tiff, *.png (предпочтительно), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае **разрешение** изображения должно быть не менее 300 dpi; **размер** – не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана страница из источника. При наличии у статьи DOI обязательно нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию**. Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «и др.». В случае ссылки на литературу на иностранном языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.».

Авторам необходимо знать, что **нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога**. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок URL. Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.
2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.
3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «//».
4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий статей не нужна:

Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)

Sushko P.E. (2020) Happiness and Social Well-Being in the Russians' Assessments: The Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 8. No. 1: 48–62. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094. (In Russ.)

Название журналов дается в транслитерации курсивом, в квадратный скобках указывается перевод на английский, принятый в цитируемом журнале.

5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.

6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.06.2024).

(!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тertyshnikova A.G. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456. [Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. (2021) Infantilization of youth: a methodological approach to measurement. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 21. No.3: 444–456. (In Russ.)]

Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]

Российское общество и вызовы времени. Кн. шестая / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Вест Мир, 2022. [Russian Society and the Challenges of Time. (2022) The six book. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)]

Giroux H. (2022) An Interview with Henry A. Giroux: Cultural Studies and Pandemic Pedagogy. In: *Critical Pedagogy and the COVID-19 Pandemic. Keeping Communities Together in Times of Crisis*. Ed. by F. Mizikaci, E. Ata. London: Bloomsbury Publishing.

Seligman M. (2021) Agency in Greco-Roman philosophy. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 16(1): 1–10. DOI: 10.1080/17439760.2020.1832250.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://socs.isras.ru/index.php?page_id=539.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 7

TO THE READERS

- 3 TOSHCHENKO Zh.T. Leafing Through the History of the Journal
- 7 KLIUCHAREV G.A. SOCIS is 50: Sociology in Search of New Ideas

THEORY. METHODOLOGY

- 10 TOSHCHENKO Zh.T. Life World as a Basic Concept of the Sociology of Life
- 23 IVANOV D.V. The Third Integrative Wave in Sociology's Development. Part II. Theories and Methods for an Augmented Social Reality

INTERVIEW

- 37 CHERNYSH M.F., DEMIDENKO S. Yu. The Task of Sociologists is to Bring Order into Chaos (interview with RAS corresponding member M.F. Chernysh)

SUMMARIZING

- 48 TEMNITSKIY A.L., BESSOKIRNAYA G.P. Changes in the Problem and Subject Field of Labor Sociology Against the Backdrop of the Time Challenges (based on publications in the journal "Sociological Studies" over 50 years)
- 61 TITARENKO L.G., KARAPETYAN R.V. Changing Values of Work (based on the materials from Russian and foreign publications)
- 73 TROFIKOVA I.N. Politics in the Journal "Sotsiologicheskiye issledovaniya": between Ideology and Episteme
- 87 KARLOVA E.N. Developmental Trends of Military Sociology in Russia (based on the analysis of publications in *Sociological Studies* for 2014–2023)
- 98 ZBOROVSKY G.E. Problems of Education on the Pages of the SOCIS Magazine
- 112 SUSHCHIIY S. Ja. Russians of the Near Abroad in the Focus of Russian Sociology: the Evolution of Research Approaches and Angles (1990s – 2020s)
- 128 BELOVA Yu. Yu., ZADORIN I.V. Formation of New Health Care Practices: what Sociology [does not] See

SOCIOLOGY OF SCIENCE

- 146 OBRAZTSOV I.V., POLOVNYOV A.V. In Search for a Balance: the Authorship Structure of the Journal "Sotsiologicheskiye issledovaniya" [Sociological Studies] (2014–2023)

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 159 PODVOYSKIY D.G. Why is Social Life Explicable, but Unpredictable, or How Does Freedom Give Rise to Determinism?

ANNIVERSARY

- 170 IVANOV V.N. is 90!

- 171 INFORMATION FOR AUTHORS

- 176 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)